

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Омская юридическая академия»

Министерство культуры Омской области
Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Материалы всероссийской научной конференции,
посвященной 100-летию начала Гражданской войны
и 100-летию государственной архивной службы России

Омск 2019

ББК 63.3(2)611+63.3(2)612

A437

Редакционная коллегия:

С. А. Величко, канд. ист. наук, доц.,
Д. И. Петин, канд. ист. наук (отв. ред.),
М. М. Стельмак, канд. ист. наук,
А. В. Минжуренко, канд. ист. наук, доц.

Актуальные проблемы изучения истории Гражданской войны в России : материалы всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию государственной архивной службы России (Омск, 15 ноября 2018 г.) / Ом. юрид. акад. ; М-во культуры Ом. обл., БУ ИсА ; [редкол.: С. А. Величко, Д. И. Петин (отв. ред.), М. М. Стельмак, А. В. Минжуренко]. – Омск : Омская юридическая академия, 2019. – 178 с.

ISBN 978-5-98065-188-6

В сборник вошли материалы, в которых освещены военно-политические, социально-экономические и культурно-философские аспекты, духовная и повседневная жизнь российского общества в военно-революционный период 1917–1922 гг.

Адресуется историкам, архивистам, преподавателям, докторантам, аспирантам и студентам учебных заведений высшего и среднеспециального образования, музейным сотрудникам и краеведам.

ISBN 978-5-98065-188-6

ББК 63.3(2)611+63.3(2)612

К истории легитимации белых правительств Сибири средствами музыкального искусства (1918–1919)

М. А. Белокрыс –

заведующий кафедрой хорового дирижирования
и сольного пения Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского, кандидат культурологии, профессор

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы, связанные с опытами легитимации власти белых правительств Сибири в годы Гражданской войны средствами музыкального искусства. Дается история создания и музыковедческий анализ дошедших до нас музыкальных произведений, уточняется судьба их авторов.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, власть, музыкальное искусство, легитимация.*

On the History of Legitimation of the White Governments of Siberia by Means of Musical Art (1918–1919)

M. A. Belokryс –

Head of the Department of Choral Conducting and Solo Singing
at the Dostoevsky Omsk State University,
Candidate of Cultural Studies, Professor

***Annotation.** The article deals with issues related to the experiments of legitimizing the power of the white governments of Siberia during the Civil War years by means of musical art. The history of creation and the musicological analysis of the musical works that have come down to us is given, the fate of their authors is specified.*

***Keywords:** Civil War, power, musical art, legitimation.*

Возможности использования музыкального искусства как средства активного воздействия на политическое поведение масс известны с древнейших времен. Музыка, способствуя в определенной степени процессу легитимации власти, становится не только

составляющей искусства, но и важным элементом политики, оказывая значительное эмоциональное влияние на людей. В истории музыкальной культуры известно огромное количество имен композиторов, создававших музыку, посвященную знаковым политическим событиям в жизни общества. Яркий пример этому – февральская революция 1917 г., которую воспели в своих сочинениях едва ли не все видные русские композиторы. Значительный интерес в этом отношении представляют материалы, связанные с Омском периода Гражданской войны, свидетельствующие, что и здесь при калейдоскопической смене возникавших правительств предпринимались попытки их легитимации с привлечением музыкального искусства.

«Вновь возникающие режимы, – пишет Г. Деркачев, – в какой бы форме ни происходили перемены в государстве, должны в любом приемлемом для себя виде провести процесс легитимации, т. е. добиться поддержки и доверия значительного большинства населения» [1, с. 75].

В Историческом архиве Омской области хранится уникальное нотное издание под названием «Кантатный гимн Сибири» (далее – Кантатный гимн). На титульном листе указан автор музыки – А. Кондор, дата выхода из печати отсутствует. Написан гимн для фортепиано с голосом (слова К-ва), но сама вокальная строчка отсутствует, внизу под партией инструмента помещен только стихотворный текст. В середине 1990-х гг. в Омске проходил конкурс на создание гимна области, вызвавший немало вопросов и сомнений. В связи с этим известный омский краевед И. П. Шихатов первым обратил внимание на сочинение А. Кондора. Очертив примерные хронологические рамки его создания (1914–1917 гг.), он писал: «Эта “героическая песнь” патриотична и не имеет политических пристрастий и окраски, поэтому ее невозможно отнести к “колчаковскому” периоду Сибири. Поиски сведений об авторе ничего не принесли, не знали об А. Кондоре и старейшие омские музыканты. Возможно, что это псевдоним. А не В. Шебалин ли это?» [2]. Но большинство предположений, сделанных И. П. Шихатовым, в том числе и о возможном авторстве В. Я. Шебалина, не оправдались.

Загадки Кантатного гимна открылись позднее, когда краевед ознакомился с еще одним экземпляром нот данного произведения, также хранящимся в архиве [3, с. 5]. Он был по-своему уникален, так

как содержал запись, сделанную каллиграфическим почерком чернилами на оборотной стороне нотного листа. Приведем ее полностью: «Настоящий Кантатный гимн Сибири написан 20 июня 1918 года в гор[оде] Омске по предложению лично мне данному генерал-майором Алексеем Васильевичем Гришиным-Алмазовым (согласно постановлению Совета Министров Врем[енного] Сиб[ирского] правит[ельства]. Слова Н. Киселева. Впервые исполнен был [под] моим управлением оркестром 6-го чешского полка в Гарнизонном собрании в присутствии Совета Министров и генералитета. В Петров день он был симфон[ическим] оркестром и хором Ом[ского] кафедр[ального] собора исполнен впервые публично на эстраде сада “Аквариум”, как гимн, каковым он был до Колчака. Анатолий Штылов (Кондор)» [4, л. 18 об.].

Автограф Анатолия Штылова (Кондора) хотя и краток, но достаточно информативен. В частности, он не оставляет сомнений, что автором Кантатного гимна был именно он. В автографе указаны обстоятельства, способствовавшие созданию гимна, дана краткая хронология исполнения. Собранные сведения об Анатолии Петровиче Штылове говорят, что происходил он из г. Уржума Вятской губернии, служил в белых войсках Восточного фронта в чине поручика капельмейстером военных оркестров, в частности, оркестра штаба одного из корпусов Белой армии. Предположительно, имел начальное музыкальное образование и, по-видимому, увлекался композицией, избрав себе звучный псевдоним – А. Кондор. На титульном листе печатного экземпляра Кантатного гимна значится, что это первое сочинение опуса № 12. Но другие произведения А. Кондора нам не известны.

Написан был Кантатный гимн 20 июня 1918 г. в Омске после падения советской власти как социальный заказ. Инициировал его известный военный деятель белой Сибири – генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов, действовавший по поручению Совета Министров Временного Сибирского правительства. Здесь обратим внимание на то, что А. П. Штылов сделал свою запись на нотах значительно позже описываемых событий, поэтому перепутал отчество генерал-майора, назвав его Васильевичем. Но хронологию сценической жизни своего творения изложил точно. Первое исполнение Кантатного гимна состоялось в конце июня 1918 г. в Гарнизонном собрании.

Сыграл его оркестр 6-го Ганацкого чешского полка, который в июне 1918 г. одним из первых вошел в освобожденный от красных Омск. Дирижировал оркестром автор музыки. Концерт, по-видимому, был закрытый, так как на нем присутствовали члены «Омского» правительства и армейский генералитет.

Сохранившиеся ноты дают возможность оценить Кантатный гимн с музыковедческой стороны как произведение искусства. Даже поверхностный взгляд говорит о том, что перед нами неграмотная с точки зрения гармонизации и формы композиция с невыразительной в интонационном отношении мелодией. Поэтический текст, написанный Н. Киселевым, хотя и содержит импульс сибирского патриотизма, но в целом бесцветен и аморфен. Художественная ценность Кантатного гимна невелика. Но были у него и свои достоинства: сибирско-патриотическая направленность и соответствие духу политических притязаний и деклараций сформировавшегося в это время Временного Сибирского правительства о государственной самостоятельности Сибири. Вероятно, эти факторы сыграли свою положительную роль в отношении власти к Кантатному гимну Сибири. Как образец нового агитационно-пропагандистского искусства произведение А. П. Штылова, как представляется, было одобрено, неофициально воспринято как сибирский гимн, рекомендовано к исполнению и, очевидно, к печати.

С этого момента Кантатный гимн А. П. Штылова становится едва ли не обязательным номером проводившихся в Омске музыкально-зрелищных и политических мероприятий. Для второй публичной премьеры композитор добавил к оркестровой партитуре партию смешанного хора. Посетившая в Петров день (12 июля) сад «Аквариум» публика услышала гимн в совокупном звучании симфонического оркестра и певческого хора Успенского кафедрального собора. Тем же составом исполняли гимн и на благотворительном вечере «Сибирский день», организованном 14 августа 1918 г. Сибирским обществом подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны также в саду «Аквариум» [5]. Сведений о том, какое впечатление производила эта музыка на современную публику, нами не найдено. Но известного впоследствии омского художника В. Уфимцева она не тронула. Состоя осенью 1918 г. на службе в военном оркестре, он сделал скупую запись в «Материалах для моей хро-

ники»: «Мобилизован Врем[енным] Сибир[ским] правит[ельством] <...> В Омске пели “Шарабан”. Оркестр играл сибирский гимн» [6, с. 130]. Как указывал сам А. П. Штылов, его сочинение звучало в Омске в качестве гимна вплоть до переворота, приведшего к власти адмирала А. В. Колчака.

В начале октября 1918 г. на пике политической актуальности Кантатного гимна его ноты были напечатаны, предположительно, в Омске. Пресса сообщала: «Вышел из печати и поступил в продажу кантатный гимн Сибири (слова Н. К-вэ, музыка Анатолия Кондора). Склад издания – Омск, музыкальная компания» [7]. Рассчитывая, по видимому, на широкую популярность и долгую творческую жизнь своего опуса, композитор поместил на передней обложке нот данные о том, что издаются они в разных вариантах: «Для симфонического оркестра – партитура, голоса; Для большого военного оркестра – партитура, голоса; Для рояля в 2 руки с хором – партитура, голоса; Для рояля в 4 руки; Для большого смешанного хора – партитура, голоса; Для малого смешанного хора – партитура, голоса». Для Омска того периода это был масштабный нотоиздательский проект. Но осуществился ли он хотя бы частично – пока не ясно.

Надежды А. П. Штылова на долгую творческую жизнь Кантатного гимна Сибири не оправдались. Смена политических режимов, установление с 18 ноября 1918 г. диктатуры адмирала А. В. Колчака аннулировали его актуальность. Капельмейстер служит руководителем штабного оркестра, приобретает известность как организатор духовых оркестров, к его мнению прислушиваются. В феврале 1919 г. он приглашен на совещание, организованное Внешкольным отделом Главного штаба колчаковской армии для обсуждения предложенных свободным художником Г. И. Тучинским способов изменения постановки музыкально-учебного дела в военно-духовых оркестрах и учебных заведениях [8, л. 14–14 об.]. В этот период А. П. Штылов предпринимает еще одну попытку принять участие в легитимации новой власти.

В феврале 1919 г. Омское отделение Русского музыкального общества объявило конкурс на создание текста Всероссийского народного гимна, музыку которого предполагалось написать позднее. Пока комиссия собирала присылаемые заявки, военные музыканты поспешили опередить события. 29 марта 1919 г. Верховный

правитель России адмирал А. В. Колчак, помимо обычной работы, принял вне очереди некоего полковника английской службы и «оркестр военной музыки, который исполнил “Национальный гимн” – проект Скрипченко» [9]. Вечером того же дня в городском театре состоялся торжественный концерт в пользу инвалидов, где и прозвучал новый гимн. На вечере присутствовали Верховный правитель, министры и представители всех иностранных миссий. В этом же концерте был исполнен духовым оркестром не только новый народный гимн, но и марш капельмейстера Алчадаева, посвященный Верховному правителю. Фаворитами концерта были отличный симфонический оркестр 6-го чешского Ганацкого полка, исполнивший гимны всех союзных держав, а также программу из классических произведений, и популярная певица М. А. Каринская [10]. На этом сверкающем фоне творение омских капельмейстеров затерялось.

Реакция адмирала и его свиты на музыку Всероссийского гимна и марш Алчадаева нам не известна. Но музыкальные произведения, в создании которых, безусловно, было заинтересовано правительство, не прошли мимо внимания критика, выступавшего в омских газетах под псевдонимом Дельта. Не обращая внимания на политическую ситуацию момента, он заключил, что «состряпанная г-ном Кондором безграмотная компиляция, с ее бесформенной мелодией и грубыми гармоническими ошибками, вдобавок лишенная одухотворенности настоящего гимна, вряд ли может удовлетворить самого невзыскательного человека, любящего и понимающего дух своей родины». Кроме того, за его основу композитор взял «Боже, Царя храни!», но «переврал мелодию и перепутал гармонию». О марше же Алчадаева критик отозвался благосклонно: «Это произведение можно приветствовать: оно написано с большим настроением, слушается легко и, безусловно, украсит собой музыкальную литературу военных оркестров» [11]. Сопоставляя наш анализ Кантатного гимна Сибири с характеристикой, данной Дельтой Всероссийскому гимну Скрипченко и А. Кондора, можно прийти к выводу, что он не слукавил.

О капельмейстере Алчадаеве и его «колчаковском» марше нам более ничего неизвестно, хотя, возможно, он мог бы стать музыкальной реликвией русской военной музыки. А. П. Штылов же осенью 1919 г. с частями Белой армии отступал на восток. Был взят в плен красны-

ми, возвращен в Омск под надзор чекистов. В 1920 г. работал руководителем хоровых курсов при 1-й Советской музыкальной школе, пел второстепенные партии в оперной труппе Большого народного театра [12, с. 534–536]. В конце 1920 – начале 1921 г. был арестован, отправлен в Ярославскую губернскую чрезвычайную комиссию, затем состоял на особом учете в Московском военном округе. Дальнейшая его судьба еще ждет своего исследователя.

Попытки омских капельмейстеров, в том числе А. П. Штылова, способствовать своим творчеством поддержке белых правительств, их легитимации оказались неудачными. Тем не менее они являются интересными эпизодами истории повседневной культурной и политической жизни Омска периода Гражданской войны, раскрывающими неизвестные детали взаимоотношения деятелей музыкального искусства и власти.

Список источников и литературы

1. Деркачев Г. И. Сущность и механизмы легитимации власти в современном обществе // Власть. 2010. № 11. С. 75–77.
2. Шихатов И. Торжественная песнь – так толкуется греческое слово гимн // Омский вестник (Омск). 1995. 28 дек.
3. Шихатов И. Кантатный гимн Сибири // Омская муза. 1997. Март–апрель. С. 5–7.
4. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 3. Д. 53.
5. Заря (Омск). 1918. 14 авг.
6. Виктор Иванович Уфимцев. 1899–1964. Архив: дневники, фотографии, рисунки, коллажи, живопись. М. : Галеев-Галерея : Скорпион, 2009.
7. Сибирский гимн // Народная Сибирь. 1918. 17 окт.
8. ГАРФ. Ф. 320. Оп. 3. Д. 661.
9. У Верховного правителя // Сибирская речь (Омск). 1919. 1 апр.
10. Концерт инвалидов // Сибирская речь (Омск). 1919. 1 апр.
11. Дельта. Новый русский народный гимн и марш, посвященный Верховному правителю // Сибирская речь. 1919. 1 апр. (18 марта).
12. Белокрыс М. А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах. Т. 4. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015.

**«Красные белоармейцы»:
заметки о новом справочном издании
омских архивистов**

О. В. Блинова –

заведующий отделом музейных публикаций,
рекламы и медиакоммуникаций Омского государственного
историко-краеведческого музея, кандидат исторических наук

***Аннотация.** Публикация представляет собой анализ нового научно-справочного издания, выпущенного в декабре 2017 г. Историческим архивом Омской области. Автор указывает на ключевые особенности издания, отмечая его положительные стороны, а также высказывая замечания.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, Белое движение, Красная Армия, советская власть, архивное дело, Омск, рецензия.*

**“Red White Arms’ Soldiers”:
Notes About New Reference Edition of Omsk Archivists**

O. V. Blinova –

Head of the Museum Publications, Advertising
and Media Communications Department
at the Omsk State Museum of History and Regional Studies,
Candidate of Historical Sciences

***Annotation.** The publication is an analysis of a new scientific reference book, released in December 2017 by the Historical Archive of the Omsk Region. The author points to the key features of the publication, noting its positive aspects, as well as expressing comments.*

***Keywords:** Civil War, the White movement, the Red Army, Soviet power, archives, Omsk, review.*

Приближение к 100-летию с момента начала и развития событий революции и Гражданской войны в регионе обусловило повыше-

ный интерес со стороны научного сообщества к заявленной проблематике. В связи с этим представляется обоснованной и во многом символичной подготовка столь важного и солидного справочного издания по истории Белого движения и судеб его носителей в первые годы советской власти.

«Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920-е гг.)» – это научно-справочное издание, о котором мы ведем речь [1]. Оно является примером многолетней кропотливой работы, проделанной творческим коллективом сотрудников Исторического архива Омской области: авторами-составителями О. В. Грязновой, магистром истории Н. А. Коноваловой, В. Л. Помыткиной, кандидатом исторических наук М. М. Стельмаком и ответственным редактором издания кандидатом исторических наук Д. И. Петиним. Отметим, что два члена творческого коллектива – Д. И. Петин и М. М. Стельмак – в последние годы достаточно хорошо известны и признаны среди научного сообщества не только Омска, но и сибирского региона как специалисты по военно-политической и социально-экономической истории Гражданской войны на востоке России [2–23].

По нашему мнению, вышедший справочник – это важный шаг в деле популяризации документальной литературы, что особо актуально в наши дни, когда в массовом сознании получили распространение мифы о Гражданской войне в России, Советском государстве и обществе. В то же время обращение к проблеме Белого движения в контексте интеграции его представителей в новое строящееся Советское государство позволяет смягчить сохраняющийся конфликт «победителей» и «побежденных», внося взвешенное мнение в изучение событий столетней давности и переводя их из идеологической плоскости в поле исторического исследовательского дискурса.

Тема положения «бывших людей» в РСФСР–СССР также неразрывно связана с рядом колоритных сюжетов работы советских спецслужб. В этом отношении издание в декабре 2017 г. справочника, о котором мы ведем речь, видится в том числе продолжением тематических мероприятий Исторического архива Омской области, посвященных 100-летию образования Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР [24].

Реализация идеи создания книги, на наш взгляд, отличается выдержанным, аргументированным подходом составителей, в том числе к подбору персоналий. Структура справочника, с нашей точки зрения, удобна в работе, понятна и логична. Она включает в себя основной мультиинформационный блок материалов – именной указатель, а также приложение к нему, состоящее из двух тематических блоков: «Соответствие воинских и гражданских чинов по Табели о рангах с указанием знаков различия, носимых на погонах (на 1917 г.)» и «Соответствие воинских чинов вне Табели о рангах (на 1917 г.)» [1, с. 404–406]. Таким образом, в справочнике сочетается конкретно историческая и архивоведческая информация.

Предисловие ответственного редактора содержит всю необходимую вводную информацию о правилах работы с книгой. Так, эти важные для практики архивных поисков сведения, связанные с рядом сложных аспектов военной и политической истории, изложены лаконично и доступным языком. Научно-справочный аппарат издания представлен указанным предисловием, перечнем использованных архивных фондов Исторического архива Омской области и его филиала в городе Таре и приложениями, что уместно дополняет основную часть издания (именной указатель), поясняя и упрощая пользование книгой даже для неподготовленного читателя. Здесь отметим важный аспект – это использование составителями в том числе тарских фондов. Как показывает анализ археографических трудов, не всегда документы, хранящиеся в филиале архива, вводятся в научный оборот в подобных изданиях наряду с документами, хранящимися в Омске.

В справочнике представлено более восьми тысяч имен бывших офицеров, юнкеров и военных чиновников Русской армии, перешедших впоследствии в силу разных причин на службу в РККА либо в советские учреждения. Необходимо отметить заботливый подход авторского коллектива к будущим пользователям читального зала архива. Так, поисковая информация по каждой приведенной в сборнике персоналии включает указание на фонд, опись, дело и лист, что весьма значительно упрощает поисковую работу исследователя.

Стоит отдельно указать, что для практики работы российских государственных архивов (как федерального, так и регионально-го уровней) справочник является по праву уникальным. Как видно

из ознакомления с изданием, его значение велико. Хотя бы потому, что подобные издания, выступая в качестве «информационных проводников» по архивным фондам, разрушают распространенный (к сожалению, пока еще) в общественном сознании стереотип о том, что архив – это закрытое учреждение. Благодаря справочнику вниманию широкого читателя впервые представлена информация, находившаяся в советский период на закрытом хранении. Значительный объем архивных единиц хранения и отдельных документов (в том числе из так называемых мелких фондов) впервые был использован в научно-исследовательских целях. Данное обстоятельство значительно увеличит ареал исследовательской практики в этой исторической области, вводя в широкий научный оборот целый ряд документов преимущественно биографического, организационно-распорядительского и делопроизводственного характера.

Территориальный охват справочника не ограничивается одним только Омским и Тарским Прииртышьем (хотя по документам наш регион, естественно, в приоритете). География сборника также выборочно включает документы, затрагивающие ряд других регионов: как сопредельных с современной Омской областью, так и удаленных от нее, даже лежащих вне географических границ Сибири.

Благодаря обращению к информации, которая может быть извлечена посредством обращения к справочнику, читатель может составить общий портрет представителей бывшего офицерства, узнать политическую и гражданскую позицию данной прослойки советского общества, обусловившую поведение ее носителей в условиях становления новой власти. С другой стороны, за счет документов, использованных для подготовки сборника, становится очевидной позиция молодого Советского государства по отношению к его недавним противникам. Отсюда же становится возможным проследить пути взаимодействия сторон. Документы, указанные в справочнике, позволяют реконструировать процесс интеграции бывших белых офицеров в новое советское общество в течение 1920-х гг. и раскрыть срез слоев общества, из которых некогда получали пополнения антибольшевистские вооруженные силы Сибири.

Отметим и другую важную деталь. Историко-биографические исследования сегодня становятся набирающей обороты тенденцией историографии Гражданской войны. Известен ряд публикаций,

подготовленных в данном формате, о людях, чья жизнь в тот период была связана с Омском [25–33]. В связи с этим видится актуальным включение в сборник персоналий, известных в истории Омского региона. Прежде всего, это представители интеллектуальной элиты: Н. Е. Вараксин, Г. Я. Вяткин, П. П. Гольшев, А. Л. Иозефер, К. Е. Мурашкинский, Н. Д. Павлов и др. Их биографии отчасти известны, но благодаря справочнику есть вероятность узнать о них гораздо больше. Такое включение значительно обогащает издание и делает его привлекательным не только для специалистов, но и для всех интересующихся прошлым нашего города. Нам представляется, что издание будет широко востребовано историками, архивистами, краеведами и генеалогами. Также стоит подчеркнуть, что модель подготовки исследований в формате исторической биографии и практической генеалогии уже была успешно апробирована представителями авторского коллектива в цикле научных публикаций [34–44].

Сообществом ученых (в том числе за пределами Омского региона) справочник уже был по достоинству оценен [45]. Но соглашаясь с замечаниями, высказанными официальными рецензентами О. А. Алексеевой, Е. Н. Журавлевым и А. В. Сушко, считаем необходимым также указать следующее. Во-первых, при подготовке справочника составители (судя по списку задействованных архивных фондов), используя документы Омского губернского революционного трибунала и Омского окружного суда, к сожалению, упустили документальный массив Омского губернского суда – органа советского правосудия в Омском Прииртышье, который в первой половине 1920-х гг. также рассматривал дела об осуждении граждан за службу в Белой армии. Во-вторых, для локальной истории было бы актуальным указать (по возможности) даты жизни персоналий, включенных в сборник, сведения об участии в войнах и награждениях (а таковые сведения, как правило, содержатся в использованных для подготовки справочника послужных списках и анкетах).

Переработка именного указателя в сторону расширения поисковой формы, по нашему мнению, впоследствии может стать основой для создания интерактивной базы данных, которая в связи с глобализацией развития архивных информационно-поисковых систем может быть внедрена на официальном сайте Исторического архива Омской области. Такой ход смог бы сделать намного доступнее ак-

туальную и уникальную историческую информацию, выявленную омскими архивистами.

В завершение обзора хотелось бы подчеркнуть, что вышедший в свет справочник, на наш взгляд, символизирует то, что омское историко-архивное сообщество имеет достойный потенциал к дальнейшему развитию, заметно выделяясь не только в масштабах Сибири, но и на общероссийском уровне [46; 47, с. 5–6; 48].

Список источников и литературы

1. «Белые офицеры – красная власть»: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 – 1920-е гг.) : науч.-справ. изд. / авт. предисл. и отв. ред. Д. И. Петин. Омск : Амфора, 2017. 408 с.

2. Петин Д. И. Эмиссия денежных суррогатов советской властью в Кяхте летом 1918 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 59–64. DOI: 10.17223/19988613/47/7.

3. Петин Д. И. К вопросу о производстве денежных знаков Дальневосточной республики в Иркутске (июль 1920 г. – март 1921 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 130–137. DOI: 10.17223/15617793/432/17.

4. Петин Д. И. «Я дерусь со всеми, которые не так поступают, как Коммунисту следует...» Письмо Ф. А. Земита Н. Н. Крестинскому о финансовой работе в Сибири. 5 января 1920 г. // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1137–1148. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-4-1137-1148.

5. Петин Д. И. Николай Батюшкин: биографические источники в реконструкции жизненного пути харбинского белоэмигранта // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 249–282.

6. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

7. Сушко А. В., Петин Д. И. «Вы почли своевременным приспособить деление епархий применительно к новому гражданскому делению...» Доклад епископа Омского Аркадия митрополиту Нижегородскому Сергию и Священному Синоду. 1929 г. // Вестник

архивиста. 2018. № 2. С. 387–405. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-2-387-405.

8. Петин Д. И. «Известий не имею о нем и сам не пишу...»: источники личного происхождения о судьбе эмигранта Николая Николаевича Артамонова-младшего // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 18–23. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-18-23.

9. Петин Д. И. «Только живое слово на месте способно скорее сдвинуть этот вопрос с мертвой точки...»: положение Экспедиции заготовления государственных бумаг в Иркутске в начале 1920 г. // Новейшая история России. 2017. № 3. С. 256–270. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2017.318.

10. Петин Д. И. Рецензия на монографию А. Ф. Букина «Вклад политических ссыльных в культуру Западной Сибири (1905–1917)» // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 1. С. 84–88.

11. Петин Д. И. Иностранцы союзники сибирского антибольшевистского движения и пути решения национального валютного вопроса летом 1918 г.: взгляд сквозь призму аналитической записки // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 1 (17). С. 264–271. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.1.264-271.

12. Петин Д. И. «Пароход тронулся, заиграла музыка...»: сын военспеца РККА М. Н. Артамонов о путешествии из Омска в Обдорск (1922 г.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 34–43. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-34-43.

13. Бакшт Д. А., Петин Д. И. Казус Шулима Розенцвейга (1909–1911 гг.): новые источники о борьбе российской жандармерии с фальшивомонетчиками в Сибири // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 205–225.

14. Петин Д. И., Стельмак М. М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 48–64. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-48-64.

15. Петин Д. И. Регулирование денежного обращения партизанами и советской властью в Степном Алтае (сентябрь 1919 г. – март 1920 г.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 63–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/izv2.2018.20.4.066>.

16. Стельмак М. М. Нота Верховного совета Антанты Российскому правительству А. В. Колчака: вопросы признания Омского правительства летом 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 22–27.

17. Стельмак М. М. Газета «Правительственный вестник и формирование образа Великобритании и Франции как союзников сибирской контрреволюции (конец 1918 г. – начало 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 2 (40). С. 39–44.

18. Стельмак М. М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 1. С. 63–67.

19. Стельмак М. М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 1. С. 57–64.

20. Стельмак М. М. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отражении антибольшевистской прессы (по материалам рубрики «Печать и Союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129). С. 21–25.

21. Стельмак М. М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 39–45.

22. Стельмак М. М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3 (19). С. 168–182.

23. Стельмак М. М. Правовые аспекты обоснования союзнической помощи антибольшевистскому движению в России на примере заявления германского канцлера Максимилиана Баденского (осень 1918 г.) // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1. С. 29–31.

24. Петин Д. И. Омские архивисты – 100-летию образования ВЧК // Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 121–122.

25. Трофимов М. Ю. Выпускник Сибирского кадетского корпуса Е. А. Калачев – художник советской эпохи // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 273–284. DOI: 10.28995/2073-0101-2018-1-273-284.

26. Сушко А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 5–8.

27. Стельмак М. М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 3. С. 168–182.

28. Бакшт Д. А. «Бездеятельный жандарм»: к биографии В. Н. Руссиянова (в дополнение к докладу С. П. Звягина) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 25–33.

29. Пученков А. С., Сушко А. В., Петин Д. И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 1058–1073.

30. Петин Д. И. «Пароход тронулся, заиграла музыка...»: сын военспец РККА М. Н. Артамонов о путешествии из Омска в Обдорск (1922 г.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 34–43. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-34-43.

31. Огородникова Л. И., Лосунов А. М. Корнилов из рода Корниловых (по документам Исторического архива Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 22–28. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-22-28.

32. Сизов С. Г. Беглый комиссар В. Яковлев (Мячин) и его «исповедь» в омской газете «Правительственный вестник» (ноябрь 1918 года) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 2. С. 18–20.

33. Новиков С. В. Гайда Радола и чехи. Из истории контрреволюции и Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 15–20. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-15-20.

34. Петин Д. И. Личное дело лица, лишённого избирательных прав, как информационный комплекс в практической генеалогии (на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии М. К. Гомбинского) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 22–26.

35. Петин Д. И. Генерал-майор А. М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 386–396. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.207.
36. Блинова О. В., Петин Д. И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 127–137. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.127-137.
37. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
38. Петин Д. И. Николай Рогозин: офицер-деникинec в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.
39. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.
40. Петин Д. И. Всеволод Оссовский: бывший белый офицер в советской России // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 288–306.
41. Петин Д. И. Биографические источники в практической генеалогии: на примере судьбы кадрового офицера Русской императорской армии П. П. Мозера // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 294–312.
42. Жукова Н. С., Петин Д. И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н. Е. Варакин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 137–145.
43. Стельмак М. М. Авенир Загребин: жизнь бывшего офицера Генштаба в советском Омске // Омские социально-гуманитарные чтения – 2018 : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 24–26 апр., 2018 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2018. С. 252–256.
44. Стельмак М. М. Особенности возвращения избирательных прав «лишенцам» в 1920-е гг. // Чтобы это не повторилось : сб. материалов конф. «Помня прошлое. 75 лет Большого террора». Омск : Центр развития обществ. инициатив. С. 23–25.
45. Алексеева О. А., Журавлев Е. Н., Сушко А. В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)» – Омск, «Амфора», 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 44–55.

46. Чекалина Л. А. Центр изучения истории как инновационная форма архивной деятельности // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 119–125.

47. Пученков А. С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9.

48. Петин Д. И., Симонова И. Л. История освоения Арктики в просветительских проектах: опыт Омского региона (2018) // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 4. С. 53–60.

Восстание 22 декабря 1918 года в топонимике улиц города Омска

Г. Ю. Бородина –

руководитель Центра изучения истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области (Омск)

Аннотация. Публикация представляет собой анализ исторического материала об увековечивании в советском Омске трагических событий, связанных с антиколчаковским восстанием 22 декабря 1918 г.

Ключевые слова: Гражданская война, террор, подполье, топонимика, Омск.

Revolt 22 December 1918 in Toponymic of the Streets of the City of Omsk

G. Yu. Borodina –

Head of the Center for the Study of Civil War History
at the Historical Archive of the Omsk region (Omsk)

Annotation. The publication is an analysis of historical material

about the perpetuation in the Soviet Omsk of the tragic events associated with the anti-Kolchak uprising on December 22, 1918.

Keywords: *Civil war, terror, underground, toponymy, Omsk.*

В 2018 г. исполняется сто лет с трагической даты – дня восстания большевиков в Омске 22 декабря 1918 г. Событие это в советский период неоднократно вызывало интерес историков, журналистов, публицистов, общественности. Но особое внимание, на наш взгляд, вызывает история увековечивания этой антиколчаковской политической акции в названии улиц города Омска.

Практически сразу после восстановления в нашем регионе советской власти был поднят вопрос о мемориализации революции и ее деятелей в новых названиях улиц – этих перемен требовали изменившийся политический строй и политическая обстановка. С карты города постепенно стали исчезать названия, имевшие хоть какое-то отношение к прежней власти [1, с. 6–7].

В 1930-е гг. в состав города Омска вошел г. Новоомск – «историческая территория», где и произошло знаменитое выступление против белогвардейцев. И одним из первых решений Новоомского горсовета от 28 декабря 1927 г. № 7 стало переименование в ознаменование 10-й годовщины восстания улицы Троцкого в улицу 22 Декабря [2, л. 1 об.].

Появление на карте Омска новой топонимики, запечатлевшей память о восстании, продолжилось уже в скором будущем. Двадцатая годовщина декабрьского восстания была отмечена увековечиванием имен трех его организаторов. Решением исполкома Омского городского совета от 13 ноября 1939 г. № 887 улица Перевозная была переименована в улицу Александра Александровича Масленникова (1890–1919 гг.), улица Крестьянская – в улицу Арнольда Яковлевича Нейбута (1889–1919 гг.), улицы Крестовоздвиженская и Церабкоповская – в улицу Михаила Моисеевича Рабиновича (1892–1919 гг.). Все эти люди входили в число руководителей вооруженных антиколчаковских восстаний в Омске в декабре 1918 г. и 1 февраля 1919 г. [3, л. 162].

Кроме того, решением исполкома Омского городского совета от 28 декабря 1939 г. № 1015 в Старом Кировске появилась площадь

Восстания (она же имени Борцов Революции), которая вместе со сквером имени 22 Декабря 1918 г. находится у памятника участникам восстания [4, л. 182].

Погибшие в бою за Куломзино были похоронены в разных местах, большинство из них было погребено родственниками на омских кладбищах. Расстрелянные по приговору военно-полевого суда первоначально были захоронены на месте расстрела у железнодорожного полотна. Весной 1920 г. тела расстрелянных были перенесены в братскую могилу на площади Восстания. Возле могилы был поставлен временный обелиск. В 1925 г. на средства трудящихся Кировского района был сооружен капитальный памятник в виде четырехступенчатой пирамиды (автор проекта Д. М. Груздев). На памятнике была высечена надпись: «Павшим 22 декабря 1918 г.». В 1979–1980 гг. городские власти провели реконструкцию памятника.

В ознаменование 40-летней годовщины со дня восстания приняты еще два решения исполкома Омского городского совета о мемориализации. Так, решением от 10 апреля 1958 г. № 180 расположенные в Кировском районе улицы Ермака и Маяковского переименовываются в улицу Антона Станиславовича Поворотникова (1887–1941 гг.) – члена военно-революционного штаба по подготовке восстания 22 декабря 1918 г. [5, с. 76–77]. А решением от 13 мая 1958 г. № 304 переулок Новоселье и улица Лесная получают имя Павла Андреевича Вавилова (1891–1919 гг.) – руководителя военно-революционного штаба по подготовке и проведению восстания 22 декабря 1918 г. [6, л. 125].

К сожалению, сегодня далеко не всем жителям Омска известны имена участников тех далеких трагических событий и причины, повлиявшие на появление новых названий в омской топонимике. По мнению омского историка А. В. Сушко, причиной этому незначению служат, прежде всего, современные особенности преподавания истории и краеведения в учебных заведениях [7].

Но в этой связи примечательно, что памятник жертвам восстания 22 декабря 1918 г. сегодня находится в удовлетворительном состоянии под шефской опекой учащихся средних школ (№ 67 и 97), расположенных вблизи мемориального сквера. Ежегодно школьниками проводятся субботники, возлагаются цветы к памятнику.

В некоторой степени пробел в исторических знаниях компенсируют экспозиционно-выставочные площадки. Так, например, в Центре изучения истории Гражданской войны к 100-летней годовщине восстания оформлена выставочная витрина с документами, фотографиями и сборниками, хранящимися в Историческом архиве Омской области. Среди них – документальные свидетельства тех событий: именные списки участников восстания, содержавшихся в тюрьме, списки арестованных, освобожденных во время восстания, письмо Управляющему Акмолинской областью от товарища председателя Следственной комиссии от 9 февраля 1919 г. о лицах, участвовавших в восстании, фотографии членов Военно-революционного комитета и дома № 18 по ул. Большая Луговая, в котором размещалась конспиративная квартира подпольщиков.

Подобные экспозиции (как точечные, так и масштабные) имеют большую важность для нашего общества. Они наглядно представляют не самые простые страницы региональной истории, позволяя объективнее видеть события Гражданской войны, вызывая у посетителей Центра неподдельный интерес и благодарность за историческое просвещение [8, с. 11]. А самой главной функцией здесь является сохранение исторической памяти в масштабах не только страны, но и региона, города, улицы.

Список источников и литературы

1. Улицы города Омска : справ. / сост. Г. Ю. Гурьев, Л. И. Огородникова. 2-е изд., испр. и доп. Омск : ОмГПУ, 2008. 280 с.
2. ГИАОО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 155.
3. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 154.
4. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 155.
5. Колесников А. Д. Памятники и памятные места Омска и области. Омск : Ом. книж. изд-во, 1987.
6. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 2. Д. 1265.
7. Сушко А. В. К вопросу о негативном влиянии современных организационно-педагогических условий на преподавание истории России (размышления к Первому Всероссийскому съезду преподавателей истории в вузах России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 76–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-76-81.

8. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

Противоречия политики военного коммунизма

С. А. Величко –

независимый исследователь

Института развития образования Омской области,
кандидат исторических наук, доцент (Омск)

***Аннотация.** В статье анализируются противоречия политики военного коммунизма, которая, с одной стороны, была вызвана Гражданской войной и разорением, а с другой – стала попыткой непосредственного введения коммунистических мер.*

***Ключевые слова:** политика военного коммунизма, Гражданская война, продовольственная диктатура.*

Contradictions Policy of War Communism

S. A. Velichko –

independent researcher

at the Institute of Education Development of the Omsk Region,
Candidate of Historical Sciences, Docent (Omsk)

***Annotation.** The article analyzes the contradictions of the policy of war communism, which, on the one hand, was caused by Civil War and ruin, and on the other hand, was an attempt to directly introduce communist measures.*

***Keywords:** policy of war communism, Civil War, food dictatorship.*

Термин «военный коммунизм» ввел в оборот выдающийся марксистский теоретик А. А. Богданов еще до октября 1917 г. Этот тер-

мин характеризовал экономическую политику воюющих стран во время Первой мировой войны – Германии, Франции, Англии, России. Во всех этих странах была введена хлебная монополия (торгует хлебом только государство), твердые цены на хлеб и запрет частной торговли хлебом. Таким образом, такая политика напоминала в чем-то коммунистические меры.

В дальнейшем термин будет применяться к характеристике экономической политики Советского государства в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). На причины продолжения политики военного коммунизма есть два взгляда:

1) такая политика была вызвана войной и разорением и являлась логичным продолжением политики царского и Временного правительства (Временное правительство поддержало хлебную монополию своим постановлением от 25 марта 1917 г.);

2) в политике военного коммунизма проявились попытки большевиков быстрыми методами – «кавалерийской атакой на капитал» и непосредственным введением коммунистических мер (национализации промышленности, прямого товарообмена, курса на ликвидацию денег, трудовой повинности, бесплатных коммунальных услуг, проезда в транспорте) – перейти к коммунистическому обществу.

Первоначально большевики представляли себе коммунистическое общество как общество бестоварное. Н. И. Бухарин писал об этом в «Азбуке коммунизма»: «Коммунистический способ производства предполагает также не производство на рынок, а производство для собственного потребления. Значит, здесь нет товаров, а есть только продукты. Эти произведенные продукты не обмениваются друг на друга; их не покупают и не продают. Они просто поступают на общественные склады, а потом их берут те, кому они нужны... При коммунизме будет: взял человек столько-то и столько-то из общественного склада, сколько нужно, и больше ничего. Продать излишек тоже нет интереса: ведь всякий и так взять может, да и деньги тогда не будут цениться» [1, с. 4–8]. Вот такая получалась «Азбука коммунизма». Брошюра вышла в 1919 г., но, несомненно, написана она была годом раньше. В ней отразились частично наивные и утопичные мечты о коммунизме как обществе изобилия с огромными складами товаров-продуктов.

Но реализовать подобные мечты в стране, которая до этого была истощена четырехлетней Первой мировой войной, а затем войной

Гражданской, было, конечно, тяжело. Однако попытки непосредственного внедрения коммунистических мер в период военного коммунизма, безусловно, были.

13 мая 1918 г. декретом была введена продовольственная диктатура Народного комиссариата продовольствия СССР (далее – Наркомпрод): все излишки хлеба должны быть сданы по твердым ценам (в год Гражданской войны твердые цены становились фикцией) государству. Поощрялось доноительство: доносчик получал половину стоимости незаявленного и утаенного хлеба. Выдающийся экономист Н. Д. Кондратьев, современник событий, писал, что тем самым власть «поощряла разложение деревни и будила в массах крестьянства чувство розни» [2, с. 101].

Далее, например, согласно декрету от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» все предметы потребления передавались Наркомпроду. Наркомпрод также получил право на реквизицию и конфискацию оптовых торговых складов и национализацию торговых фирм. Теперь только Наркомпрод имел право обеспечивать население любыми товарами, в том числе и хлебом. То есть любые частные продажи, включая деятельность мешочников (частных торговцев, которые везли в город хлеб), оказывались вне закона. Их товары изымали в пользу государства, а самих торговцев арестовывали. В случае вооруженного сопротивления мешочники могли расстреливаться на месте преступления.

Но правительство было вынуждено время от времени (в моменты продовольственных обострений) легализовывать мешочничество, разрешая легальный провоз (обычно 1,5 пуда – около 24 кг). В сентябре 1918 г. «полуторапудовики» везли в столицы 4,5 млн пудов хлеба.

Однако 26 ноября 1918 г. постановлением Высшего совета народного хозяйства (далее – ВСНХ) и Наркомпрода частная торговля важнейшими предметами потребления была запрещена [3, с. 235–240]. После этого прямой товарообмен становится единственной (помимо черного рынка) экономической формой связи между городом и деревней. Замыслы Н. И. Бухарина, как мы видим, претворялись в жизнь. Берется курс на отмирание денег.

Сохранилась инструкция Наркомпрода от 24 августа 1918 г. для продовольственных отрядов (приложение к декрету от 3 августа

1918 г. «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций»). Согласно инструкции каждый отряд должен иметь в своем составе не менее 25 человек (так как крестьяне сопротивлялись и были известны случаи поголовного истребления малочисленных отрядов), во главе продовольственного отряда стоял комиссар и его помощник, в случае злоупотреблений на местах продотряд подлежал незамедлительному расформированию. С 1 сентября 1918 г. по 1 января 1921 г. было создано 2099 продотрядов с общим количеством 61 048 человек. Массовость участия рабочих впечатляет. И сами большевики называли деятельность продотрядов «крестовым походом» за хлебом [4, с. 46–48].

Наркомпрод ведал не только заготовками, но и распределением изъятых продуктов. Распределение было по карточной системе. Все население было принудительно кооперировано. В каждом городе существовало единое потребительское общество. Для взрослого населения вводились три категории: 1) рабочие; 2) члены их семей и другие трудящиеся с их семьями; 3) представители прежних господствующих классов. С конца 1918 г. соотношение пайков было 4:3:1. Дети получали бесплатное питание, бесплатную одежду и учебные пособия [5, с. 37]. Как мы видим, в распределении использовался классовый подход, а по отношению к детям применялись чисто коммунистические меры.

Мероприятием политики военного коммунизма стало введение трудовой повинности. Сначала отработки касались только «буржуазных элементов» (осень 1918 г.), а затем к работам были привлечены все трудоспособные граждане от 16 до 50 лет (декрет от 5 декабря 1918 г.). Для придания слаженности этому процессу в июне 1919 г. были введены трудовые книжки. Они фактически прикрепляли рабочего к определенному месту работы, без вариантов его сменить. Всеобщая трудовая повинность действовала в СССР до 1991 г. А трудовые книжки остались до сих пор.

Еще одной составляющей политики военного коммунизма была всеобъемлющая национализация предприятий. По Декрету Совета Народных Комиссаров от 28 июня 1918 г. все крупные предприятия были объявлены собственностью государства. Впоследствии национализацией так увлеклись, что постановлением РКП от 29 октября 1920 г. были объявлены национализированными все частные

предприятия с числом рабочих свыше пяти при механическом двигателе и свыше десяти без такового [6, с. 115–116]. Это уже мелкие и мельчайшие предприятия. Большевики увлеклись методами «кавалерийской атаки на капитал», и военный коммунизм, первоначально введенный как вынужденная мера, стал первым широкомасштабным коммунистическим экспериментом.

Экспроприацией кулацкого капитала, по мнению одного из первых исследователей политики военного коммунизма Л. Крицмана, стал декрет от 11 июня 1918 г. об учреждении комитетов бедноты (далее – комбеды) [6, с. 116]. Их деятельность привела к перераспределению собственности в деревне: у богатых крестьян комбеды отбирали землю, орудия труда, рабочий скот и перераспределяли между собой. Такая политика вызвала всеобщую ненависть, и в декабре 1918 г. комбеды были распущены. Но их деятельность, по сути, была первым раскулачиванием и привела к осереднячиванию деревни (см. табл. 1).

Таблица 1 [7]

% от всех крестьянских хозяйств	1917 г.	1919 г.	1920 г.
Беспосевных	11,3	6,6	5,8
До 4 дес.	58	72,1	86,0
Свыше 4 дес.	30,7	21,3	8,2

Вершиной политики военного коммунизма стало введение продразверстки Декретом от 11 января 1919 г. – все количество хлеба, необходимого для города и армии, разверстывалось для отчуждения между производящими губерниями. При этом брали не только излишки, но подчас и необходимый в хозяйстве хлеб. Получив наряд, сельсовет должен был прежде всего выполнить его за счет кулаков. Если кулаки не могли полностью выполнить его, то привлекались середняки и бедняки. Для тех, кто скрывал запасы, принимались строгие меры вплоть до конфискации имущества и лишения свободы. Впоследствии разверстка была распространена на картофель, лен, коноплю, шерсть, кожу, мясо, молочные продукты. Такая политика вызвала противодействие крестьянства и привела к общественно-политическому кризису 1920–1921 гг. и многочисленным восстаниям против нее, самыми крупными из которых были Тамбовский мятеж, Западно-Сибирское восстание, Kronштадтский мятеж.

Многочисленные восстания против политики военного коммунизма, несмотря на то, что они были жестоко подавлены, побудили большевиков изменить экономическую политику и перейти к нэпу.

Список источников и литературы

1. Бухарин Н. И. Азбука коммунизма. М., 1919.
2. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов. М., 1922.
3. История гражданской войны. Т. 3. М., 1957.
4. Гулевич К., Гасанова Р. Из истории борьбы продовольственных отрядов за хлеб и укрепление советской власти // Красный архив. 1938. № 4–5.
5. Вишневецкий Н. Принципы и методы организованного распределения. М., 1920.
6. Крицман Л. Героический период Великой русской революции. М., 1926.
7. Правда. 1923. 1 июня.

Трагедия Белого движения, или Почему белые потерпели поражение

Д. В. Воронин –

профессор кафедры археологии и исторического краеведения
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
доктор исторических наук, доцент

***Аннотация.** В статье рассматриваются изменения в оценке деятельности участников Белого движения, в частности колчаковской армии. Обращается внимание на то, что трагедия Белого движения во многом заключалась в непонимании его идеологами исторической ситуации, которая сложилась в России после Октябрьской революции. В стране в движение пришли широкие слои населения, прежде всего крестьянство, получившее от советской власти землю. Отмечаются недооценка лидерами Белого движения силы советской власти и заблуждение на предмет помощи со стороны Запада. Подчеркивается роль иностранной интервенции в развязывании Гражданской войны в России и втягивании в нее белых. Рассматриваются объективные*

и субъективные факторы, предопределившие исход войны, в частности, сравниваются усилия, которые прилагали белые и красные для мобилизации рекрутов, реквизиции лошадей и фуража для армии, отношение населения к политике белых и красных на освобождаемых территориях. В статье содержится попытка выяснить основные причины поражения белых.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, иностранная интервенция, советская власть.

The Tragedy of the White Movement, or Why the White Failed

D. V. Voronin –

Professor of the Department of Archeology and Historical Study of Local Lore at the National Research Tomsk State University, Doctor of Historical Sciences, Docent

***Annotation.** The article features changes in the assessment of the activities of the participants of the White Movement, in particular the Kolchak army. Special attention is drawn to the fact that the tragedy of the White movement was largely due to the fact that the ideologues did not understand the historical situation that had developed in Russia after the October Revolution. In the country, broad sections of the population, primarily the peasantry, which received land from Soviet power, came into the movement. There is an underestimation by the leaders of the white movement of the power of the Soviet power and a misconception about the help from the West. The role of foreign intervention in unleashing a Civil War in Russia and drawing whites into it is emphasized. The objective and subjective factors that predetermined the outcome of the war are considered, in particular, the efforts made by whites and reds to mobilize recruits, requisitioning horses and fodder for the army, public attitudes to whites and reds in the liberated territories are compared. The article is found out the main reasons for the defeat of Whites.*

Keywords: Civil War, White movement, foreign intervention, Soviet power.

Гражданская война для России стала катастрофой, повлиявшей на многие стороны нашей жизни вплоть до настоящего времени. К сожалению, советская историография нередко упрощенно рассматривала вопросы Гражданской войны, делая упор на героизацию красных. В настоящее время поток антисоветских мифов еще сильнее уводит нас от их объективного понимания. История Гражданской войны, прежде всего причины ее начала, априори связывается с деятельностью большевиков. В качестве основной причины Гражданской войны рассматривается экспроприация собственности у помещиков и буржуазии. Подобная точка зрения была характерна и для советской историографии. Однако, на наш взгляд, причины начала Гражданской войны лежат в другой плоскости. Об этом писал П. А. Сорокин: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров» [1, с. 141–142].

После Октябрьской революции 1917 г. в России произошли изменения во многих сферах социально-экономической жизни. Перед новой властью стояли огромные задачи хозяйственного и культурного строительства, которые предусматривали создание сети электростанций, организацию масштабных геологических экспедиций, создание научных институтов и многое другое. Советская власть объективно не была заинтересована в развязывании войны.

Причины начала Гражданской войны необходимо искать в духовной области. Господствующие классы не смогли смириться с изменением существующего порядка и рассматривали экспроприацию как посягательство на него. Даже в мелочах повседневной жизни они порой не могли смириться с переменами, например, с исчезновением табличек о том, что «В городской сад вход собакам и нижним чинам воспрещен». (К сожалению, в современной жизни появление таких понятий, как «нищоброд», не вызывает отрицания у значительной части интеллигенции и истеблишмента.)

К тому же нередко, как писал теоретик гуманистической историографии в Англии, представитель английского просвещения лорд Болингброк, «история нарочито и систематически

фальсифицировалась... пристрастие и предрассудок были причиною как вольных, так и невольных ошибок даже в лучших сочинениях» [2, с. 46].

Гражданская война, будучи столкновением нескольких участников с разными политическими и экономическими интересами, требует всестороннего исследования и анализа. Однако наша задача состоит в попытке выяснить причину трагедии Белого движения, его поражения. На наш взгляд, корни и причины трагедии необходимо искать еще в дореволюционной России. Наиболее остро они стали проявляться после революции 1905–1907 гг. Именно в это время стала быстро увеличиваться социальная пропасть между дворянством и буржуазией с одной стороны, крестьянством и рабочими с другой стороны. Это отмечали и современники. И. Л. Солоневич так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Бунинские “Окаянные дни”, вышедшие уже в эмиграции, полны поистине лютой злобы – злобы против русского народа» [3, с. 193].

Своеобразным манифестом радикального противопоставления стало появление сборника «Вехи», в котором представители радикальной интеллигенции выразили свое отношение к народу. Так, один из ее идеологов М. О. Гершензон писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [4, с. 101]. О нарастании ненависти в среде имущих классов и значительной части интеллигенции говорили многие современники. Ненависть к «восставшему хаму» возникла еще до прихода к власти большевиков. В. В. Шульгин, один из активных участников событий того времени, отмечал в своих воспоминаниях: «Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы – этот зверь был... его величество русский народ» [5, с. 181–182].

После Октябрьской революции эта ненависть только усиливалась и способствовала началу Гражданской войны. То, что представители господствующих сословий не желали смириться с потерей своих привилегий и были готовы бороться за них, нашло отражение в ро-

мане А. Н. Толстого «Хождение по мукам». Один из героев романа, Теплов, выразил свое желание: «Понимаешь, душка моя, послезавтра въезжаем в Екатеринодар, выпьемся в постелях, и – на бульвар! Музыка, барышни, пиво!.. И так по всей России будет: музыка, барышни, пиво. Отсидимся в Екатеринодаре с месяц, почистимся и – на расправу... Мы им порядочек устроим... Сволочи!.. Ну, а в Новочеркаске елочки точеные – баб шикарных, девчонок!.. Оказывается, вся Москва минирована... Факт, честное слово, Главнокомандующий принял соответствующие меры: ... не допустить до взрыва. Но зато уж повешаем! На Красной площади! Елки точеные! Публично, с барабанным боем!» [6, с. 339, 378].

Политика и конкретные действия белых свидетельствовали о непонимании ими того, что у значительной части населения в процессе ускоренной социализации под влиянием Первой мировой войны радикально изменилось сознание, что вчерашние забитые крестьяне – солдаты, пройдя горнило войны, стали активными участниками политических процессов в России. Белые были уверены, что смогут вернуть свои позиции в обществе и стране, что только стоит устранить большевиков, и «восставший хам» будет поставлен в прежнее положение. Существенной причиной трагедии белых стала их связь с иностранными государствами, необоснованная уверенность в том, что «Запад поможет». В такой ситуации поражение белых в определенной степени было предопределено. Важнейшей же причиной их поражения стала позиция крестьянства по отношению к ним.

Крестьянство в годы Гражданской войны, сталкиваясь с тем, что «белые пришли – грабят, красные пришли – грабят. Ну куда крестьянину податься?», тем не менее выбрало сторону красных.

Не следует идеализировать действия красных. Однако необходимо отметить, они в корне отличались от позиции белых, что можно проследить на примере колчаковщины. Об этом свидетельствует секретная сводка начальника осведомительной канцелярии штаба 3-й армии о нуждах и настроении солдат 7-й Уральской дивизии армии Колчака: «На настроение и недоверчивость сибиряков могло повлиять то обстоятельство, что при занятии красными наших деревень уже здесь, в Сибири, они вели себя вежливо, никого не обижали, – “иголку возьмут и ту возвратят”, – говорили бабы, тогда как подобного поведения и обращения с жителями со стороны наших

солдат не наблюдается» [7, с. 47]. В этой же сводке отмечается, что «по заявлению старосты деревни Желтики крестьян наши солдаты обижают больше, чем красные, в особенности тем, что берут фураж, дрова и уводят лошадей» [7, с. 48].

Победа или поражение противоборствующих сторон во многом зависит от морального духа воюющих. На это указывал Наполеон, подчеркивая, что успех на три четверти зависит от морального фактора и лишь на четверть – от соотношения сил. Поэтому контрразведка и другие службы в армии Колчака стремились постоянно изучать настроение в армии и на подконтрольной территории. Так, в донесении контрразведки по Ново-Николаевскому району отмечалось: «Внешняя дисциплина солдат Ново-Николаевского гарнизона, в частности военного городка, начинает понижаться. Внутренняя дисциплина совершенно отсутствует. Настроение офицеров местного гарнизона весьма подавленное, в особенности у тех, которые приехали с фронта и временно проживают в Н-Николаевске». Рассматривая настроение в гражданской среде, автор донесения сообщает: «Если в интеллигенции царит паника и полнейшая растерянность, то в этой среде (имущем классе. – Д. В.) она переходит всякие пределы. Чувствуя опасность самим себе, а главным образом своим капиталам, она ищет спасения и находит его единственно в бегстве на восток или за границу» [7, с. 65]. В донесении сообщается, что настроение рабочих «определить весьма трудно», а крестьянство равнодушно к правительству. При этом подчеркивается: «Оно и за правительство и не против большевиков. Чувствуется, что война всех утомила и мешает их работе. У всех единодушное желание, чтобы она скорее окончилась» [7, с. 65].

Доклад от 1 декабря 1919 г. инструктора осведомительного отдела Лепорского о городских слухах и настроениях носит еще более пессимистический характер. Причина сдачи Омска, по слухам, объяснялась отсутствием военачальника-распорядителя, чувством животного страха и личного самосохранения. В заключительной части доклада делается вывод: «А в общем народ волнуется, слушает, живет ожиданиями, а сам ничего не делает да и не желает делать. Надежда потеряна. Нет духа» [7, с. 68]. В сводке начальника контрразведки о настроениях населения по Иркутскому военному округу от 8 декабря 1919 г. также отмечалось: «Неудачи на фронте

создали сокрушающий характер настроения обывателей. Последние потеряли всю веру в успешность борьбы с большевиками и в собственные силы» [7, с. 71]. Многочисленные зашифрованные телеграммы от начальников контрразведывательных пунктов о настроении военных частей и населения свидетельствовали о происходящем там брожении, и только боязнь чехов удерживала от начала восстания. Иностранцы стремились на восток, большинство населения, земство, политические общественные деятели были склонны к примирению с большевиками, созданию коалиции и созыву Учредительного собрания. В телеграммах постоянно отмечается нежелание солдат продолжать войну, недовольство в офицерском корпусе, содержится информация о порке крестьян правительственными отрядами, незаконных реквизициях, иногда переходящих в грабежи. Это, по мнению информаторов, служило тормозом для формирования добровольческих дружин.

К декабрю 1919 г. ситуация на Восточном фронте для колчаковской армии стала критической. Колчак в телеграмме зампредсовмину признал стратегическое положение как трудное. Сообщая о моральном состоянии армии, отмечал, что «многие части находятся в состоянии полного разложения» [7, с. 86]. Необходимо подчеркнуть, что вчерашние союзники – чехословаки, сыгравшие немаловажную роль в развязывании Гражданской войны в России, видя безнадежность положения Колчака, опубликовали меморандум по поводу колчаковской политики. Целью было стремление отмежеваться и переложить всю ответственность за злодеяния, совершаемые на территории Сибири, на антибольшевистские силы: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности составляют обычное явление, и ответственность за все перед судом народов всего мира ложится на нас: почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию» [7, с. 113].

Колчак, возмущенный вероломством своих союзников, телеграммой ответил: «Повелеваю прекратить всякие сношения с этими лицами (с Б. Павлу, В. Гирсой. – Д. В.), как вступившими на путь

политического интриганства и шантажа, войти со срочным представлением... отозвать этих лиц из России и заменить их другими, умеющими себя хотя бы вести прилично» [7, с. 113].

После потери Омска колчаковская армия под напором 5-й армии РККА и партизанских отрядов начала быстро отступать на восток. 5 января 1920 г. правительство Колчака официально перестало существовать, а 7 февраля он и председатель Совета Министров В. Н. Пепеляев по решению Иркутского военно-революционного комитета были расстреляны.

В настоящее время идет активный пересмотр итогов Гражданской войны, реабилитация деятелей Белого движения и демонизация их противников. При этом нередко нарушаются основополагающие принципы исторического исследования. Итогом подобного подхода стала установка памятников Колчаку, Краснову, чешским легионерам и другим участникам антисоветского движения. Практически не изучается роль иностранных интервентов, которые в Гражданской войне, поддерживая белых, преследовали свои интересы. В этой войне большевики в большей степени отстаивали национальные интересы, интересы трудящихся, которые в своем большинстве их поддержали. Белое движение было отвергнуто прежде всего крестьянами. В Сибири крестьянство сыграло важную роль в падении колчаковского режима. Крестьяне понимали, что в случае победы белых стояла реальная угроза пересмотра земельного вопроса. Разрыв с крестьянами стал одним из главных факторов поражения белых.

Список источников и литературы

1. Сорокин П. А. Причины войн и условия мира // Социс. 1993. № 12. С. 140–148.
2. Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978.
3. Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2003.
4. Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910. М., 1990.
5. Шульгин В. В. Дни. 1920 : записки. М., 1989.
6. Толстой А. Н. Хождение по мукам // Собр. соч. М., 1983. Т. 5.
7. Последние дни колчаковщины : сб. документов. М. : Л. : Гос. изд-во, 1926.

**Влияние продразверстки 1920 года
на сельское хозяйство Томской губернии
(в освещении Сибирской рабоче-крестьянской инспекции)**

А. Г. Дианов –

независимый исследователь Сибирского государственного
автомобильно-дорожного университета,
кандидат исторических наук, доцент (Омск)

***Аннотация.** В статье на основании документов Сибирской рабоче-крестьянской инспекции проанализировано проведение продовольственной разверстки 1920 г. в Томской губернии и показаны ее последствия для сельского хозяйства региона. Автор рассматривает методы осуществления продовольственной разверстки и роль рабоче-крестьянской инспекции, в задачу которой, с одной стороны, входило пресечение злоупотреблений при сборе продовольствия, а с другой – всемерное содействие.*

***Ключевые слова:** Томская губерния, продовольственная разверстка, рабоче-крестьянская инспекция, аграрная политика, крестьянство.*

**The Influence of Food Collection on Agriculture
in the Province of Tomsk in 1920
(In the Light of the Siberian Working-Peasant Inspection)**

A. G. Dianov –

independent researcher
at the Siberian State Automobile and Highway University,
Candidate of Historical Sciences, Docent (Omsk)

***Annotation.** The article analyzes the implementation of the collection of food products in 1920 on the basis of documents of the Siberian workers' and peasants' inspection in the Tomsk province and shows its consequences for agriculture in the region. The author considers the methods of food*

collection in 1920 and the role of the workers' and peasants' inspection, whose task, on the one hand, was to prevent abuse in the collection of food, and on the other – all possible assistance.

Keywords: *Tomsk province, food distribution, workers' and peasants' inspection, agrarian policy, peasantry.*

В условиях Гражданской войны и первых лет после ее окончания проблема снабжения городов продовольствием была центральной не только в экономическом, но и в политическом плане. Особые надежды возлагались на Сибирь, как менее затронутую Гражданской войной. Для Сибири задания центра по продовольственной разверстке (далее – продразверстка) 1920 г. составляли 110 млн пудов зернофуража. В Томской губернии продовольственные органы должны были собрать 19 млн пудов продовольственного хлеба и зернофуража.

Рассматриваемый вопрос затронул А. П. Анашкин [1], уделив основное внимание деятельности рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ) по оказанию помощи продорганам. Цель данной работы – на основании неопубликованных документов показать последствия продразверстки 1920 г. для сельского хозяйства Томской губернии сквозь призму видения РКИ.

Продразверстка 1920 г. шла в Томской губернии в сложных погодных условиях. В августе и сентябре прошли затяжные дожди. Перед доставкой на пункты сбора хлеб нуждался в просушке. Осенняя распутица замедляла доставку хлеба к местам его транспортировки. Томская губернская РКИ (далее – губРКИ) в своих докладах Народному комиссариату РКИ (далее – НК РКИ) и в обращениях к Сибирскому продовольственному комитету (далее – Сибпродком) указывала на то, что изъятие 19 млн пудов продовольственного хлеба и зернофуража нанесет сильный ущерб сельскому хозяйству губернии. Специалисты сельскохозотдела Томской губРКИ считали, что по самым оптимистическим подсчетам губерния не могла иметь излишков более 7 млн пудов. В ходе продразверстки 1920 г. в губернии было собрано 13 млн пудов продовольственного хлеба и зернофуража. Масштабы изъятия почти вдвое превышали величину из-

лишков, имевшихся на селе. Столь значительные масштабы изъятия не означали, что у крестьян действительно были излишки хлеба. Во многих крестьянских хозяйствах забрали семенное и продовольственное зерно, крестьяне вынуждены были есть мякину. Инспекторы РКИ отмечали многочисленные факты, когда непосредственно после продразверстки приходилось выдавать зерно крестьянам из госзапасов. Несколько уездных продовольственных комиссаров, забравших у крестьян все зерно и получивших за выполнение плана продразверстки награды, впоследствии были отданы под суд [2, л. 5; 3, л. 49].

В период проведения продразверстки руководство Томской рабоче-крестьянской инспекции неоднократно предупреждало Сибирскую РКИ, НК РКИ, Сибпродком, что выполнение продразверстки подрвет основы сельского хозяйства Томской губернии и приведет к невозможности сбора хлеба в будущем. В докладе, направленном в НК РКИ в ноябре 1920 г., было высказано предположение, что изъятие хлеба в запланированном масштабе приведет в 1921 г. к сокращению посевных площадей. Лишь значительное сокращение изъятий зерна может предотвратить недосев в 1921 г. [3, л. 49; 4, л. 3 об].

Томская губРКИ отмечает ухудшение отношения населения к советской власти в сельских районах в ходе проведения продразверстки. В отчете Томской губРКИ за 1920 г. отмечено: «Волости, отдав последнее, что у них было, все же физически не смогли выполнить предъявленных к ним требований и были вынуждены на ряд предпринятых репрессий ответить вооруженным восстанием. Вызванные восстанием репрессии и жестокие расправы с повстанцами вряд ли могут послужить упрочению взаимной связи между рабочими и крестьянами. В интересах советской власти смягчить этот вызванный неумелым проведением продразверстки конфликт и обратить всю силу репрессий на действительно виновных, т. е. на должностных лиц неправильно произведших разверстку» [5, л. 6, 27].

Поскольку продагенты выступали от имени советской власти, то население смотрело на них и политический режим как на непосредственных виновников своего обнищания. С другой стороны, ответственные работники уездных продовольственных комитетов, в связи с отдельными случаями сокрытия крестьянами зерна в ямах

под амбарами, стали считать все крестьянское население губернии злостными неплательщиками. Предостережения РКИ о тяжелых последствиях масштабного изъятия зерна для предстоящего сева работниками продорганов квалифицировались как попытка срыва продразверстки в условиях продовольственной диктатуры. Рабоче-крестьянская инспекция была вынуждена принимать на веру заявления руководства губернского продовольственного комитета о том, что зерно у крестьян для посевной найдется.

В начале посевной 1921 г. губернский посевной комитет (далее – губпосевком) сообщил в РКИ о недостатке семян главных хлебов в 2,5 млн пудов. Народный комиссариат продовольствия СССР разрешил использовать из госрезервов в качестве семенной ссуды 836 тыс. пудов. Крестьяне пытались обменять свой хозяйственный инвентарь на зерно в соседних губерниях. Губпродком заявил, что семена выявятся и посев пройдет нормально. Томская губРКИ поддержала позицию губпосевкома, направив своего сотрудника А. Г. Савельева с докладом об обстановке в Сибирский посевной комитет. Ему удалось доказать необходимость увеличения размеров семенной ссуды. Но когда распоряжение о дополнительной выдаче семян поступило в Томскую губернию, посевная уже закончилась [3, л. 49 об., 50].

После окончания посевной 1921 г. в Томской губернии выяснилось, что недосев по сравнению с 1920 г. по различным уездам составлял от 20 до 57 %, а для главных продовольственных и фуражных культур (пшеница, рожь, овес, ячмень) – в среднем 38,07 %. Главная причина недосева была связана с яровыми хлебами. В то время как озимая рожь и пшеница дали недосев в 17 и 10 % соответственно, яровые посевы этих же хлебов дали недосев 55 и 42 %. Это доказывает, что главная причина недосева – недостаток семян, отобранных у крестьян в период между осенним и весенним севом [3, л. 49 об., 51].

В абсолютных цифрах засеянная в 1921 г. главными продовольственными культурами площадь составляла 307 тыс. десятин вместо 499 тыс. в 1920 г. Недостаток семян главных продовольственных и фуражных культур способствовал увеличению посевной площади гречихи, проса, гороха. По сравнению с 1920 г. посевы гречихи возросли на 109 %, проса – на 211 %, гороха –

на 113 %. В целом посевы гречихи, проса и гороха по губернии увеличились на 163 %. Посевная площадь указанных культур составляла 18 тыс. десятин против 6,8 тыс. десятин в 1920 г. Увеличились посевы и технических культур (льна, конопли). Семена этих культур у крестьян остались вследствие директивных указаний их не забирать. Имело значение и стремление крестьян, не имевших возможности купить ткань, изготовить ее. Площадь посевов технических культур возросла на 102 % – с 7,7 тыс. десятин в 1920 г. до 15,6 тыс. десятин в 1921 г. Площадь посевов под картофелем сократилась в 1921 г. на 20 % по сравнению с 1920 г. и составляла 8,6 тыс. десятин. Уменьшение площади посева под этой культурой было связано с тем, что население было вынуждено при нехватке хлеба для потребления заменять его семенным картофелем [3, л. 49 об., 52, 54, 55].

Расчет на общественную запашку и коммуны также не оправдался. Вместо предполагаемых десятков тысяч десятин была засеяна площадь, составлявшая не более 10 % предполагавшейся. В советском имении «Ломовская дача» вместо предполагавшихся 500 десятин было засеяно 50. Во многих имениях и коммунах инвентарь и семена остались не использованы. Там, где сев состоялся, семена, взятые с семенных пунктов, не были своевременно испытаны на всхожесть. В результате во многих коммунах и советских хозяйствах посевы или совершенно не дали всходов, или дали настолько слабые и редкие, что даже при хорошем урожае сбор хлеба не оправдал бы расходы. Связано это было с тем, что коммуна составлялась из лиц, не имевших отношения к земледелию [5, л. 6 об.].

Увеличение площадей под техническими и второстепенными продовольственными культурами (гречихой, просом и горохом) лишь незначительно уменьшило общее сокращение посевных площадей. В целом по Томской губернии посевная площадь в 1921 г. сократилась на 35 % по сравнению с 1920 г. В отчете Томской губРКИ за 1920 г. отмечалось: «Положенные в основание разверстки химерические расчеты чисто фантастической статистики, как этого и следовало ожидать, не только не оправдали ожиданий, но и привели к совершенно противоположным результатам» [5, л. 6].

Таким образом, огромные масштабы изъятия главных продовольственных и зернофуражных культур в крестьянских хозяйствах Томской губернии в ходе проведения продразверстки 1920 г. привели к резкому сокращению посевных площадей. А это, в свою очередь, способствовало разорению многих крестьянских хозяйств. В итоге выполнение в 1921 г. плана сбора продналога в Томской губернии стало невозможным, хотя он и был уменьшен почти в три раза по сравнению с заданием по продразверстке 1920 г.

Список источников и литературы

1. Анашкин А. П. К вопросу о деятельности Алтайской губернской рабоче-крестьянской инспекции в первые годы нэпа (1921–1923 гг.) // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм : докл. и сообщ. участников межвуз. науч. конф. Барнаул, 1969. С. 89–92.
2. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 13.
3. ГАНО. Оп. 1. Д. 30.
4. ГАТО. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 70а.
5. ГАНО. Оп. 1. Д. 14а.

Некрологи в периодических изданиях времен Гражданской войны (на материалах Исторического архива Омской области)

Н. В. Елизарова –

ведущий архивист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области,
кандидат исторических наук (Омск)

Аннотация. В статье анализируются публикации некрологов в сибирских периодических изданиях белой столицы (1918–1919 гг.), находящиеся на хранении в Историческом архиве Омской области.

Ключевые слова: периодическая печать, Сибирь, Омск, Гражданская война, белая столица, некролог, писатель Леонид Андреев, Вячеслав Вячеславович Едличко.

Necrologies in Periodic Editions of the Times of the Civil War (On the Materials of the Historical Archive of the Omsk Region)

N. V. Elizarova –

Leading Archivist of the Department of Use and Publication
of Documents at the Historical Archive of the Omsk Region,
Candidate of Historical Sciences (Omsk)

***Annotation.** The article analyzes the publication of obituaries in the Siberian periodicals of the white capital (1918–1919) stored in the Historical Archive of the Omsk Region.*

***Keywords:** periodicals, Siberia, Omsk, Civil War, white capital, obituary, writer Leonid Andreev, Vyacheslav Vyacheslavovich Edlichko.*

Периодическая печать белой столицы достаточно подробно изучена российскими учеными Э. Ш. Хазиахметовым, Д. Г. Симоновым, Л. А. Молчановым, А. П. Волгиным, А. Н. Никитиным, Д. Л. Шереметьевой, Н. А. Глущенко, М. М. Стельмаком, К. А. Коневым и др. [1–11]. Однако некролог как самостоятельный исторический источник в качестве отдельной темы не рассматривался исследователями Гражданской войны в Сибири.

Традиция публикации некролога (небольшой статьи, посвященной недавно умершему человеку, в которой отмечались положительные качества покойного, приводились сведения о его жизненном пути, заслугах перед обществом, причинах смерти, месте похорон) в газетных изданиях существовала всегда. Как правило, последнего прощального слова на страницах печати удостоивалась известная при жизни личность, и обывателю таким образом сообщалось о факте ее кончины. Степень значимости для общества ушедшего из жизни человека определялась несколькими характерными признаками: местом размещения статьи в печатном издании (на первой или последней странице), регалиями подписавшихся под некрологом персон, наличием траурной рамки, величиной шрифта. Таким образом, некролог

в лаконичной форме подводил итог жизни усопшего, давал оценку его личности. Наглядное представление о том, как проходили похороны значимой для белого Омска персоны, можно получить из сохранившейся до наших дней французской фотохроники 1919 г. [12, с. 53].

В годы Гражданской войны слово о мертвом стало до предела кратким, лишенным эмоциональной окраски, носило сугубо новостной характер: сообщалась лишь самая необходимая сухая информация, часто без традиционных нот скорби и сожаления. Таким, к примеру, было извещение об уходе из жизни врача Уфимского бактериологического института Николая Петровича Короткова, размещенное Главным врачебно-санитарным управлением Министерства внутренних дел: были указаны дата смерти (в ночь на 1 октября 1919 г.), место и время проведения заупокойной литургии (церковь Омского сельскохозяйственного училища, 2 октября, 9 часов утра), место погребения (Шепелевское кладбище) [13]. Особенность некрологов 1918–1919 гг. заключалась в том, что в них практически никогда не указывались дата рождения покойного или возраст, в котором он покинул этот мир. Традиционная фраза «скончался на таком-то году жизни» в мемориальных материалах периода Гражданской войны отсутствует. Не всегда освещалась и причина смерти, за исключением случаев, когда смерть была насильственной, тогда писалось коротко – «убит» или «погиб». Нередко на страницах газет того времени можно встретить и некролог о гибели сразу нескольких человек. В качестве подобного примера можно привести передовицу газеты «Русь», где была напечатана заметка о трагической гибели 9 моряков: «Управление по делам личного состава флота объявляет, что в последних боях с неприятелем убиты офицеры флота: капитан 1 ранга Петр Тихменев, капитан 2 ранга Александр Гутак, старший лейтенант Игорь де Кампо-Сципион, старший лейтенант Николай Лебедев, лейтенант Николай Краснов, лейтенант Александр Робуш, лейтенант Борис Карпенко и прикомандированные к морскому ведомству поручик Никанор Тихвинский, прапорщик Лобанов. По убитым офицерам, матросам и стрелкам будет отслужена панихида в Казачьем соборе в субботу 20 сентября в 3 часа 30 минут дня [14]. Некрологи, подобные этому, мало чем отличались от обычных сводок новостей или хроники происшествий, разве что были очерчены траурной рамкой и увенчаны черным крестом.

Характерной чертой некрологов рассматриваемого нами периода было наличие большого числа оповещений о смерти иностранцев, поскольку в то время в Омске находились консулы и вице-консулы иностранных держав, дипломатические представители ряда стран, оказывающих союзническую поддержку белой России.

Очень редко некрологи за вышеупомянутый исторический период позволяют реконструировать биографию усопшего. Одним из таких примеров является некролог, посвященный памяти председателя Омской судебной палаты Вячеслава Вячеславовича Едличко, «скончавшегося после тяжелой продолжительной болезни». Или, если точнее, некрологи, ибо статьи о его кончине разместили сразу несколько газет. Инициаторами публикаций выступили несколько организаций: строительная комиссия по постройке здания судебных установлений, Общество художников и любителей изящных искусств Степного края, Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, Российское общество Красного Креста. В некрологах, посвященных памяти В. В. Едличко, можно найти точную дату смерти юриста – 20 января 1919 г., а также адрес, по которому он проживал, – ул. Каинская, д. 8 (именно оттуда состоялся вынос тела 23 января 1919 г. в 8:30). Кроме того, в некрологе указано кладбище, где он был похоронен, – Казачье [15]. В газете «Сибирская речь» от 11 (24) января 1919 г. была опубликована большая статья, посвященная памяти этого неординарного человека, государственного и общественного деятеля. Судя по интонациям автора некролога Булдеева, он находился в близком окружении В. В. Едличко и являлся очевидцем всех произошедших печальных событий. Характеризуя покойного юриста, Булдеев пишет, что тот «никогда не был чиновником в специфическом смысле этого слова. Он был слишком талантлив, слишком ярок для того, чтобы вписаться в футляр. Как начальник бывал часто суров, но, кто понимал его, отлично усваивал, что в этой суровости выражалась идея требования дела от подчиненных и сослуживцев, служебная дисциплина, назначение которой русская интеллигенция оценила только после кровавых уроков революции» [16]. Особо были отмечены человеческие качества умершего: «неподдельная доброта и внимание к людям, черты, делавшие его не только милым, но и обаятельным» [16]. Отмечая роль В. В. Едличко в общественной жизни Омска, автор некролога писал,

что покойный «не ограничивался одной только государственной службой, но и отдавал себя общественной работе. Был деятельным членом общества Красного Креста, Археологического общества, общества искусств и др. ... В. В. (так в тексте. – *Н. Е.*) был художником по натуре. Он любил красоту в природе и искусстве... умел ценить и понимать художественные произведения и сам являлся любителем-коллекционером различных предметов искусства. Всесторонняя натура В-ва В-ва (так в тексте. – *Н. Е.*) находила себе удовлетворение в религии. Он был верующий человек, истинный сын Православной церкви» [16].

Также внимания заслуживает упоминание о том, каким было отношение В. В. Едличко к революционным событиям 1917 г. и наступившим вслед за ними «окаянным дням», в результате чего биография отдельного человека, его сугубо индивидуальный жизненный опыт был рассмотрен в контексте большой истории. Всю свою жизнь проведя на государственной службе, В. В. Едличко на момент Февральской революции находился на посту старшего председателя Омской судебной палаты. «Он встретил революцию, которая не пощадила его и выбросила за борт привычной служебной деятельности, – писал Булдеев. – Можно безошибочно сказать, что В. В. был смят и раздавлен революцией. Человек старой государственной школы был насильственно лишен возможности отдавать всего себя любимой службе, которая для него была почти личным делом, до такой степени он сросся с нею всем своим существом, нет, я разумею чисто общественную и политическую сторону всей нашей смуты, которая разрушением всех ценностей – духовных, культурных и материальных – загнала всех русских людей, где можно было лишь умирать, а не жить» [16]. Как видим, в вышеуказанном источнике отразился жизненный сценарий не просто обывателя, а свидетеля и участника реальных исторических событий. В целом же на примере некрологов 1918–1919 гг. можно проследить взаимосвязь частной жизни человека и общественной атмосферы эпохи. И здесь нельзя не согласиться с мнением философа И. С. Иконниковой, отмечавшей, что «микроистория отдельной личности на любом этапе истории становится источником построения макроистории всего социума. В этом заключается значение биографии как средства исторического познания. События национального масштаба разворачиваются на авансцене

истории, представляя собой лишь верхушку айсберга, в основании которого множество индивидуальных судеб, оптимистических надежд и драматических переживаний, легких и трудных решений, волевых поступков и обманутых ожиданий» [17].

По сравнению с прощальной статьей Булдеева некрологи, посвященные другим персонам, содержали более скупую биографическую информацию, хотя поводом для их написания нередко были трагические события. Так, в газете «Русская армия» за 1919 г. очень скромно сообщалось о проведении 12 июля («в годовую день») заупокойной литургии, на которую приглашались родные, знакомые и товарищи «павшего в бою кадета Володи Рогозина» [18]. А между тем Владимир Рогозин, сын войскового старшины Сибирского казачьего войска Н. К. Рагозина, кадет Омского кадетского корпуса, будучи добровольцем партизанского отряда есаула Б. В. Анненкова, в августе 1918 г. под Белорецким заводом был зарублен во время конной атаки на красный отряд Ф. Пичугина.

Еще один пример драматических событий, оставшихся, что называется, между строк. На передовице газеты «Заря» от 22 января 1919 г. Омская организация Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) и члены партии социалистов-революционеров известили о похоронах на Казачьем кладбище «дорогих товарищей» И. И. Кириенко и И. И. Девятова, «убитых в ночь на 23 декабря прошлого года». Напомним, в ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. в Омске произошло антиколчаковское восстание, впоследствии жестоко подавленное и закончившееся гибелью более тысячи человек (в том числе мирных граждан). В произошедших кровавых событиях имел место факт физической расправы над известными в России общественными деятелями, среди которых были депутаты Учредительного собрания. В результате офицерского самосуда были зверски убиты И. И. Кириенко и И. И. Девятов.

Иногда в омских газетах размещались некрологи на смерть известных русских деятелей, чьи судьбы не были связаны с Омском. Таким, например, являлся некролог, посвященный памяти писателя Леонида Андреева, «величайшего современного художника слова». Неизвестный автор написал о литераторе так: «Скончался крупный русский писатель – горячий патриот, еще недавно крикнувший на весь мир от имени исстрадавшейся, растерзанной России: «Помогите!»...

Он умер на чужбине, вдали от России, но его душа была и будет среди нас» [19]. А в газете «Единая Россия», издаваемой Военно-экономическим обществом, был напечатан некролог на смерть Леонида Андреева, написанный его родным братом Андреем, воевавшим в армии Колчака. А. Н. Андреев писал: «Я далек от мысли касаться его литературного наследия. Это дело критики. В этом отношении я могу только сказать, что все его произведения являются не более как слабым отблеском, невнятным эхом тех внутренних бурь, которые волновали его живую, вечно мятущуюся душу. В годы, предшествовавшие войне, глубоко изменилось мирозерцание писателя. Это новое отношение к жизни явилось не вдруг, оно было результатом всех его страстных исканий, оно явилось, когда пройден им был и посилено, для себя, освещен весь трагический мрак смутного, временного, полного страданий и противоречий, земного предельного бытия... Жестокое одиночество в жизни – вот то, что было уделом Леонида Андреева. Оно было тем “роковым”, что лежит, по слову Некрасова, в судьбе русского писателя, оно убивало его, как убивала “роковая” нищета Достоевского, как “роковая” чахотка убивала Надсона» [19]. Обычно в некрологах авторы стараются сгладить все острые углы и проблемы, которые имели место в жизни ушедшего в мир иной человека, – это, что называется, неписанные законы жанра, но брат умершего, напротив, будто бы ставил своей задачей вскрыть имевшиеся язвы и напрямую указать на окружение, ответственное, на его взгляд, за преждевременную кончину писателя. Так, он писал: «Сидевшие по своим политическим и литературным ячейкам, смотревшие по своим “направлениям”, замкнутые в стенах своих “школ” деятели искусства и политики, надев на себя правозверные шоры, не рисковали приближаться в них к писателю – слишком беспокойному, слишком независимому, слишком беспощадному ко всякой нарочитой узости и усыпляющему доктринерству. И если нужно было, в силу партийных соображений, молчать о писателе – молчали скопом, всем “направлением”, всюю “школою”, и если нужно было на него напасть – скопом же и нападали...» [19]. В своей статье А. Н. Андреев также характеризует и время, в которое ему довелось жить, разлучившее его с братом: «Андреев умер, и тысячи верст отдаляют нас от того гроба, в который положен он на чужбине. И разрозненное, разрушенное революционной грозой не в силах общество отдать усопшему последней дани...» [19].

Если, к примеру, рассматривать некролог другого известного писателя, умершего в рассматриваемый период, то он занимал одну строчку: «почитателей таланта русского национального писателя Василия Васильевича Розанова, великого русского патриота, скончавшегося недавно в Троице-Сергиевой лавре, просят пожаловать на панихиду по усопшему в Казачий Никольский собор в воскресенье 13 июля 12 час. 30 мин. дня» [19].

Одной из характерных черт мемориальных заметок 1918–1919 гг. было написание текстов к годовщине со дня смерти. Рядом с оповещением о проведении панихиды, как правило, были воспоминания о покойном. Так, в апрельском номере газеты «Наша Заря» 1919 г. была опубликована большая статья памяти генерала Л. Г. Корнилова, которого автор назвал человеком «редкого сочетания выдающегося ума и львиного сердца», «казаком по природе, унаследовавшим душу потомков Ермака» [21]. Данный некролог интересен как документ эпохи, фиксирующий отношение белой стороны к исторической фигуре Корнилова, поэтому, несомненно, генерал рассматривается в нем с определенных идеологических позиций: как выдающийся полководец, патриот, борец с советской властью. Фигура генерала еще при жизни стала одним из символов Белого движения, активно героизированных и в белом Омске [22].

Если сравнивать некрологи из белой прессы с советскими газетами, то они отличались прежде всего своей риторикой. Большевистские газеты не просто сообщали о факте смерти человека, но создавали политический миф. Для этого использовались пафосные выражения, усиленные метафорами, ставшие десятилетием позже настоящими клише: «принципиальная стойкость», «мужественность большевика», «железная выдержка», «твердый солдат революции», «неиссякаемая энергия», «большевистская настойчивость», «исключительная твердость воли, энергии», «большевистская бодрость», «единая большевистская целеустремленность», «несгибаемая воля революционера», «большевистская напористость» [23]. Газеты противоположной, белой стороны чаще использовали эпитеты «богатырь земли русской», «верный сын Отечества», «истинный патриот».

Подводя итоги, можно констатировать, что некрологи известных и малоизвестных деятелей, опубликованные в прессе белой столицы,

являются одним из важных источников информации о жизненном пути и основных видах деятельности ряда исторических и общественных деятелей. В таких публикациях нередко имеются сведения о событиях, которые не были освещены в других источниках, позволяющие прояснить так называемые белые пятна истории. Очень часто некрологи являются единственным источником информации о жизни и профессиональном пути той или иной личности.

Список источников и литературы

1. Хазиахметов Э. Ш. Периодическая печать Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.) // *Общественные движения и культурная жизнь Сибири (XVII–XX вв.)*. Омск, 1996. С. 104–121.

2. Волгин А. П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990. 18 с.

3. Семенова Н. М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической» контрреволюции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. 18 с.

4. Симонов Д. Г. Газеты как источник по изучению антибольшевистских вооруженных сил востока России (1918–1919) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2016. Т. 15. № 6. С. 31–40.

5. Шереметьева Д. Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.

6. Никитин А. Н. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны в Сибири. Омск : ВШМ МВД РФ, 1991. 204 с.

7. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М. : Издатпрофпресс, 2002. 271 с.

8. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

9. Сизов С. Г. Омские газеты как источник повседневной жизни Белой столицы России (июнь 1918 – ноябрь 1919 г.) // *Одиннадцатые Макушинские чтения : материалы науч. конф. (29–30 мая 2018 г., г. Томск)*. Томск, 2018. С. 364–372.

10. Глущенко Н. А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты The New York Times : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 263 с.

11. Конев К. А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.

12. Петин Д. И., Стельмак М. М. Антибольшевистский Омск в 1919 г.: источниковедческий анализ кинохроники французских интервентов // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 48–64.

13. [Некролог] // Русь (Омск). 1919. 2 окт.

14. [Некролог] // Русь (Омск). 1919. 18 сент.

15. [Некролог] // Заря (Омск). 1919. 11/24 янв.

16. Булдеев. В. В. Едличко [Некролог] // Сибирская речь (Омск). 1919. 11 (24) янв.

17. Иконникова С. Н. Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8

18. [Некролог] // Русская армия (Омск). 1919. 11 (24) янв.

19. Умер Леонид Андреев // Русь (Омск). 1919. 24 сент.

20. Андреев А. Вместо венка // Единая Россия (Омск). 1919. № 7.

21. Памяти генерала Корнилова // Наша заря (Омск). 1919. 30 апр.

22. Огородникова Л. И., Лосунов А. М. Корнилов из рода Корниловых (по документам Исторического архива Омской области) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 22–28. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-22-28.

23. Орлова Г. А. Биография (при)смерти: заметки о советском политическом некрологе // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/or11.html>

Печати и штампы партизанской бригады атамана И. Н. Красильникова

Л. Г. Капустин –
независимый исследователь (Муром)

Аннотация. В работе предпринята попытка на конкретных примерах дать базовое представление о печатях и штампах партизанского отряда особого назначения – партизанской бригады атамана И. Н. Красильникова на начальных этапах формирования.

Ключевые слова: Белая армия, Гражданская война, сфрагистика, печати, штампы.

Seals and Stamps of the Ataman I. N. Krasilnikov Partisan Brigade

L. G. Kapustin –
independent researcher (Murom)

Annotation. An attempt was made on concrete examples to give a basic idea of the seals and stamps of a partisan detachment of special purpose – the partisan brigade of ataman I. N. Krasilnikov at the initial stages of the formation.

Keywords: White army, Civil War, sphragistic, seals, stamps.

За последние годы исследователям удалось существенно продвинуться в изучении вспомогательных к тематике Белого движения исторических дисциплин, таких как бонистика, филателистика, вексилология. Однако сфрагистика – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати и штампы, а также их оттиски на различных материалах, пока не получила всестороннего, широкого освещения даже на уровне Белого движения, не говоря уже об отдельных аспектах данного направления исследований. Исключение – небольшой раздел о печатях в очерке о Ливенской дивизии Северо-Западной армии российского исследователя П. П. Лилленур-

ма [1]. Между тем эта сторона материальной культуры обладала своей особой оригинальностью и символизмом.

На период Великой войны 1914–1917 гг. свои печати и штампы имели соединения и части от штаба фронта до роты и более мелких подразделений. Кроме того, свои штемпели были у разного рода запасных, учебных, тыловых, медицинских, эвакуационных подразделений и т. д., и т. п. Общее количество печатей только на период Великой войны, по некоторым оценкам, достигало 15–20 тыс. [2]. Отчасти это обстоятельство объясняет сложность классификации и изучения данного направления исследований. В рамках полка – основной боевой единицы старой армии – имелся также целый набор печатей и штампов: большая полковая гербовая печать (с полным наименованием части), печать для почтовой корреспонденции, личная печать командира полка, полкового адъютанта и других должностных лиц.

В плане художественного исполнения, как правило, по краю круглой печати шла надпись, обозначающая часть, а в центре мог ставиться государственный герб, наименование более мелкого подразделения, эмблемы родов войск (для технических частей) и т. д.

В начале Гражданской войны практически каждая мало-мальски значимая военная часть, организация, гражданская структура имела свои печати (оттиски, имевшие юридическую силу и удостоверяющие подлинность документа) и штампы (оттиски, не имевшие юридической силы и являвшиеся инструментом упорядочения и упрощения документооборота).

С началом широкомасштабной Гражданской войны и созданием штабов первых вооруженных формирований антибольшевистского лагеря, которые начали издавать приказы, печати и штампы сразу же появляются на документах. Не стал в этом смысле исключением и партизанский отряд особого назначения есаула И. Н. Красильникова, формировавшийся еще в подпольный период (январь–май 1918 г.).

Летом 1918 г. отряд состоял из штаба, пехотной роты, кавалерийского взвода и нескольких команд (караульной, подрывников, пулеметной), действуя в июне–августе 1918 г. в составе 1-го Средне-Сибирского корпуса от Омска до Читы (отдельным подразделением – во 2-м Степном Сибирском корпусе в Западной Сибири

и на Урале). Осенью – 2 ноября 1918 г. – происходит реорганизация отряда особого назначения атамана И. Н. Красильникова в партизанскую бригаду его имени (стрелковый полк, кавалерийский дивизион, пулеметная команда) [3, л. 41]. С января по июнь 1919 г. бригада была задействована на Тасеевском и Нижнеудинском антипартизанских фронтах в Иркутской губернии, а также в Томской губернии; 18 июля 1919 г. была реорганизована в отдельную егерскую бригаду (1-й и 2-й егерские полки, егерский батальон, кавалерийский, артиллерийский, инженерный дивизионы) [4, л. 507]. В сентябре 1919 г., будучи переброшенной на основной фронт на реку Тобол против Красной Армии, бригада понесла большие потери и после Великого Сибирского Ледяного похода зимы 1919–1920 гг. прекратила свое существование как отдельное соединение.

На данный момент остаются неизвестными точная дата и приказ, которыми были установлены печати отряда (если таковой вообще сохранился), однако они появляются в документообороте части не позднее середины июля 1918 г.

Условно можно разделить печати отряда-бригады (по крайней мере, в 1918 г.) на два типа (в общем и целом они соответствовали дореволюционным образцам по компоновке): с государственным гербом в центре, окруженным по краю печати наименованием подразделения, либо с гербом, заключенным в дополнительный круг, за которым следовала надпись по абрису печати. Иногда в центре печати в 2–3 строки указывалось наименование части, а по краю шло наименование более крупного соединения, в которое входило формирование. Данный тип печатей использовался в армии Верховного правителя России, но в частях атамана И. Н. Красильникова такой тип оттисков пока не отмечен. Центральным символом печати был, как правило, государственный герб, однако нередко использовались и иные символы: Адамова голова, свастика, полумесяц, изображение святого Георгия Победоносца, поражающего змия (в различных вариациях).

В отряде атамана И. Н. Красильникова использовался двуглавый орел без корон над головами, скипетра и державы в лапах и щита с изображением святого Георгия Победоносца на груди. Подобный символ появился еще при Временном правительстве, будучи утвержденным 21 марта 1917 г., и использовался в качестве символики

новой «демократической» России на печати правительства А. Ф. Керенского и денежных знаках новой власти как временный государственный герб. Официально этот символ просуществовал до 10 июля 1918 г., однако фактически использовался и позднее (на печатях и даже знаменах различных воюющих сторон, в том числе Народной армии Комитета членов Учредительного собрания и Красной Армии). Исполнил его знаменитый русский художник-оформитель И. Я. Билибин.

Такой орел на печатях встречался также в ряде других вооруженных формирований на востоке страны, например, у некоторых номерных полков Сибирской армии Верховного правителя (3-го Барнаульского, 25-го Тобольского, 58-го Акмолинского Сибирских стрелковых полков, конного дивизиона 12-й Уральской стрелковой дивизии и т. д.).

Примечательно, что, несмотря на показной «монархизм», орел в символике отряда был вполне «демократическим», образца 1917 г. – без корон и символов власти, в отличие, например, от Азиатской конной дивизии генерала барона Р. Ф. Унгерна – также яркого монархиста, где орел на некоторых печатях был романовским (с коронами и символами власти в лапах).

В качестве примеров подобной печати отряда рассмотрим несколько ее разновидностей. Очевидно, главной печатью партизанского отряда был штемпель круглой формы диаметром около 35 мм. В центре в круг диаметром около 22 мм был вписан гербовый орел образца 1917 г. – без корон, щитка с изображением святого Георгия Победоносца и символов власти. Между кругом с изображением герба и краем печати крупными буквами шла надпись: «*Отрядъ особаго назначенія имени Есаула Красильникова*». Между началом и окончанием надписи были расположены три шестиконечные звезды в виде треугольника. Такая печать стоит, например, на документе, датированном 4 декабря 1918 г. [5, л. 171 об.].

Другой разновидностью данной печати была печать команды пополнения конного дивизиона бригады, датированная 28 декабря 1918 г. [5, л. 270]. В центре круглого штампа диаметром также около 35 мм располагался гербовый орел образца 1917 г., значительно отличавшийся стилистически от описанного выше (форма голов и крыльев, отсутствие прорисовки деталей оперения и т. д.)

и в целом выполненный более грубо. Очевидно, централизованного производства печатей в рамках армии не было (либо оно не было достаточно налажено), и они изготавливались попечением командиров отдельных формирований самостоятельно.

Другой пример. Орел на печати не был заключен в отдельный круг, а по абрису шла надпись печатным шрифтом без выделения заглавных букв. Над головами орла по центру стояла декоративная шестиконечная звезда, слева от которой начиналась надпись, огибающая печать: «КОМАНДА ПОПОЛНЕНИЯ ОТД. КОННАГО ДИВИЗИОНА ИМЕНИ ЕСАУЛА КРАСИЛЬНИКОВА».

Как и во время Великой войны, в период гражданского противостояния печати использовались не только для ведения канцелярского документооборота внутри части и взаимодействия ее с вышестоящими структурами, но и для маркировки служебной и личной корреспонденции офицеров и нижних чинов.

Так, на сохранившемся личном письме родным солдата отдельного кадрового батальона особого назначения имени есаула Красильникова, стоявшего в Омске, датированным маем 1919 г., отмечена печать круглой формы [6, л. 7]. По краю печати вкруговую шла надпись, однако разобрать ее, к сожалению, с сохранившегося оттиска не удалось. Возможно, удастся найти ее оттиск на каких-то иных документах части.

Помимо печатей, ставившихся в конце документа и удостоверявших его подлинность, на документах отряда-бригады использовались и штампы прямоугольной формы, как правило, в начале документа для упорядочения делопроизводства. На них было обозначено название части, а в специальных полях проставлялись дата и номер приказа/распоряжения. Среди доступных оттисков подобных штампов также известны разновидности.

На штампе приказа от 17 июля 1918 г. № 747 расположена надпись в четыре строки, причем каждая строка выполнена оригинальным шрифтом: «ОТРЯД / ОСОБАГО НАЗНАЧЕНИЯ / ЕСАУЛА / КРАСИЛЬНИКОВА». Далее идет декоративная виньетка, ниже которой имеется поле для проставления даты; еще ниже – стилизованное поле, на котором от руки ставили номер приказа [7, л. 3].

Штамп, проставленный на приказе от 12 ноября 1918 г. № 2097, значительно проще. Он прямоугольной формы, надпись также в четыре строки: «ОТРЯД / ОСОБАГО НАЗНАЧЕНИЯ / Имени ЕСАУЛА /

КРАСИЛЬНИКОВА». Надпись сделана более простым шрифтом двух типов. Ниже – поля для проставления даты, еще ниже – для номера приказа [5, л. 20].

Аналогичного типа (более упрощенного начертания) отмечены штампы на ряде других документов отряда-бригады. Это также свидетельствует о том, что изготовление этих предметов носило кустарный характер, однотипность ограничивалась лишь общими формами и стилистикой. Оттиски в большинстве случаев сделаны лиловыми (редко – черными) чернилами.

В условиях объективных трудностей ведения делопроизводства на ряде документов зачастую вообще отсутствовали какие-либо печати или штампы. Несомненно, свои печати имели и иные части бригады: 1-й Сибирский атамана Красильникова стрелковый полк и отдельный конный дивизион.

С большой долей уверенности можно говорить о сохранении этих печатей и штампов и в 1919 г., поскольку даже после изменения формата части осенью 1918 г. (переформирования из отряда в бригаду) и ее переименования по-прежнему продолжали использоваться печати с текстовкой *«Отряд особаго назначенія имени есаула Красильникова»* (к тому времени уже произведенного в полковники).

Подобная практика имела место и в других частях, например, в партизанской дивизии атамана Б. В. Анненкова, на документах которой даже в 1920 г. использовались печати с надписью *«ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД АТАМАНА АННЕНКОВА»*, к тому времени давно перешедшей в разряд дивизии, но сохранившей по традиции «историческую» текстовку печати.

Появление новых образцов и соответствующие изменения в тексте на штемпелях могли быть внесены с переименованием бригады в отдельную егерскую летом 1919 г. и созданием новых подразделений в ее составе, как то: артиллерийский и инженерный дивизионы, егерский батальон, лазарет. Тем не менее нельзя исключить полностью использование и старых печатей с «историческим» названием, учитывая, что в документах 1919 г. часть именовалась нередко на старый манер (как в 1918 г.).

Пока остается загадкой, имели ли право издавать приказы в пешем эскадроне имени атамана И. Н. Красильникова в Приморье в 1921–1922 гг. и если да, то что собой представлял штемпель

части. Также необходимо учитывать, что, к сожалению, подлинники печатей и штампов отряда неизвестны, поэтому трудно говорить об их общих массо-габаритных параметрах и материалах, времени и авторстве исполнения; мы можем судить о них лишь по сохранившимся оттискам разной степени сохранности.

Список источников и литературы

1. Лилленурм П. П. Ливенцы. 1919–1920. Униформа, символика, снаряжение и вооружение // Старый Цейхгауз. 2010. № 5. С. 50–51.
2. Форафонов О., Флоренский П. Почтовые штемпеля Первой мировой войны // Филателия СССР. 1971. № 7. С. 41.
3. РГВА. Ф. 40215. Оп. 1. Д. 163.
4. РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 17.
5. ГИАОО. Ф. Р-1568. Оп. 1. Д. 4.
6. ГИАОО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 32.
7. ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 121.

Большие события сквозь призму маленького человека: образы Гражданской войны в личных дневниках

Е. В. Кондакова –

студент 2 курса

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (Пермь)

***Аннотация.** В данной публикации рассматривается проблема использования одного из источников личного происхождения – дневника – относительно изучения событий периода Гражданской войны. В ходе обзорного исследования автор приводит особенности восприятия картин истории и жизни в данный период. Подчеркивается, что одним из источников формирования повседневного мышления в 1917–1920 гг. становились слухи. Для изучения подобных условий дневник приобретает особую значимость.*

***Ключевые слова:** радикализация, техники выживания, социальная катастрофа, новая реальность, маленький человек, эго-документы, дневники.*

Big Events Through the Prism of a Little Man: Images of the Civil War in Personal Diaries

E. V. Kondakova –

2nd year student of the National Research University
“Higher School of Economics” (Perm)

***Annotation.** This publication addresses the problem of using one of the sources of personal origin – the diary – regarding the study of events during the Civil War. In the course of the survey, the author cites the peculiarities of perception of pictures of history and life in a given period. It is emphasized that one of the sources of the formation of everyday thinking in 1917–1920 became rumors. To study such conditions, the diary acquires special significance.*

***Keywords:** radicalization, techniques of survival, social catastrophe, new reality, little man, ego-documents, dairys.*

Политические и гражданские беспорядки, подобные тем, что имели место в начале века, с новой силой возобновились в 1917 году. То, что было на какое-то время забыто, пришлось вспомнить вновь, и нужно было заново приспособливаться к уже более кардинальным переменам: «Я – обыкновенный русский человек. Я люблю природу, люблю детей и люблю полезный труд. Ни зависти, ни злобы у меня ни к кому нет. Я хочу работать, жить, никому не мешать и чтобы мне никто не мешал. Я испытываю отвращение ко всякому насилию. И вот судьба помещает меня в котел русской революции. Стать в ряды борцов какой-либо партии я не могу, я не способна к борьбе. Мирная работа сейчас очень затруднена. Кругом кипят партийные страсти. И во мне они вызывают, главным образом, тоску и отвращение» [1, запись от 25 ноября 1917 г.], – описывает свои переживания Зинаида Денисьевская.

С началом общественного движения в 1904–1905 гг. героиням рассматриваемых нами дневников понадобилось не меньше двух лет, чтобы перейти от мирной жизни к ощущению опасности. В 1917 г. перестановка происходит гораздо быстрее. Подобная ускоренная

радикализация связана прежде всего с наличием предшествующего опыта. Если в дневниках 1904–1907 гг. были попытки каким-то образом скрепить повседневность, то в 1917 г. из-за слухов она уже разрушена, и авторы дневников вынуждены существовать в сложившейся реальности. Однако, когда появляется возможность хоть ненадолго восстановить привычный порядок, человек пытается выйти из переживаний катастрофы, нормализуя кошмары. Происходит восстановление ценностного порядка, которого пока нет в реальной жизни, но который можно сконструировать в дневнике. Люди готовы к чему угодно, лишь бы не возвращаться в прежнее состояние.

Пришедшее к власти большевистское правительство становится для представителей интеллигенции очередным вызовом. Непонятная новая власть, совершенно непохожая на прежнюю, требует осмысления. Поскольку о ней мало что известно, происходит поиск аналогий и заимствование образов власти из уже известных дискурсов, связанных в первую очередь с Французской революцией. Зинаида Денисьевская, 30-летняя школьная учительница из Воронежа, в своем дневнике встречала новую власть следующими словами: «Меня тревожит и пугает победа большевиков. Я им не верю. У них нет ни честности, ни ума; я не говорю об исключениях, но в массе своей они темные и злые» [1, запись от 17 ноября 1917 г.]. Появляется реальная угроза потерять все и, прежде всего, самое ценное – жизнь: «Отступающая, недисциплинированная Красная Армия начинает вести “внутреннюю войну с капиталом и буржуазией” в виде грабежей и насилия над всеми, кто кажется им побогаче. К буржуазии же причислена и вся интеллигенция, хотя бы и такая пролетарская, как учительство» [1, запись от 1918 г.].

Поскольку начинается существование в условиях постоянной угрозы, у людей вырабатываются определенные техники выживания. Появляется необходимость в действиях, направленных на обеспечение безопасности: «Ах, сколько сейчас всевозможных ужасных переживаний у людей! Слушаешь рассказы, и то все холодеет. Эти обыски пьяными, грубыми не то солдатами, не то жуликами, постоянная угроза револьверами, убийства, стрельба по улицам. В каких тяжелых условиях заканчиваем мы учебный год! Напрягаю последние силы. Сердцу становится все хуже и хуже. Тревога за папу и маму и других людей, страх и за себя – расшатали совер-

шенно нервы. Жизнь обратилась в почти сплошное мученье. А тут еще угроза прихода немцев и голода. Господи, Господи, долго ли еще терпеть?! Дай сил на это терпенье, дай бодрости! Вероятно, во всех этих несчастьях есть великий смысл и глубокое значение для русского народа и, может быть, для человечества. Я покоряюсь неизбежному, но только прошу: сохрани близких мне живыми и дай мне силу и крепость!» [1, запись от 19 марта 1917 г.]. В этой связи люди вынуждены разрабатывать методы приспособления к господствующему режиму, а иногда и способы защиты от него.

Начавшаяся Гражданская война захватывает абсолютно всех. Для нее не существует ни пола, ни возраста, ни статуса. Страх, к которому невозможно подготовиться, ломает привычную повседневность. Устанавливается жизнь в условиях постоянного стресса, что ярко отражается в дневниках: «Я растерялась под напором революции, перед этой вечной угрозой смерти, грабежа, испуга, потери близких людей, – и еще не могу “принять” действительности» [1, запись от 1918 г.].

В подобной разлуке, когда на плечи людей ложится груз войны, дневник приобретает иную значимость, становясь особой отдушиной. В дневнике видится собеседник, с которым можно безопасно поговорить. Это позволяет сохранить свою идентичность на фоне внешних разрушающих событий: «И вся эта война, убийства, расстрелы, грабежи и то, что вся эта политическая и общественная жизнь попирает и топчет личные жизни отдельных существ, – и вся безалаберщина русской революции – всё такой тяжестью легло на сердце. И отчужденность от мамы, почти враждебность к ней в такие трудные минуты жизни – тоже яд. <...> Вот доказательство как чужда я с семьей: они смеются надо мною, что я пишу дневник: “словно девочка, пишешь описания”, “тратишь и бумагу, и чернила”, “смотри, про политику ничего не пиши”. А ведь мой дневник – моя сущность и моя жизнь. Я только эти тетрадки взяла с собой в погреб» [1, запись от 14 сентября 1919 г.].

Игорь Нарский замечает, что «в обстановке хаоса власти и развала экономики, нагнетания террора и массовой маргинализации населения оказались востребованными доиндустриальные культурные “инстинкты” и образцы поведения, поскольку жизнь в условиях непрерывной опасности, непрестанных и непонятных перемен

не позволяла просчитывать перспективу, долговременно планировать свою деятельность и предугадывать ее последствия» [2, с. 564]. К этим «архаическим инстинктам» относится сдвиг к прокриминальным моделям поведения. Доиндустриальный код также влияет и на изменение того, каким образом люди объясняют происходящее. В период, когда медиа находятся в условиях неразвитости, значительно повышается роль слухов.

Записи из дневника Анны Аллендорф за 1918 год сочетают в себе целый спектр переживаний молодой интеллигентки, оказавшейся между двумя огнями. С одной стороны на город идут большевики, с другой – немцы. Для героини немецкие войска представляют собой спасительный луч света против власти надвигающихся большевиков: «Ходят слухи, что немцы уже совсем близко от Киева. Ах, хоть бы они поскорей приходили и освободили бы нас от этих ужасных большевиков. Опасаются, что большевики напоследок начнут громить интеллигенцию, и называют даже 15-е февраля как день, назначенный для этого. Не дай-то Бог! На душе ужасно тоскливо и тяжело!» [3, запись от 25 февраля 1918 г.].

Обстановка в городе постоянно накалена. Каждый день появляются все новые слухи, дестабилизирующие ситуацию: «Говорят, что немцы уже в Киеве и что и здесь большевики очень приутихли. Только бы поскорее с ними справились. По слухам, Нежин объявляется на осадном положении, и я ужасно боюсь, что занятия на курсах опять прекратятся. Ужасно было бы жаль, т. к. это моя единственная отрада» [3, запись от 26 февраля 1918 г.].

В обществе всплывают все новые фантомы о восстановлении монархии: «Марья Ивановна Шепелева принесла следующие вести: в Петербурге совершился переворот, Михаил Александрович издал манифест, в котором он говорит, что в столь тяжелую для России минуту решает взять бразды правления в свои руки и довести Россию до Учредительного собрания. Ах, если бы это было действительно так, и если бы на самом деле пришел конец власти большевиков. Меня эти известия очень взволновали и возбудили. Только бы это не были пустые слухи!» [3, запись от 1 марта 1918 г.]; «Перемирие кончилось, и немцы уже заняли Двинск, а, кроме того, ходят слухи, что взят уже и Минск, и даже Петроград, а на престол возведен Павел Александрович. Ах, только бы конец власти большевиков!»

[3, запись от 21 февраля 1918 г.]; «Опять по городу ходят упорные слухи о вступлении на престол Михаила Александровича, но я этому уже что-то не верю» [3, запись от 27 марта 1918 г.].

Ежедневные изменения слухов формируют новую реальность. Слухи становятся главным источником информации о происходящем, из-за чего теряется определенность, меняется городское настроение, заведенный порядок. В обыденный для человека мир врываются новые разрушающие все привычное элементы, которые требуют приспособления к ним.

Из-за криминализации жизни маленькому человеку приходилось постоянно быть настороже. Повсюду на улице его могли подстеречь опасности. Социальная среда, в которой он вынужден совершать действия, теряет привычную ранее безопасность. Дневник позволяет зафиксировать рефлексию на данную тему.

Гражданская война разрушила привычный уют. На людей обрушились голод и эпидемии: «Стало беспокойно на душе, показалось ясно, ясно, что Оля должна умереть. Хотела сегодня же зайти к ним, но была голодна и замерзла. Да и боюсь занести в нашу семью заразу. А возможно все-таки, что на днях зайду» [1, запись от 1920 г.]; «Была вчера у Оли. Кошмар... В маленькой полутемной комнате, выходящей окнами в коридор, лежат: Володя, Оля и Анна Петровна. Всева только с неделю как встал и единственный двигается. В комнате чугулки. Во время морозов до -2 градусов. Лежат в шубах, шапках и платках. Есть почти нечего. Одно пшено. Дров, конечно, нет. Жгут столы, стулья, кадки, доски. Принесла немного муки и пшена. Потом опять сбежала домой принесла кислой капусты, моченых яблок, немного хлеба» [1, запись от 5 февраля 1920 г.]; «А впрочем – пусть все идет так, как суждено. Нездоровится. Не то лихорадка, не то инфлюэнца. Температура круглые сутки 37,2» [Там же].

Жизнь в катастрофе для человека, несомненно, тяжела: страхи перед новым правительством, угрозы для жизни. Однако, когда власть большевиков приобретает черты некоторой устойчивости, человек склонен усиливать ощущаемую им нормализацию. Появляются запросы на стабильность и безопасность, позволяющие индивиду задумываться о таких категориях, как любовь, семья, счастье: «Книга Коллонтай и письмо Нади Вентцель навели на меня бесконечные мысли о значении “семьи”... Раньше я всегда протестовала против

общественного воспитания детей, мне казалось, что это – величайшая трагедия материнской и детской души, что идеалом детства является именно уютная семейная атмосфера, родные люди, любовь матери и отца. И я всегда безумно тосковала по этому недоступному счастью – иметь любимую и любящую, родную по душе мать, дружную с отцом. А за последнее время передо мной стал вопрос: не ошиблась ли я? Где эти идеальные семьи в жизни? Их – единицы на тысячи! Не ищут ли постоянно отдыха вне дома и родители, и дети? И не является ли идеалом если и семья, то построенная на каких-то новых началах, может быть, на обязательности отдельных комнат для всех членов семьи? Вопрос о значении семьи и об отношениях между родителями и детьми, и тех и других между собою – для меня очень больной вопрос, который я решаю всю жизнь и который отравил мне, по крайней мере, половину этой жизни. И меня страшно интересует, как будет решать его молодое поколение в условиях революционной атмосферы. Какую форму примет брак, семья, воспитание детей?» [1, запись от 25 февраля 1921 г.].

Таким образом, материалы дневников позволяют проследить то, как большие события, а в частности Гражданская война, переживались в индивидуальном восприятии. Несмотря на то, что автор статьи обращается к опыту разных людей, находящихся в различных жизненных обстоятельствах, заметны схожие переживания: страх, беспокойство, дезориентация. В этой ситуации информация теряет свою определенность, приобретая характер слухов, которые становятся дополнительным будоражающим фактором. Происходит радикализация общества и разрушение социального мира. В итоге конструируется новая реальность, которая приобретает черты жуткой катастрофы. Таков образ Гражданской войны человека городской среды, находящегося вдалеке от военного конфликта.

Список источников и литературы

1. Дневник Зинаиды Денисьевской // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/860>
2. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 632 с.
3. Дневник Анны Аллендорф // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/258>

Строительство Красной Армии после окончания Гражданской войны в России (1919–1925 гг.)

В. А. Кутепов –

доцент цикла тактики и общевойсковой подготовки военной кафедры Омского государственного технического университета, кандидат исторических наук

***Аннотация.** В статье проводится анализ строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии после окончания Гражданской войны. Рассмотрена организация системы управления Вооруженными Силами.*

***Ключевые слова:** военное строительство, Гражданская война, Красная Армия.*

Construction of the Red Army After the End of the Civil War in Russia (1919–1925)

V. A. Kutepov –

Docent of the Cycle of Tactics and General Military Training of the Military Department at the Omsk State Technical University, Candidate of Historical Sciences

***Annotation.** The article analyzes the construction of the Red Army after the end of the Civil War. Considered the organization of the control system of the Armed Forces.*

***Keywords:** military bulding, Civil War, Red Army.*

После окончания Гражданской войны в России положение государства несколько упрочилось, и оно получило возможность сосредоточить свои усилия на мирном строительстве. Однако наша страна встретила с большими трудностями. Она была разорена двумя войнами (Первой мировой и Гражданской) и иностранной военной интервенцией. В упадке находились все отрасли народного хозяйства.

Немало было трудностей и политического характера. Острая борьба развернулась по вопросам строительства Вооруженных Сил. Сторонники Л. Д. Троцкого предлагали немедленно перейти в строительстве армии на милиционную систему. Эти требования были отвергнуты как направленные на ликвидацию регулярной Красной Армии.

Программа послевоенной перестройки Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) была выработана в марте 1921 г. Была признана неправильной и практически опасной агитация за немедленный переход к милиционной системе. Допускался частичный переход к территориально-милиционным формированиям вначале в районах с наиболее сплоченным рабочим населением (Петроград, Москва, Урал). В последующем, по мере накопления положительного опыта, укрепления внутреннего и международного положения государства, предполагалось создать территориальные формирования и в других районах страны [1, с. 410].

Отдельно отмечалась необходимость улучшения технического оснащения армии в связи с сокращением ее численности, развития технических и специальных родов войск (артиллерии, автобронетанковых, авиационных, инженерных, связи и пр.) [2, с. 128–129]. Особое внимание было обращено на улучшение материально-технического снабжения армии и флота.

Исключительное значение для укрепления обороны страны и повышения боеспособности РККА имело требование об объединении экономических, политических и военных усилий всех советских республик в рамках единого Советского государства. Подчеркивалось, что «общие интересы обороны советских республик... повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от “своей” и “чужой” буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма, лишь объединившись в тесный государственный союз» [3].

Перевод армии на мирное положение и подготовка к введению территориально-милиционной системы потребовали перестройки органов военного управления, пересмотра структуры Вооруженных Сил и организации всех родов войск.

В начале 1921 г. Революционный военный совет Республики принял постановление о реорганизации центрального военного аппарата. Полевой штаб и Всероссийский Главный штаб объединились в единый Штаб РККА. В ходе перестройки центральный аппарат военного ведомства за период с 1921 по 1923 г. был сокращен более чем в 5 раз [4, с. 3]. Реорганизовывались также органы фронтового и окружного военного управления. В начале 1921 г. началась ликвидация полевых управлений фронтов и армий. С изменением политико-административного деления территории страны одни военные округа были расформированы, а другие объединены. К концу 1923 г. на территории СССР остались два фронта (Западный и Туркестанский), шесть военных округов (Московский, Петроградский, Приволжский, Украинский, Северо-Кавказский и Западно-Сибирский) и две отдельные армии (6-я и Кавказская). Кроме того, на правах фронта находилось Управление командующего войсками Украины и Крыма. Фронты, армии и приграничные округа возглавлялись революционными военными советами (далее – РВС), внутренние округа – командующими войсками.

Реорганизация губернских и уездных военных комиссариатов шла по линии сокращения их численности, штатного состава и постепенного укрупнения военно-административных единиц. Основной задачей местных органов военного управления осталась учетно-мобилизационная работа.

Развитие Вооруженных Сил в 1921–1923 гг. имело свои особенности. Главным образом они были связаны с теми большими экономическими и политическими трудностями, которые переживала Советская страна, только что вышедшая из длительной и изнурительной войны, в условиях напряженной внутренней и международной обстановки. В результате процесс перехода на мирное положение был сложным и длительным. Но несмотря на это, в строительстве армии и флота были сделаны важные шаги.

К середине 1920-х гг. внутреннее положение СССР несколько улучшилось. Проведение новой экономической политики, трудовой героизм масс обеспечили преодоление хозяйственной разрухи. Однако практическое решение задач военного строительства осложнялось не только хозяйственно-политическими трудностями восстановительного периода, но и неудовлетворительной работой военного ведомства, которым руководили Л. Д. Троцкий и его сторонники.

Оппозиционеры, используя болезнь и смерть В. И. Ленина, стремились посеять среди военных кадров неверие в успех проводимых реформ, тормозили укрепление Вооруженных Сил.

Январский пленум ЦК РКП(б) 1924 г. поручил специальной комиссии во главе с С. И. Гусевым (в составе А. А. Андреева, А. С. Бубнова, К. Е. Ворошилова, Г. К. Орджоникидзе, И. С. Уншлихта, М. В. Фрунзе, Н. М. Шверника и др.) обследовать положение в Вооруженных Силах и разработать необходимые меры по укреплению их боеспособности. Обследованию подверглись четыре военных округа – Западный, Украинский, Московский, Северо-Кавказский – и Балтийский флот.

Комиссия отметила неудовлетворительное руководство Вооруженными Силами со стороны РВС и Народного комитета по военным и морским делам, которые возглавлял Л. Д. Троцкий. Был отмечен и ряд других крупных недостатков. Февральский пленум ЦК РКП(б) 1924 г. обсудил доклад комиссии о результатах обследования и отметил наличие в армии серьезных недочетов (колоссальная текучесть, полная неудовлетворительность постановки дела снабжения и пр.), угрожающих ей развалом. Пленум указал на необходимость проведения широкого комплекса мероприятий, направленных на укрепление армии и флота. Комиссии было поручено продолжать свою деятельность и разработать рекомендации по улучшению состояния армии и флота. Ее предложения, утвержденные в начале марта 1924 г., легли в основу военной реформы 1924–1925 гг. [5, с. 29].

Общее руководство разработкой и проведением в жизнь основных мероприятий по укреплению Вооруженных Сил было возложено на М. В. Фрунзе (11 марта 1924 г. он был назначен заместителем председателя РВС СССР вместо Э. М. Склянского). В итоге был составлен общий план военной реформы, которая охватывала основные стороны жизнедеятельности Вооруженных Сил. Крупные мероприятия были осуществлены в системе военного управления. Она была существенно перестроена. Первоочередной задачей было укрепление руководства РККА, более четкое разграничение функций центральных управлений и повышение их ответственности в своей области работы.

Основные направления реорганизации аппарата военного управления были определены в приказе РВС СССР от 28 марта 1924 г.

Приказ требовал максимально упростить этот аппарат, отказаться от методов работы военного времени, пересмотреть функции центральных военных учреждений с целью децентрализации их работы, сократить и обновить их личный состав, укрепить его партийными кадрами, изменить структуру местного военного аппарата в связи с расширением территориального строительства.

В соответствии с этим приказом должность главнокомандующего была упразднена, а его аппарат расформирован. Вместо единого Штаба РККА были созданы три самостоятельных органа управления: Штаб РККА, Главное управление РККА и Инспекторат РККА [6, л. 8]. Штаб РККА стал основным оперативным органом в системе военного ведомства, на который возлагались задачи разработки общих вопросов обороны страны. 1 апреля 1924 г. начальником Штаба РККА по совместительству назначается М. В. Фрунзе, а его помощниками – М. Н. Тухачевский и Б. М. Шапошников. На Главное управление РККА, которым руководил Н. Н. Петин, возлагались задачи руководства текущей жизнью армии и обеспечения ее повседневных нужд. Инспекторат РККА, возглавляемый С. С. Каменевым, ведал боевой подготовкой войск и командного состава, а также инспектированием Вооруженных Сил. Позже самостоятельное существование этого органа было признано нецелесообразным, и он был включен в состав Главного управления РККА.

Материальное обеспечение Вооруженных Сил сосредоточивалось в специальных управлениях под руководством начальника снабжения РККА И. С. Уншлихта.

Руководство строительством и боевой подготовкой Военно-Морского Флота было сосредоточено в Управлении Военно-Морских Сил. Управление Военно-Воздушных Сил ведало вопросами строительства и боевой подготовки военной авиации. Перестраивалось руководство техническими войсками. Управления родов войск и специальных войск (артиллерийских, военно-инженерных, связи, броневых сил) ведали только вопросами снабжения и подчинялись начальнику снабжения РККА, а их боевой подготовкой ведал инспекторат РККА.

Утвержденная в ходе военной реформы 1924–1925 гг. система организации центрального военного аппарата просуществовала с небольшими изменениями до конца 1928 г. Реорганизация

центрального аппарата улучшила его работу, повысила конкретность, целеустремленность и оперативность управления Вооруженными Силами. К октябрю 1924 г. численность личного состава отделов и управлений была сокращена на 23 %. Произошло омоложение кадров: число сотрудников старше 50 лет сократилось с 21 до 5 %, возросло количество молодых сотрудников до 30 лет – 31 %.

9 января 1925 г. Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли постановление «О реорганизации местных органов Народного комиссариата по военно-морским делам». Губернские военные комиссариаты были ликвидированы, а вместо них образованы территориальные управления комплектования военных округов – корпусные и дивизионные. Начальником территориального округа являлся командир соединения, который через аппарат территориального управления осуществлял руководство учебно-мобилизационной работой. Уездные военкоматы были сохранены как первичные учетно-мобилизационные органы.

26 января 1925 г. Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР снял Л. Д. Троцкого с поста народного комиссара по военным и морским делам и председателя РВС СССР. На эти должности был назначен М. В. Фрунзе, а его заместителем стал К. Е. Ворошилов. Руководство военным ведомством М. В. Фрунзе было непродолжительным ввиду его неожиданной смерти 31 октября 1925 г., но оставило глубокий след в истории Вооруженных Сил. 6 ноября 1925 г. народным комиссаром по военным и морским делам и председателем РВС СССР был назначен К. Е. Ворошилов.

В число задач строительства Вооруженных Сил в годы военной реформы входили обобщение опыта минувших войн и последовательного развития военного дела, разработка на этой основе уставов и наставлений [7, л. 1]. В 1925 г. в Штабе РККА было образовано Управление по исследованию и использованию опыта войны. В целях активизации военно-научной работы командного состава создается Военно-научное общество с отделениями при военных академиях, штабах округов (флотов), а также в корпусах и дивизиях РККА [8, л. 97–98].

До середины 1930-х гг. основой строительства Вооруженных Сил оставалась смешанная, территориально-кадровая система. Во второй половине 1930-х гг., в связи с осложнением международной

обстановки, советское правительство приняло решение о переходе от смешанной системы к единому кадровому принципу строительства Вооруженных Сил [9, с. 9–19]. Такой переход был подготовлен хозяйственными успехами СССР, его возросшими экономическими возможностями.

Список источников и литературы

1. Стенографический отчет пленума РВС СССР (24 ноября – 1 декабря 1924 г). М., 1925.
2. Советские Вооруженные Силы: история строительства. М. : Воениздат, 1978. 516 с.
3. Правда. 1921. 10 февр.
4. Дайнес В. О. От Гражданской войны к миру (Красная Армия в 20–30-е годы) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 2–10.
5. Фрунзе М. В. Собрание сочинений : в 3 т. М. : Л. : Гос. изд-во, 1926–1929. Т. 2: 1924–1926. 323 с.
6. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 720.
7. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 198.
8. РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 739.
9. Берхин И. Б. О территориально-милиционном строительстве в Советской Армии // Военно-исторический журнал. 1960. № 12. С. 9–19.

Из истории кладов белого Омска

А. М. Лосунов –

преподаватель

Центра духовно-нравственного воспитания «Исток» (Омск)

***Аннотация.** В статье обзорно рассматриваются вопросы, связанные с некоторыми обнаруженными в Омскекладами периода Гражданской войны, очевидцем и свидетелем обнаружения которых был автор данной статьи лично. Приводится характер и описание находок, а также мест, где они были обнаружены.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, Омск, клады, находки, денежные знаки, бонистика, нумизматика, краеведение.*

From the History of the Treasures of the White Omsk

A. M. Losunov –

Teacher at the Center of Spiritual and Moral Education «Istok»
(Omsk)

***Annotation.** The article deals with the issues related to some treasures discovered in Omsk during the Civil War, the witness of the discovery of which was the author of this article personally. A description of the findings, as well as the places where they were found are given.*

***Keywords:** Civil War, Omsk, treasures, finds, money, numismatics, local history.*

Советская историческая энциклопедия под словом «клад» понимает «спрятанные, чаще всего зарытые в землю, вещи, представляющие ценность для владельца» [1, с. 394]. Клады прятались в земле, в подвалах и стенах домов, на чердаках. Исходя из приведенного выше определения, под понятие «клад» подпадают не только золотые и серебряные монеты, ювелирные изделия, произведения искусства, но и старинные документы, бумажные деньги, различные предметы быта, ведь эти артефакты древних времен подчас не менее ценны, чем золото и бриллианты. Да и в старину кладом (иногда – кладь) называли любую вещь, которую куда-нибудь положил хозяин. И вовсе не обязательно, чтобы это была какая-то драгоценность, к тому же надежно спрятанная. Достаточно того, что эта вещь была нужной ее хозяину.

Для любого кладоискателя оптимальными условиями поиска являются полное запустение, а лучше всего снос какого-нибудь старинного здания. Есть и такие, кто подходит к поиску с особой тщательностью: собирают различные легенды, проверяют полученные данные в архивах, заносят каждый интересующий объект в картотеку. Однако таких педантов крайне мало.

В 1980–1990-е гг. деревянная историческая застройка Омска подверглась безжалостному сносу, который привлекал кладоискателей

и коллекционеров. Стоило бывшим владельцам переехать на новое место жительства, как старый дом оживал вновь. В него устремлялись как жители соседних строений, так и «добытчики старины». Но если первые желали пополнить запас дров, то вторыми двигало желание что-нибудь отыскать. Из бесед с участниками тех «набегов» нам удалось уяснить, что искать в старинных домах нужно в трех местах: в подвале или подполье, под печкой и в чердачной засыпке. Следует отметить, что именно в ней обнаруживают большинство находок. Достаточно вспомнить, что именно в чердачной засыпке при реконструкции бывших зданий К. А. Батюшкина, Омской городской Думы и Общественного собрания были обнаружены уникальные находки. В доме Батюшкина это были первые советские бумажные деньги и револьвер системы «Наган», в двух других случаях – дореволюционные и колчаковские документы.

Первой крупной находкой, отложившейся в памяти автора, стало обнаружение в устье реки Оми колчаковской баржи. В 1982 г. земснаряд «Иртышский-222» углублял дно реки вблизи ее устья и случайно зацепил какие-то доски, а вслед за ними среди песка блеснул артиллерийский снаряд. Работы были немедленно остановлены. О своей находке речники сообщили саперам. В городе создали специальную комиссию по разминированию – в самом центре Омска, в месте слияния Оми и Иртыша, найдена затонувшая колчаковская баржа со снарядами. Как их достать со дна реки? Сколько там снарядов, каких размеров баржа? На вопросы необходимо было ответить как можно скорее. Саперы обследовали приборами берега Оми, определили контуры баржи, границы ее обозначили вешками. Затем было принято решение перегородить реку двумя дамбами и откачать воду на месте затонувшей баржи.

Чтобы запечатлеть момент разминирования и сделать репортаж с места события, редактор газеты «Омская правда» отправил на Омь корреспондента Андрея Котелевского и фотокорреспондента Сергея Сапоцкого. Фоторепортаж с заголовком «Взрывы за городом» появился в областной газете [2]. Журналисты рассказывали, как среди ила, затянувшего баржу, саперы Левчук, Бойко, Белоусов и Винокуров щупами искали беспорядочно разбросанные артиллерийские снаряды. Главная опасность заключалась в том, что у снарядов проржавели боеголовки. Значит, любое, даже легкое, прикосновение

к взрывателю могло закончиться трагедией. В первый день было обнаружено 14 снарядов, во второй – 10. Все они были российского производства, калибра 76 мм, артиллерийские. Омичи, узнав о находке, толпами шли на набережную, чтобы увидеть воочию этот процесс. Как рассказал командир саперов Анатолий Левчук, специалисты определили, что снаряды действительно затонули в годы Гражданской войны и версия про колчаковскую баржу достоверна. Поднятые со дна Оми снаряды взорвали за городом. А обнаруженное артиллерийское орудие передали в Омский государственный историко-краеведческий музей. Сегодня оно занимает почетное место в постоянной экспозиции.

Вторым местом схрона стала чердачная засыпка здания бывшего Общественного собрания (ул. Ленина, 25). Его возвели в 1859–1860 гг. В годы Гражданской войны здесь находилось Морское министерство Российского правительства [3, л. 64]. В 1948–1981 гг. здание занимал Омский областной театр музыкальной комедии. Затем данное помещение передали на баланс театру кукол. Пока разрабатывался проект реконструкции, здание не эксплуатировалось, стояло бесхозным и разрушалось. На его содержание ежегодно тратилось около 20 000 руб. 19 февраля 1989 г. по инициативе общественной организации «Клуб любителей старины» состоялась дискуссия о судьбе здания, которая прошла в неотапливаемом зале здания с участием чиновников и общественности. По итогам встречи здание внесли в список вновь выявленных памятников, а затем решением Малого Совета Омского областного Совета народных депутатов «О постановке на государственный учет и охрану памятников истории и культуры Омской области» от 19 ноября 1992 г. за № 232 оно было поставлено на охрану как объект культурного наследия регионального значения. В первой половине 1990-х гг. помещение продолжало пустовать. Из-за бесхозности здание пришло в аварийное состояние. Вскоре его часть, находящуюся в наиболее плачевном состоянии, снесли, отстроив затем заново. Сейчас от исторической части здания сохранился флигель начала XX в.

В начале 1990-х гг. на чердаке вышеупомянутого здания, в засыпке, были найдены уникальные документы колчаковского правительства. К ним следует отнести отпечатанные типографским способом несколько номеров «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего

и Крестьянского правительства» и «Сенатских объявлений по казенным, правительственным и судебным делам» за 1919 г.

Еще одним местом находки колчаковских документов стало снесенное здание бывшей вечерней школы № 2, одиноко стоявшее в Центральном переулке (некогда месте весьма престижном). Находился он между улицами Фрунзе и Гусарова, там, где начинается южная граница завода им. Козицкого. Шло время, и дома, находящиеся в этом переулке, нещадно сносились. До наших дней уцелел только дом № 6. Здание бывшей вечерней школы состояло как бы из двух частей: деревянной одноэтажной пристройки на каменном цоколе, чем-то напоминавшей флигель, и двухэтажного каменного здания с балконом и кованым козырьком над входом. Когда-то эти здания, судя по всему, существовали автономно, но со временем (видимо, для нужд школы) их соединили. Вопрос о судьбе здания спешно решился в 2005 г.: в считанные дни школа была выселена, а здание снесли.

При разборе перекрытий деревянной части дома в чердачной засыпке один из рабочих нашел жестяную коробку 10×15 см, перемотанную железной проволокой. На стертой от времени крышке можно было разобрать слово «Мед». При вскрытии коробки оказалось, что она доверху забита кредитными билетами достоинством в 5, 10, 25 руб. – образца 1909 г., 50 руб. – образца 1899 г., 100 руб. – образца 1910 г., а также имелась «думская» тысяча образца 1917 г. Общую сумму обнаруженных бон установить сейчас не представляется возможным, поскольку они были поделены между рабочими, и на коллекционном рынке появились лишь отдельные банкноты. Из расписки и двух сберегательных книжек, обнаруженных вместе с купюрами, можно предположить, что в кладе было не менее 35 000 руб. по номиналу. Клады на такую большую сумму встречаются нечасто. Обнаруженные две сберегательные книжки были выписаны Омским отделением Госбанка на фамилию Чертковых. Одного из них звали Василий Андреевич, другого – Виктор Васильевич. Видимо, это были отец и сын. На счете Черткова-старшего к концу лета 1919 г. была сумма в 9040 руб. 88 коп., а сберкнижка Черткова-младшего была заведена уже при белых 14 августа 1919 г., на его счете значилось 25 000 руб. Не исключено, что перед отступлением белых из Омска Чертковы свои сбережения сняли с банковского

счета, спрятав в надежном месте – на чердаке. Но все это предположения. Сложность интерпретации находки в том, что ее уже невозможно исследовать именно в первоизданном виде, что крайне важно при изучении кладов.

На протяжении всей человеческой истории клады прятали, искали и открывали. Каждый клад – малый или большой – был сокрыт его хозяином при каких-то неизвестных нам обстоятельствах. Что заставило его владельца укрыть принадлежащие ему вещи? Кто был их хозяином? Как долго он собирал или копил свое сбереженное? Если в руки историка-исследователя все-таки попал клад, то на эти вопросы просто необходимо найти ответы. А искать их стоит, конечно же, в самом кладе, и подходить к нему надо в первую очередь с точки зрения того, что любой клад – это исторический источник и своеобразный исторический памятник. В нашем же случае остается только сожалеть, что многое из найденного было разделено и осело в частных коллекциях, где, как правило, важна не столько история находки, сколько ее современный денежный эквивалент.

Список источников и литературы

1. Советская историческая энциклопедия : в 12 т. Т. 7: Каракеев – кошакер / гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Совет. энцикл., 1965.
2. Котелевский А. Взрывы за городом // Омская правда (Омск). 1982. 29 сент.
3. ГИАОО. Ф. Р-2200. Оп. 1. Д. 300.

Б. Г. Пантелеймонов в годы революции и Гражданской войны

И. А. Махнанова –

архивист 1 категории отдела научно-исследовательской
и организационно-методической работы
Исторического архива Омской области (Омск)

***Аннотация.** В статье излагаются ранее неизвестные факты биографии Б. Г. Пантелеймонова (1888–1950), химика, писателя, уроженца Тобольской губернии (Омской области), установленные по архивным документам. Сведения охватывают период жизни земляка с 1917 по 1920-е гг.*

***Ключевые слова:** Б. Г. Пантелеймонов, писатель, химик, арест, ссылка, эмиграция, архив.*

B. G. Panteleymonov in the Years of the Revolution and Civil War

I. A. Makhnanova –

1st Category Archivist of the Department of Research
and Organizational and Methodological Work
at the Historical Archive of the Omsk Region (Omsk)

***Annotation.** The article presents previously unknown facts of the biography of B. G. Panteleymonov (1888–1950), a chemist, writer, born in Tobolsk province (Omsk region), established according to archival documents. The information covers the period of life of the countryman from 1917 to the 1920s.*

***Keywords:** B. G. Panteleymonov, writer, chemist, arrest, reference, emigration, archive.*

Борис Григорьевич Пантелеймонов умел соответствовать запросам времени даже в беспокойные годы. Пытливый и способный, он располагал к себе окружающих представительной внешностью,

доброжелательной улыбкой, открытостью и искренностью в общении. После трех арестов и ссылки в годы, предшествовавшие его участию в Первой мировой войне, весной 1917 г. он избран от своей военной части гласным Московской городской думы по спискам фракции эсеров [1]. Далее последовало несколько назначений с повышениями в должности и увеличением жалованья, а также очередной арест «по политическим мотивам».

Немногим ранее ареста, в сентябре 1919 г., для представления в Московский окружной комиссариат по военным делам и «срочно в течение 3-х дней назначения на должность по специальности» в своем жизнеописании Б. Г. Пантелеймонов указал: «На военной службе (по мобилизации). Член химической команды при штабе 9-й армии. Служба в Химическом комитете при Главном артиллерийском управлении. Старший помощник начальника центрального склада удушливых средств при Гл. арт. упр. (проект постройки склада). Директор химических заводов “Фармак” в Москве. Технический консультант “Центротекстиля”. Председатель технической консультации при Союзе военно-увечных» [2].

Пантелеймонов принят служащим Московской железной дороги. Вскоре выяснилось, что он оказался на редкость незаменимым специалистом Народного комитета путей сообщения. В ноябре 1919 г. его «вызволяли» официальным письмом в адрес Чрезвычайной комиссии: «Уже более месяца находится под арестом заведывающий химическим отделением Хозяйственно-материального управления ж. д. НКПС Пантелеймонов Борис Григорьевич. Арест т. Пантелеймонова вредно отзывается на работе вверенного ему отделения, выполняющего целый ряд ответственных срочных заданий, в силу чего, если т. Пантелеймонову не предъявлено никакого обвинения, ХМУ ж. д. НКПС просит в интересах дела о срочном его освобождении. Управляющий ХМУ ж. д. Управляющий отделом материалов» [3].

И отпустили, несмотря на «политические мотивы». Вероятно, стало известно, что арестованный – «слуга двух господ» (государственных ведомств стратегической важности) – из особой категории специалистов. Время требовало максимальной отдачи, его знания были необходимы, потому и перестали преследовать. Подтверждением наших предположений является недавно обнаруженный незамедлительный ответ на запрос мобилизационного отдела Военного

комиссариата города Москвы об отношении «бывшего офицера» к военной службе: «Пантелеймонов Борис Григорьевич от призыва не освобожден и находится на военной службе. <...> В Народном комиссариате путей сообщения он находится в прикомандировании от военного ведомства в качестве химика, заведывающим отделением, ведущим неотложным снабжением железных дорог химическими продуктами, требующимися в случаях взрыва мостов, а также вопросами по восстановлению разрушенного телеграфа и пр., почему присутствие его в качестве сотрудника НКПС представляется совершенно необходимым, как об этом докладывалось в свое время начальнику Всероссийского Главного штаба, отношением Хоз.-матер. управления НКПС от 8 с. м. за № 57081» [2].

Несмотря на кратковременный арест и состоявшееся освобождение, рассматриваемые документы хранились под грифом «Совершенно секретно» долгие годы. В 1922 г. «в лучших традициях» рутинного канцелярского оборота (когда Пантелеймонов успешно работал на молодое Советское государство) появится заключение: «Ввиду того, что существенного материала не имеется в деле и арестованный освобожден, полагаю делопроизводство прекратить и дело сдать в архив». Архивное дело рассекречено только в 1999 г., а в 2004 г., через 80 с лишним лет, дополнилось справкой о реабилитации [3].

И это только одна тема – «партийно-политического надзора» – в уникальной судьбе нашего земляка, награжденного за участие в боевых сражениях орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантом, орденом Святой Анны III степени, выпускника 2-й Петергофской школы прапорщиков [4]. В 1920-е гг. Пантелеймонов будет активно работать в Крыму и на Украине – Симеиз, Симферополь, Саки, Одесса. Сохранились подробные письма-отчеты Б. Г. Пантелеймонова о проделанной в 1923–1925 гг. работе своему коллеге, при поддержке которого они велись, – академику И. А. Каблукову [5].

Слежка, подозрения в неблагонадежности, гласный и негласный надзор полиции, в том числе уже и в советские годы, без сомнения, остались в памяти, возможно, повлияли на принятое решение переехать за границу для работы по специальности. Не вернуться из научной зарубежной поездки означало бросить вызов судьбе, в одночасье

взвалить на себя бремя невозвращенца. Документальных подтверждений, которые бы внятно объяснили причину такого выбора, пока не обнаружено. Отчасти версия об опасениях в ограничении профессиональной свободы для самореализации подтверждается недавно обнаруженной дневниковой записью 1941 г. о тех событиях конца 1920-х гг.: «В Париже просочился слух, что В. Н. Ипатьев скончался в Америке. Вспомнил роковое для меня свидание с ним в Берлине. Обуреваемый сомнениями пошел я к В. Н. в гостиницу посоветоваться – ехать мне на Мертвое море, куда был приглашен, или нет. В посольстве сказали мне категорически нет. В. Н. вышел из себя и решительно сказал: конечно поезжайте. Так решила моя судьба. Если бы я знал тогда, что он-то сам решил уже не возвращаться, я не обратился бы к нему за советом. И по-моему, он не имел морального права давать мне такой совет, скрыть от меня это. Ну, Бог с ним» [6, л. 61]. На чужбине, в эмиграции, нашему земляку, химику и писателю, останется работать немногим более 20 плодотворных лет жизни.

Свою жизнь Пантелеймонов посвятил химии, но последние годы жизни самозабвенно занимался литературой. Он рассказывал в своем творчестве о родной Сибири, России, автобиографических событиях, жизни легендарных ученых, чей вклад в мировую науку неоспорим. Литературная биография писателя оказалась недолгой, но счастливой. Через 70 лет он вернулся на родину собранием сочинений в трех томах. Новые страницы в биографии Бориса Григорьевича Пантелеймонова еще ждут своего исследователя и читателя. Научное наследие и литературное творчество все еще собирается по отечественным и зарубежным архивам.

Список источников и литературы

1. ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 22. Д. 66. Л. 1–10.
2. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 25. Д. 963. Л. 1–16.
3. ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-58300. Л. 1–29.
4. РГВИА. Ф. 409. П/с 167-500–167-527. Л. 186–187 об.
5. Архив РАН. Ф. 474. Оп. 3. Д. 599. Л. 1–23.
6. Архив РАН. Ф. Р-V. Оп. 3П. Д. 6. Л. 1–231.

К вопросу о взаимоотношениях Колчака и союзников

А. В. Минжуренко –

доцент кафедры конституционного и международного права
Омской юридической академии,
кандидат исторических наук, доцент

***Аннотация.** Исследование посвящено дискуссионным аспектам международных отношений антибольшевистских властей востока России. В частности, оспаривается версия о том, что адмирал Колчак был ставленником стран Антанты. Подчеркивается тезис о том, что состояние Гражданской войны иностранные союзники пытались использовать в своих интересах ослабления и раздробления России. Как подытоживает автор, существенные разногласия адмирала Колчака в своей политике с интересами союзных держав стали одной из ключевых причин, повлекших отказ союзников поддерживать и признавать его власть.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, Белое движение, А. В. Колчак, Антанта, международные отношения.*

To the Question of Relations of Kolchak and Allies

A. V. Minzhurenko –

Docent of the Department of Constitutional and International Law
at the Omsk Law Academy,
Candidate of Historical Sciences, Docent

***Annotation.** The research is devoted to debatable aspects of the international relations of the anti-Bolshevik authorities in the east of Russia. In particular, the contested version is that Admiral Kolchak was a protege of the Entente countries. Emphasizes the thesis that the state of the Civil War foreign allies tried to use in their own interests the weakening and fragmentation of Russia. As the author sums up, the essential differences of Admiral Kolchak in their policies with the interests of the Allied powers became one of the key reasons that caused the Allies to refuse to support and recognize his power.*

Keywords: *Civil War, White movement, A. V. Kolchak, Entente, international relations.*

Вопрос о взаимоотношениях Колчака с руководством стран Антанты по-прежнему остается дискуссионным в исторической науке. Данный тезис наглядно иллюстрируется вышедшими за последние годы работами исследователей антибольшевистской международной политики [1–5].

Самой старой версией является оценка адмирала как ставленника союзников. Ее в свое время сформулировали большевики еще в ходе Гражданской войны, и она тогда была всего лишь агитационным аргументом в идеологической борьбе красных против белых. Коммунистические пропагандисты старательно выпячивали на первый план связь Колчака с англичанами и французами, пытаясь подчеркнуть не только классовую направленность, но и патриотичность действий Красной Армии, сражавшейся якобы и против белогвардейцев, и против иностранных интервентов. Тем самым войне со стороны красных придавался характер войны «отечественной», а белых за связь с интервентами легко было, отталкиваясь от такой оценки, обвинить в предательстве, измене Родине и т. п. В известной степени такой пропагандистский ход можно назвать удачной находкой большевистских идеологов. И он сыграл свою роль: многие красноармейцы и вправду верили этой пропаганде и считали, что они воюют и против иноземных захватчиков.

Авторы этой версии не утруждали себя поиском каких-либо серьезных доказательств. Они считали, что все лежит на поверхности и не требует сложного анализа. Всем было известно, что Колчаку особенно симпатизировали англичане. Они даже приглашали его к себе на службу. Вернее, он сам попросил принять его на службу.

Но при каких обстоятельствах и почему последовала эта просьба? Октябрьский переворот застал Колчака за границей. Решение новой власти о выходе России из войны и намерение заключить сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией шокировало вице-адмирала. Причем самым удручающим для него явился даже не при-

ход к власти большевиков, которых он называл «хулиганствующими политиками», а принятый ими Декрет о мире. Колчак был настолько далек от политики, что не видел принципиальной разницы между двумя социалистами – Керенским и Лениным, и поэтому для него на первый план выступило именно решение большевиков о выходе России из войны любой ценой. Это заслонило для него все остальные стороны и другие аспекты октябрьских событий. Приписывать ему другие факторы мотивации, особенно с точки зрения классовых подходов, как минимум излишне.

Колчак воспринял решение большевиков о немедленном мире как капитуляцию перед Германией. И это для профессионального военного было невероятным потрясением, унижением и оскорблением. Именно как профессионал он точно знал, что Германия стоит на грани полного поражения, и потому сдача противнику в такой ситуации представлялась ему нелепым и предательским решением.

Будучи человеком долга, Колчак испытывал чувство стыда за нарушение его страной своих обязательств перед союзниками. Поэтому его обращение к английскому послу в Токио было продиктовано исключительно этими соображениями: он хотел тем самым отмежеваться от позорного решения советского правительства и хотя бы самому остаться в строю, остаться человеком верным своему слову. Другое поведение кадрового потомственного офицера казалось ему бесчестным. Он полагал, что выполнение обязательств перед союзниками – единственно правильная позиция российского военного в создавшемся положении.

Поэтому Колчак не просил у англичан для себя каких-либо высоких постов, соответствующих его званию. Он такие вопросы даже не обсуждал. Для него такое обращение было душевным порывом, символическим моментом, направленным на спасение чести России. Он заявил послу К. Грину о том, что готов включиться в активные военные действия «как угодно и где угодно». Поэтому англичане и их армия для Колчака были лишь средством, позволяющим ему отмыться от позора сепаратной капитуляции России. Он не хотел выглядеть дезертиром вместе со всей разложившейся русской армией.

Таким образом, связь Колчака с англичанами на данном отрезке времени объясняется только этими чисто военными и моральными аспектами. Ничего более за этим не стояло. И Колчак получает

предложение выехать на Месопотамский фронт, куда и отправляется в январе 1918 г. Никаких планов поучаствовать в событиях в России у него нет.

В марте 1918 г. большевики заключают «похабный», по выражению Ленина, Брестский мир. Противнику советская власть уступает громадные территории страны, причем как высокоразвитые в промышленном отношении, так и являвшиеся житницей всей прежней Российской империи.

Союзники до последнего надеялись восстановить Восточный фронт и предпринимали в этом направлении шаги, включая неоднократные предложения солидной материальной и финансовой помощи советскому правительству для выполнения данной задачи. Однако подписание Брестского договора обрушило все надежды руководства стран Антанты. И только тогда – не ранее – естественным образом появляется мысль о возможности смены власти в России, но опять же с единственной целью – восстановления Восточного фронта.

Английская разведка, не имея разветвленной шпионской сети и не располагая существенной информацией о состоянии дел в союзнической советской России, полагалась в основном на сведения, полученные из рук антибольшевистских сил. А представители этих сил, часто выдавая желаемое за действительное, уверенно предсказывали скорое крушение советской власти. Уверовав в это, англичане строили соответствующие планы: поспособствовать падению власти большевиков и добиться от нового российского правительства возобновления военных действий на восточном направлении. Естественно, что они принялись разыскивать те самые «здоровые силы» в России, которые были бы в состоянии взять власть в свои руки. А так как четкого фаворита и единого центра сплочения антибольшевистских сил не просматривалось, то союзники делали ставку на группировки различных военных и гражданских деятелей, которые имели шанс стать признанной ведущей силой в деле восстановления в России того правительства, которое бы заявило о правопреемстве прежней власти и продолжило бы выполнять ее международные договоры.

Таким образом, до разгрома Германии союзники интересовались положением дел в России только в очень узком аспекте:

они стремились снова вовлечь Россию в войну на своей стороне. Только поэтому они стремились помочь русским в восстановлении прежней государственности, которую считали более легальной и легитимной. Разгон большевиками Учредительного собрания окончательно укрепил Запад в том мнении, что ленинцы – узурпаторы власти, и в связи с этим вполне правомерно помочь России в восстановлении законного порядка всеми возможными способами и силами. В этом вопросе как государственные структуры, так и общественность и СМИ занимали схожие позиции. Лозунг «Вся власть Учредительному собранию» им представлялся вполне обоснованным. Отсюда вытекали выводы о возможности помощи России и в виде вооруженного вмешательства в ее дела, т. е. разгон Учредительного собрания дал повод союзникам в открытую говорить об интервенции.

Дальнейшие события также подтверждают версию о том, что у союзников не было четкого детального плана своего вмешательства во внутренние дела России. И Колчака они никак не «курировали» и не «продвигали». В известном смысле англичане и французы пустили все эти процессы на самотек, видимо, полагая в дальнейшем оказать поддержку сильнейшему в этой конкурентной борьбе. Русские должны были сами определиться и выделить из своей среды ту силу, которая, завоевав лидерские позиции, заслужила бы и признание союзников. А так как эти государства были с демократическими политическими режимами, то вполне естественно, что политики этих стран отдавали свои предпочтения демократически организованным российским антибольшевистским центрам сопротивления. Такими считались Самарский Комитет членов Учредительного собрания и созданная в Уфе на базе соглашения 23 организаций и партий Директория – Временное Всероссийское правительство. В этих центрах союзники видели и легальность, и легитимность, и демократизм. Поэтому восставшие чехословацкие легионеры, в среде которых доминировали политические взгляды, схожие с программами российских эсеров, однозначно поддерживали на местах приход к власти сил, которые выступали с лозунгами восстановления законности и демократии.

На этом этапе развития событий Колчак сам определял свое место в развернувшейся войне. Отказавшись от роли диктатора

на Дальнем Востоке, он направлялся на Юг, намереваясь влиться в Добровольческую армию под командованием генерала М. Алексеева. Его путь лежал через Сибирь. И только сторонники конспирологических версий утверждают, что, мол, в Омске он оказался не случайно. На самом деле и в большой истории бывают стечения обстоятельств, заранее никем не предусмотренные. Будучи в Омске, Колчак, естественно, вступил в контакт с разместившимся здесь недавно Временным Всероссийским правительством. Можно ли было это запланировать заблаговременно? Решение главы Директории Н. Авксентьева выбрать резиденцией правительства город Омск было для всех неожиданностью, так же как и решение Колчака отправиться из Владивостока на Дон.

Дальнейшее произошло тоже без вмешательства союзников. Идея пригласить в состав правительства на вакантный пост военного министра известного вице-адмирала, бывшего командующего Черноморским флотом представляется вполне естественной. Но это не входило в планы Колчака и его пришлось уговаривать. Точно так же вполне «доморощенными» выглядят и мысли о военном перевороте в целях установления военной диктатуры. Эта идея витала в воздухе, и в Омске об этом в открытую говорили не только офицеры. Среди обсуждаемых кандидатур на пост диктатора, очевидно, выделялся вице-адмирал Колчак – старший по званию и более авторитетный военный. Следовательно, все и сошлось на нем, тем более что генерал Алексеев – единственный стоявший выше Колчака в служебной иерархии – в это время умирает. Таким образом, Колчака никак нельзя назвать «ставленником» союзников в полном смысле слова, так как никто извне его не назначал – все произошло в результате цепочки случайных обстоятельств и в то же время вполне объективно и закономерно. Далее, под ставленником ведь принято понимать самостоятельную политическую фигуру, полностью выполняющую установки внешних игроков. Но Колчак совершенно не подходил под это определение. Уже сам разгон демократического правительства и установление военной диктатуры вызвали и во Франции, и в Англии весьма отрицательный резонанс. Демократические партии в парламентах резко протестовали против поддержки государственного переворота в Омске. Забегая вперед, отметим,

что ни одно из ведущих государств Европы так и не признало правительство Колчака. Это достаточно убедительно опровергает версию о ставленнике.

В ноябре 1918 г. принципиально изменились внешнеполитические обстоятельства: Германия была разгромлена, и в восстановлении Восточного фронта надобность отпала. Теперь, естественно, должны были смениться и мотивация, и цели интервенции. Это и произошло. Перестав рассматривать Россию как свою союзницу в закончившейся войне, Англия и Франция вернулись к старой классической формуле построения векторов своей внешней политики, направленной на достижение любого возможного ослабления той державы, которая могла быть им конкурентом в борьбе за передел мира. Таковой всегда ранее выступала Россия. Революция же и Гражданская война серьезно ослабили бывшую мощную империю. И теперь Европа получила шанс добиться распада прежде сильного Российского государства. Потому она всемерно поддерживала новые государственные образования, возникшие на обломках империи: Украину, республики Прибалтики и Закавказья. Отсюда стремление Колчака полностью восстановить Россию в старых границах никак не могло найти поддержки и понимания у стран Антанты. Напротив, действия сепаратистов и националистов на окраинах Российской империи более соответствовали их целям. Антанте даже гораздо больше импонировал лозунг большевиков о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. Базируясь на этом принципе, можно было развалить и ослабить Россию. Союзники, видимо, не могли даже предположить, что и в данном случае этот лозунг был для большевиков всего лишь тактической уловкой, а не серьезным и честным пунктом их стратегической программы, подлежащим реализации на практике государственного строительства.

Установление военной диктатуры резко оттолкнуло от Колчака демократически настроенных чехословацких легионеров, которые вначале даже были готовы силой восстановить законное правительство – Директорию. А ведь это воинское соединение формально считалось частью французских вооруженных сил. Этот факт также опровергает версию о ставленнике. Не разделявшие лозунг Колчака

о восстановлении «Единой и неделимой России» высшие военные и государственные круги союзников также охладели к Верховному правителю. Освободившись от бремени расходов на ведение войны, страны Европы легко могли многократно увеличить свою помощь Колчаку, но не сделали этого. А затем последовало известное «предательство» союзников, в результате которого адмирал оказался в руках иркутских повстанцев.

Таким образом, очень сложно называть Колчака ставленником стран Антанты. Для этого совершенно недостаточно аргументов. Отношения Колчака и союзников складывались непросто, особенно на последнем этапе Гражданской войны. В этот решающий период их цели существенно разошлись. И обе стороны прекрасно это понимали. Колчак не строил иллюзий по поводу интересов стран Антанты и последовательно проводил свою политику, считая себя патриотом России. Его как раз и упрекают за «негибкость», излишнюю прямолинейность в отношениях с союзниками. Если бы Верховный правитель умел лукавить и придерживался принципа «цель оправдывает средства», то он бы, наверное, смог выстроить отношения с союзниками в интересах Белого дела. Но этого не случилось. Поэтому вполне обоснованно одной из причин поражения белых в Гражданской войне можно считать именно то, что Колчак отказался служить марионеткой в руках лидеров стран Антанты.

Список источников и литературы

1. Стельмак М. М. Правовые аспекты обоснования союзнической помощи антибольшевистскому движению в России на примере заявления германского канцлера Максимилиана Баденского (осень 1918 г.) // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 1. С. 29–31.

2. Петин Д. И. Иностранные союзники сибирского антибольшевистского движения и пути решения национального валютного вопроса летом 1918 г.: взгляд сквозь призму аналитической записки // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 1. С. 264–271.

3. Конев К. А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке

России (май 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.

4. Стрелков И. П. Внешнеполитические ведомства ранних антибольшевистских правительств: Самара, Архангельск, Омск // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 45–56.

5. Стельмак М. М. Нота Верховного совета Антанты Российскому правительству А. В. Колчака: вопросы признания Омского правительства летом 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 1. С. 22–27.

6. Новиков С. В. Гайда Радола и чехи. Из истории контрреволюции и Гражданской войны в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 15–20.

7. Пученков А. С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9.

Освобождение Тайги 23 декабря 1919 года

Н. М. Морозов –

старший научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири
Федерального исследовательского центра угля и углехимии
Сибирского отделения Российской академии наук,
кандидат исторических наук (Кемерово)

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные события, произошедшие в городе Тайга накануне и в день его освобождения (23 декабря 1919 г.) от колчаковских войск 27-й дивизией Красной Армии. Впервые, на основании воспоминаний очевидцев и архивных документов, показана активная роль местного большевистского подполья в подготовке и непосредственном участии в боях за Тайгу и одноименную узловую станцию.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, город Тайга, Великий Сибирский Ледяной поход, адмирал Колчак, В. П. Швелёв-Лубков.*

Release of the Taiga on December 23, 1919

N. M. Morozov –

Senior Researcher of the Laboratory
of the History of Southern Siberia
at the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
(Kemerovo)

***Annotation.** The main events which have taken place in the city Taiga the day before and in day of his release (on December 23, 1919) from kolchakovsky troops the 27th division of the Red Army are considered. For the first time, on the basis of memoirs of eyewitnesses and archival documents, the active role of a local Bolshevik underground in preparation and direct participation in fights for the Taiga and the junction station of the same name is shown.*

***Keywords:** Civil War, city Taiga, Great Siberian Ice campaign, admiral Kolchak, V. P. Shevelyov-Lubkov.*

В истории каждого населенного пункта есть даты, кардинально изменившие его привычную повседневность, если сопоставить, что было до и после. День 23 декабря 1919 г. стал кульминационным в разгроме колчаковских войск на территории Кузбасса. Одновременно произошли два сражения. Первое – в Щегловской тайге, где в результате начавшегося наступления полков 35-й дивизии Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее – РККА) остатки частей Белой гвардии в условиях 30-градусного мороза по глубокому снегу с большими потерями отступили по узкому зимнику в сторону Мариинска, бросая тысячи саней, орудия, убитых и раненых [1, с. 179–181]. Второе – освобождение Тайги частями 27-й Омской дивизии (начальник дивизии – В. К. Путна). В тот день станция оказалась в эпицентре событий, которые, как и в Щегловской тайге, по накалу и масштабу трагизма беспрецедентны во всей 300-летней истории Кузбасса! Но обо всем по порядку.

В конце ноября – первой половине декабря 1919 г. Белая армия потерпела два тяжелейших, уже непоправимых поражения в боях за Омск и Новониколаевск. Ее отступление в условиях суровых декабрьских морозов, голода и повальной эпидемии тифа вдоль Транссиба на восток до Читы не случайно затем назвали Великим Сибирским Ледяным походом.

Железная дорога представлялась беженцам (военным и десяткам тысяч гражданских лиц) единственным шансом поскорее уехать, спастись, но в действительности для многих становилась последним пристанищем. Ужас вселяла жестокость партизан. Так, во время захвата партизанским отрядом Г. Ф. Рогова Щегловска 20–21 декабря 1919 г. от рук озверевших победителей безвинно погибли сотни мирных жителей. Однако вскоре подошла Самарская дивизия В. О. Капеля и выбила партизан из города, тем самым оставшееся население было спасено. Ранее, в середине декабря, подобная резня роговцами была устроена в Кузнецке [2, с. 260; 3, с. 58].

Некоторые военные эшелоны Белой гвардии превращались в морги на колесах. Как наблюдал 10 декабря очевидец, «на буферах и площадках вагона [встреченного санитарного поезда] были сложены голые трупы один на другом и завязаны веревкой, чтобы во время хода поезда не свалились. Трупы, застывшие в разных позах со скрюченными пальцами, с головой, откинутой назад, со стеклянными бездушными глазами. Около поезда не ходили, а ползали солдаты, исхудавшие от тифа и голода... Их, вероятно, ждала такая же участь, как тех, которые были привязаны к буферам. И это колчаковская армия, о которой до сих пор писали, что она “планомерно отступает”?!» [4, с. 501–502].

За день до этого, 9 декабря, на станции Тайга произошло одно из самых экстраординарных событий за все время пребывания А. В. Колчака в руководстве Белым движением. Три эшелона Верховного правителя с остановкой на 1 день проследовали через Тайгу. Один из паровозов был спущен подпольщиками с рельсов. В течение суток рабочие затягивали подъем локомотива. Как потом вспоминал помощник Верховного правителя генерал Д. В. Филатьев, к адмиралу, поезд которого остановился напротив вокзала станции Тайга, «прибыл навстречу новый председатель Совета Министров [В. Н.] Пепеляев и предъявил сразу три ультиматума: об отречении,

о созыве Земского собора и о смещении [главнокомандующего] генерала Сахарова. За словесными требованиями Пепеляева-министра стояла реальная сила его брата, генерала А. Н. Пепеляева, командующего 1-й армией, части которой находились на самой станции.

Положение Верховного Правителя сделалось поистине трагическим. Но [потом] братья Пепеляевы отказались от требования отречения: Земский собор отпадал сам собою за невозможностью его собрать, и оставался вопрос о Сахарове... Братья Пепеляевы ускорили ход событий: Пепеляев-генерал окружил своим батальоном штабной поезд и арестовал Сахарова. Колчак отчислил Сахарова от должности, но на самый факт ареста никак не реагировал... Как бы ни относиться к генералу Сахарову, но отмеченный арест его Пепеляевыми, да еще в присутствии самого Верховного правителя, был явлением отрицательным, свидетельствующим о развале армии даже на ее верхах и о полном падении авторитета адмирала. [В ночь с 9 на 10 декабря] адмирал уехал [из Тайги] и на следующей станции [Судженской] отдал приказ о назначении главнокомандующим генерала В. О. Каппеля... Но что мог он сделать, когда всякое командование обратилось в фикцию» [5].

В Тайге остались польский легион и отдельные части генералов А. Н. Пепеляева и Б. В. Анненкова. Среди местного населения была проведена насильственная мобилизация. К этому времени часть солдат колчаковских частей уже дезертировала и пряталась у жителей города и в окрестных деревнях. К середине декабря поток разгромленных частей белых существенно увеличился. Солдаты и офицеры занимались мародерством.

Благодаря постоянной связи с польским легионером Зарембой, служившим у коменданта города, местные подпольщики узнали о готовящихся взрывах электростанции и водокачки, о подготовке к угону паровозов. В тот же день, 21 декабря, они, подогнав паровозы к электростанции, напустили пару, обезвредив взрывчатку (отсырел порох), а впоследствии уничтожили само взрывное устройство. Подпольная боевая группа, состоявшая из железнодорожников, на лыжах спешно вечером отправились в деревню Таловка к партизанам Афанасия Каблукова, чтобы договориться об организации засады для перехвата диверсионной группы белых. В первом часу морозной ночи (было ниже 30 градусов) партизаны в засаде услыша-

ли шум приближающихся подвод. Белогвардейцы, ничего не подозревая, спешили к Яе-водокачке, чтобы вывести ее из строя. Метким огнем возле перекачки диверсанты были уничтожены, их оружие стало трофеем для партизан.

В штабе Колчака в сложившейся после взятия Новониколаевска тяжелой обстановке было решено силами 5-й польской дивизии полковника К. Румши, Воткинской дивизии и остатков стрелковой дивизии «христоносцев» (формировалась из духовенства, обученного военному делу) остановить стремительное наступление авангарда Красной Армии у станции Тайга, дав таким образом отходившим основным силам возможность перегруппироваться.

Первый крупный бой завязался 22 декабря в районе станции Литвиново. В шестом часу утра далекая артиллерийская канонада возвестила о его начале. Имея в распоряжении три бронепоезда, поляки стойко обороняли свои позиции, но под напором 235-го Невельского, 236-го Оршанского и 237-го Минского полков 27-й дивизии РККА отступили к станции Тайга, оставив противнику один бронепоезд и 18 орудий. Вскоре на станцию стали поступать бежавшие с передовой отдельные группы колчаковцев. Прибыл бронепоезд «Орлик», вышедший из боя, с помощью которого польское командование пыталось поднять боевой дух отступавших. В районе разъезда Кузель произошло еще одно кровопролитное сражение. Вскоре оттуда прибыл второй бронепоезд.

В ночь на 23 декабря на явочной квартире слесаря депо Д. Р. Парфиненко собрались руководители подполья. По воспоминаниям Е. И. Архипова, здесь были связные партизан и разведчики РККА. Все с радостью встретили известие о том, что станция Литвиново освобождена. Обсуждался приказ Тайгинского колчаковского коменданта об организации жесткой обороны города.

В ночь на 23 декабря 1919 г. местные подпольщики единодушно решили не выпускать польских легионеров и колчаковцев из Тайги. Был разработан план действий. Большинство машинистов заранее укрылись в близлежащих деревнях, чтобы враг не мог угнать паровозы. Через связных была оповещена рабочая дружина, указаны места сбора, намечены точки установки пулеметов.

Второе, более крупное сражение началось в 10 часов утра 23 декабря в двух километрах от Тайги. Два бронепоезда противника

врезались в цепи красноармейцев, нанеся им большой урон. Несколько организованных контратак так и не позволили сломить сопротивление легионеров. Перегруппировав силы, полки 27-й дивизии в тот же день обошли противника с юго-запада и вступили в город со стороны Пятой улицы (ныне ул. Калинина). С юга и востока колчаковские части встретили залпы партизанской армии В. П. Шевелёва-Лубкова и отряда Петра Гончарова.

В это время на станции из-за отсутствия исправных паровозов скопились десятки эшелонов с солдатами, беженцами и военным имуществом. То здесь, то там разыгрывались человеческие трагедии. Некоторые военные и члены их семей от страха перед расправой победителей совершали акты самоубийства.

В помощь тайгинцам Анжерский штаб восстания направил отряд рабочих (около 400 человек), вооруженных трофейным оружием и французскими пулеметами системы «Митрольеза», установленными на санях. Отряд своим ходом успел подойти к Тайге к исходу сражения и открыл огонь по врагу с тыла [6, л. 70].

К 16.00 заканчивался шестичасовой ожесточенный бой, в ходе которого поляки были разбиты, остатки их частей бежали, а 6000 деморализованных легионеров сдались в плен. За два дня битв Красной Армией были захвачены 2 бронепоезда, 40 орудий, сотни пулеметов, до 100 паровозов и 5000 вагонов с ценным военным имуществом, продовольствием, новым англо-американским обмундированием, польскими кавалерийскими лошадьми. Для местных жителей, спрятавшихся в подпольях своих домов, к счастью, все обошлось малыми потерями: несколько человек были убиты «шальными» пулями. Вскоре в соседней шахтерской Судженке по телеграфу узнали о кровопролитном бое в Тайге, поэтому местные партизаны, уже захватившие станцию, встретили польские эшелоны с наигранной дружелюбностью, поставили им две платформы с углем и поскорее отправили дальше на восток. Других значительных боевых столкновений на территории Кузбасса уже не было. В отчете штаба 27-й дивизии о сражении за город и в воспоминаниях некоторых ее командиров приведены подробные сведения о трофеях, но отсутствуют данные о потерях личного состава за единственным исключением: сообщалось о гибели командира 236-го Оршанского полка тов. Терехова [7, л. 28; 8, с. 246–250].

С одной стороны, истинные потери частей РККА скрывались для того, чтобы иметь возможность без оглядки пополнять ее ряды партизанами и добровольно сдавшимися военнопленными. Командование отдавало отчет в том, что без этого канала пополнения 5-я армия представляла бы из себя лишь одну дивизию. С другой – потери никто точно и не учитывал. Продвижение на восток осуществлялось быстрыми темпами, искать по каким-то причинам выпавших из боевого списка товарищей было некогда, к тому же возникали проблемы с опознанием. По воспоминаниям участников сражения с польской стороны, ее потери составили до 200 человек убитыми, РККА – до 2000, а комиссар 35-й дивизии РККА был арестован под предлогом измены пролетарскому делу.

Тела красноармейцев, собранные по улицам (количество неизвестно), были погребены в Тайге около Ильинской церкви в трех братских могилах, выкопанных военнопленными, на которых установили три православных креста. Поляков, солдат Белой гвардии и беженцев, погибших на станции, а также красноармейцев, убитых в окрестностях города, по обычной практике погребли где-то в общих траншеях, также безымянно. Смерть уравнила всех героев, независимо от цвета их движений.

В размышлениях о значении 23 декабря 1919 г. по аналогии с ленинским парафразом «низы не хотели, верхи не могли» приходит мысль о том, что в этот день по городу в кровавой схватке пронеслись две мощные народные стихии: те, кто уже не хотел жить как прежде, и кто хотел, но по-иному видел перспективы укрепления миропорядка. Обе – равноценно патриотичные силы, движимые мотивами материального и духовного свойства – за светлое будущее, которое просматривалось под разными углами зрения.

Возвращаясь к определению места этого дня в истории Тайги, подчеркнем, что с позиций городского обывателя он стал своеобразной рубежной датой: что было до – при царе и буржуях, и после – при Советам. В военную историю он вошел как день последнего на линии Транссиба крупного сражения РККА с отступавшими колчаковскими войсками. В забытую историю многих семей (русских, польских, проживавших в Томской или иной российской губернии) он вошел как день утраты родного или близкого человека, сложившего голову в окрестностях небольшого сибирского городка железнодорожников.

Список источников и литературы

1. Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. 351 с.
2. Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918–1922 гг. М. : Посев, 2006. 768 с.
3. Звягин С. П. Кузбасс в годы Гражданской войны. Омск : Ом. акад. МВД России, 2007. 116 с.
4. Витольдова-Лютык С. На Восток...: воспоминания времен колчаковской эпопеи в Сибири, 1919/1920 гг. // Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. М. : Центрополиграф, 2004. С. 494–508.
5. Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1922: впечатления очевидца. Париж : УМСА-Press, 1985.
6. ГАКО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 187.
7. ГАНО. Ф. П-5А. Оп. 1. Д. 112.
8. Кучкин А. П. В боях и походах от Волги до Енисея (Записки военного комиссара). М. : Наука, 1969. 296 с.

Енисейские казаки в Читинском атамана Семёнова военном училище: материалы для биографического словаря¹

В. А. Паршуков –

независимый исследователь (Ульяновск);

А. Н. Тимофеев –

независимый исследователь (Красноярск)

Аннотация. Публикация является продолжением авторских исследований, посвященных судьбам енисейских казаков, окончивших Читинское военное училище. Обзорно прослеживаются детали их

¹ Авторы благодарят архивистов ГАХК и особенно Л. А. Кривченко – за методическую помощь, П. С. Татарина и А. П. Ивачева (оба – Сидней, Австралия) – за сведения о Н. Н. Байкалове, Д. Н. Клокову (Красноярск) – за помощь с переводом, Н. В. Калабину (Красноярск) – за уточнение китайских названий населенных пунктов.

военного обучения, последующая служба и жизнь в эмиграции. В основу работы положены ранее неизвестные документы российских архивов.

Ключевые слова: Гражданская война, Енисейское казачье войско, Забайкалье, казак, русская диаспора, Читинское военное училище, эмиграция.

The Yenisey Cossacks in the Ataman Semeyonov Military School of Chita: Materials for a Biographical Factbook

V. A. Parshukov –
independent researcher (Ulyanovsk);

A. N. Timofeev –
independent researcher (Krasnoyarsk)

***Annotation.** The publication is a continuation of the author's research on the fate of the Yenisei Cossacks who graduated from the Chita Military School. The details of their military training, subsequent service and life in exile are traced. The work is based on previously unknown documents of the Russian archives.*

***Keywords:** the Civil War, the Yenisey Cossack Host, Transbaikal, cossack, the Russian Diaspora, the Chita Military School, emigration.*

О необходимости иметь в строевых частях своих офицеров, выходцев из енисейских казаков, говорилось на 5-м Большом круге Енисейского казачьего войска (далее – ЕКВ). Офицерами в войске служили преимущественно приписные казаки. Практика показала, что, не знающие кавалерийского дела, они не всегда пользовались авторитетом у енисейских казаков, и от этого страдала дисциплина.

По распоряжению атамана войска сотника А. Н. Тялшинского около двух десятков казаков были командированы в различные военные училища: Оренбургское казачье военное училище (переведенное в г. Иркутск), Иркутское военное училище, Морское военное

училище во Владивостоке, Читинское атамана Семёнова военное училище (далее – ЧВУ, училище).

Согласно приказу по 1-му Енисейскому казачьему полку десять казаков были отправлены в ЧВУ: «Ниже поименованных казаков, командированных в г. Читу в Читинскую офицерскую школу, полагать в названной командировке. Исключить их с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 31 мая с. г., зачислив на кормовое довольствие с того же числа по 10 июня. Лошадей их исключить с фуражного довольствия с 10 июня с. г., согласно отметке в списке» [1, л. 136]. Все казаки были отправлены из Красноярска в Читу со своими строевыми конями (приказ от 1 июня 1919 г. № 211). Среди отправленных в ЧВУ были старшие урядники Николай Николаевич Байкалов, Виктор Плотников, младший урядник Александр Павлович Ковригин, младший писарь Афанасий Гаврилович Юшков, казаки Яков Байкалов, Александр Зонов, Лев Стародубцев, Иван Стрижнев, Вениамин Павлович Суховский и Александр Андреевич Тольский. По прибытии в училище они все были зачислены в казачью сотню ЧВУ [2, л. 6–6 об.]. Приказом по Енисейскому казачьему войску младший писарь войскового управления вахмистр Степан Иванович Нешумаев в мае 1919 г. также был отправлен в ЧВУ, но его биографические анкеты факт окончания училища не подтверждают [3, л. 2 об.]. Кроме вышеуказанных казаков, в Читу «для прохождения старшего курса» 28 мая 1919 г. убыл юнкер Дмитрий Нешумаев [1, л. 129], но в списках юнкеров ЧВУ на 5 ноября 1919 г. Нешумаевы отсутствуют [2, л. 4–8].

Юнкера казачьей сотни ЧВУ размещались в здании мужской гимназии на Уссурийской улице. Кроме них, здесь обучались юнкера инженерной роты. В здании Читинской учительской семинарии на Николаевской улице находились пехотная рота, пулеметная команда, батарея, классы, столовая, гимнастический зал, канцелярия училища, церковь, офицерское собрание. По воспоминаниям выпускников в училище была установлена строгая дисциплина, и, «что важнее всего, курсовые офицеры и преподаватели стремились привить юнкерам традиции военно-учебных заведений былых времен» [4, с. 27–28].

Вместе с енисейскими казаками на младший курс было зачислено 200 человек. В середине июля учеба была прервана, юнкера и офи-

церы около трех месяцев участвовали в боях с красными в Восточном Забайкалье. Узнав о возвращении училища, горожане встречали юнкеров и офицеров, как героев. После парада состоялось награждение. Из енисейцев Георгиевским крестом 4 степени был награжден В. П. Суховский.

В марте–апреле 1920 г. училище в полном составе снова участвовало в боях на Ингодинском фронте. По возвращении в числе других юнкеров Георгиевским крестом 4 степени за боевые отличия были награждены прибывшие из Красноярска Яков Тимофеев (приказ главнокомандующего всеми Вооруженными силами Российской Восточной окраины от 3 мая 1920 г. № 325) [5, л. 123–124] и Георгий Фрейберг [6, л. 78 об.].

Енисейские казаки окончили училище со вторым выпуском 11 сентября 1920 г. Получив чин хорунжего, они оправились к месту службы. Архивные источники позволяют проследить их судьбы.

Байкалов Николай Николаевич родился 9 августа 1897 г. Выпускник ЧВУ. Сотник. За боевые отличия награжден Георгиевским крестом 4 степени [7, л. 151 об.]. Состоял в группе енисейских казаков-джигитов, гастролировавших в 1923–1924 гг. по Юго-Восточной Азии. Проживал в Шанхае. В картотеке шанхайской полиции указана его профессия – музыкант. В Австралии работал на сборе сахарного тростника в Квинсленде. Скончался в 1968 г. и был похоронен в Брисбене на кладбище Mount Gravatt. Жена: Байкалова (урожд. Корневская) Капитолина (1897–1992). Дети: Николай и Надежда.

Ковригин Александр Павлович родился 14 ноября 1900 г. В 1918 г. окончил 1-ю губернскую гимназию в Томске, где проживал с родителями. С началом формирования 1-го Енисейского казачьего полка в июне 1918 г. поступил в него добровольцем. Вместе с полком участвовал в 1918 г. в боях на Восточном фронте под Читой, в подавлении Минусинского крестьянского восстания, освобождении г. Енисейска в 1919 г. и других операциях против партизан в Енисейской губернии. В одном из боев получил ранение в грудь. Был награжден Георгиевским крестом 4 степени. В 1919 г. поступил в ЧВУ, по окончании которого в 1920 г. был произведен в чин хорунжего. Назначение получил в свой 1-й Енисейский казачий полк, где

занимал должность начальника команды связи. В 1921 г. откомандирован в Омский полк, в составе которого участвовал в Хабаровском походе, командуя 6-й и 7-й ротами. С 1922 г. назначен взводным офицером конного эскадрона Омского полка, который в составе частей 2-го Сибирского корпуса вел бои в Приморье. После эвакуации в октябре 1922 г. через станцию Пограничная вместе с частями Белой армии прибыл в Манчжурию, работал на лесной концессии братьев Поповых, а с 1924 по 1932 г. служил старшим ремонтным рабочим на станции Мацяохэ КВЖД. В 1934 г. поступил на службу полицейским в железнодорожную полицию на станцию Мулин, а с 1935 г. служил агентом уголовного розыска сначала на станции Хайлин, а затем в Харбине. На 1935 г. женат не был. В эмиграции состоял в различных общественных организациях: в Комитете помощи русским беженцам, был членом бюро по делам русских эмигрантов в Союзе бывших воспитанников Читинского атамана Семёнова военного училища, а также в Союзе военных на Дальнем Востоке [8, л. 1–29].

Суховский Вениамин Павлович родился 16 марта 1898 г. в с. Задедеевское Красноярского уезда Енисейской губернии. Русский, православный, из семьи священника. В 1910–1911 гг. учился в железнодорожном училище на станции Клюквенная Енисейской губернии, в 1911–1913 гг. обучался в 1–2 классе Красноярской губернской гимназии [9, л. 2, 69]. В 1918 г. окончил Минусинское реальное училище. В период учебы непродолжительное время был председателем Союза учащихся. Из-за своего резко отрицательного отношения к советской власти был смещен с поста председателя по требованию Совета депутатов. С 1917 г. был старшим пятерки в подпольной офицерской организации, готовившей антисоветский переворот и превратившейся позже в белый отряд, который до прихода воинских частей нес в Минусинске гарнизонную и полицейскую службу.

На военную службу вступил добровольцем на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в Енисейский казачий полк. С 30 августа 1918 г. по 30 февраля 1919 г. проходил службу в учебной команде. 26 апреля 1919 г., вернувшись в полк из трехмесячного отпуска по болезни, был прикомандирован ко 2-й сотне, находившейся в Минусинске [10, л. 159], с которой прибыл в Красноярск накануне отправки в ЧВУ.

После поступления в училище – юнкер, позже – старший портупей-юнкер ЧВУ, которое окончил по 1-му разряду. На станции Даурия был произведен в чин хорунжего со старшинством с 7 сентября 1919 г. и был назначен младшим офицером во 2-й казачий полк Отдельной Енисейской казачьей бригады, в которой служил до ее расформирования. После эвакуации из Забайкалья в Приморье назначен командиром Пластунской сотни, которой командовал с 1 марта 1921 г. по 30 октября 1922 г. Два месяца временно командовал дивизионом. Был легко ранен в поясницу и вследствие контузии имел пониженный слух. За боевые отличия награжден Георгиевскими крестами 3 и 4 степеней.

В Маньчжурию, в г. Хуньчунь, прибыл с отступающей армией 30 октября 1922 г. Проживая в г. Яньцзи, имел случайные заработки, пока не получил работу кучера в японском консульстве, где проработал с 1 марта 1924 г. по 15 марта 1929 г. Овладел японским разговорным языком, отчасти китайским и корейским. С 1929 г. – в Харбине. Здесь вступил в церковный брак с В. А. Любимовой, окончил школу шоферов (27 июля 1929 г.) и тракторные курсы. Два месяца работал швейцаром в банке «Таотаку». С 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1936 г. – шофер в японском консульстве (г. Ванчин). С 15 июня по 15 июля 1936 г. – слесарь в механической мастерской католической миссии г. Яньань. С августа 1943 г. служил на Мулинских копях. Состоял членом Дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи (с 17 апреля 1935 г.), Общества воспитанников ЧВУ, местного японского благотворительного общества. Родственники: отец – Суховский Павел Архипович (1878–?), жена – Варвара Андреевна (урожд. Любимова, 1900–?) [11, л. 1–46].

Тольский Александр Андреевич родился 25 августа 1898 г. в городе Минусинске Енисейской губернии. Православный. В 1916 г. окончил Красноярскую губернскую мужскую гимназию. Во время Гражданской войны служил в «команде молодых казаков» 1-го Енисейского казачьего полка. После окончания ЧВУ был произведен в чин хорунжего и направлен в 1-й Енисейский казачий полк Отдельной Енисейской казачьей бригады. За боевые отличия получил очередной чин сотника. В Маньчжурию прибыл в 1922 г. с отступающей армией генерала Дитерихса из Приморья через военный лагерь в Гирине (ныне Цзилинь). В Харбине работал на различных

частных предприятиях, на КВЖД – в коммерческих подразделениях конторщиком, на станции Аньда заведовал транспортной частью, в обувном магазине фабрики «Слава», в обувном отделе фирмы «Чурин» приказчиком, заведовал отделением этой же фирмы в Синьцзяне. Окончил коммерческие курсы, освоил японский и китайский языки в объеме, необходимом для коммерческой торговли обувью. Состоял членом Всероссийской фашистской партии, Общества бывших воспитанников ЧВУ, в ЕКВ и Союзе служащих торговых промышленников. Умер от туберкулеза легких. Отпет в церкви при Доме милосердия 3 мая 1942 г. Родственники: жена – Мария Генриховна (урожд. Менинг), 1907 г. р.; сын – Игорь, 1926 г. р.; теща – А. Г. Менинг [12, л. 1–14].

Юшков Афанасий Гаврилович родился 17 января 1895 г. в Енисейской губернии. Во время Гражданской войны служил в 1-м Енисейском казачьем полку. После окончания ЧВУ – командир сотни в Енисейской казачьей бригаде. За боевые отличия был награжден Георгиевским крестом 4 степени [13, л. 75 об.].

Проживая в Харбине, состоял во взводе джигитов под командованием полковника Г. К. Бологова [14, с. 169]. Гастролировал по Китаю в городах Пекин, Нанкин, Шанхай, а затем в Японии, Сингапуре и на Филиппинских островах. В 1924 г. остался на постоянное жительство в Шанхае. С образованием там Енисейской станицы был избран ее атаманом и в дальнейшем из года в год переизбирался на эту должность [15, с. 29]. В числе беженцев из Китая проживал в 1949–1951 гг. на острове Тубабао (Республика Филиппины), откуда вместе с женой Надеждой Антоновой эмигрировал в США, обосновался в Сан-Франциско, где и скончался в 1970 г.

По остальным енисейским казакам сведений немного. Старший урядник писарской команды Виктор Плотников 6 мая 1919 г. был отправлен в отряд войскового старшины Розанова на Ирбейский фронт [1, л. 80], где участвовал в борьбе против повстанцев и красных партизан. Казаки Лев Стародубцев и Иван Стрижнев служили в 1-й сотне 1-го Енисейского казачьего полка, в составе которой принимали участие в боях на Ирбейском фронте [1, л. 134 об.–135]. В 4-й сотне 1-го Енисейского казачьего полка служил доброволец Александр Зонов. Перед отправкой в ЧВУ чис-

лился в «команде молодых казаков». После выпуска из училища служил в белых войсках на Дальнем Востоке. В октябре 1922 г. хорунжий Зонов состоял командиром взвода Омской пешей дружины. Другой выпускник ЧВУ, Яков Байкалов, накануне отправки в училище прибыл в Красноярск в составе «команды молодых казаков». Будучи юнкером, 28 октября 1919 г. награжден Георгиевским крестом 4 степени за боевые отличия [16, л. 81]. Позже, находясь в эмиграции в Китае, он, по некоторым сведениям, проживал в Шанхае.

В ЧВУ обучались также и другие юнкера, прибывшие из Енисейской губернии: Александр Фрейберг (сотня), Георгий Фрейберг и Яков Тимофеев (пулеметная команда) [17, с. 60–62; 18, с. 167–170].

Выпускники ЧВУ, сохраняя верность своему училищу, состояли в Обществе бывших воспитанников Читинского атамана Семёнова военного училища, издавали журнал «Подчасок», «Читинец», «Информационный бюллетень». Объединение имело свой нагрудный знак [19, с. 68–71, 82–84].

Список источников и литературы

1. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 9.
2. РГВА. Ф. 40214. Оп. 1. Д. 448.
3. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 33418.
4. Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль. 1963. № 62. С. 27–35.
5. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 82.
6. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 75.
7. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 25. Л. 151 об.
8. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 21217.
9. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 359.
10. ГАРФ. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 26.
11. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 46079.
12. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47543.
13. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 75.
14. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. Харбин, 1940. 172 с.
15. Родимый край (Париж). 1929. № 5.

16. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 75.

17. Тимофеев А. Два бойца из отряда Э. Фрейберга (реконструкция биографий) // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010.

18. Тимофеев А. Н. Доброволец Яков Тимофеев. Реконструкция биографии // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 нояб. 2014 г.) / под ред. Д. И. Петина. Омск : Амфора, 2015. 232 с.

19. Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае, 1921–1949 гг.: материалы к справ. Владивосток : Рус. О-в, 2005.

Отказ Омска от статуса третьей столицы в ряду особенностей российского менталитета

В. И. Разумов –

заведующий кафедрой философии

Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского,

профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин

Омской юридической академии,

доктор философских наук, профессор

***Аннотация.** Обсуждается вопрос, по какой причине Омск не претендует на статус третьей столицы России. Омичи не празднуют столетие объявления Омска в 1918 г. столицей России. Данный факт объясняется особенностями социальной психологии омичей, среди которых проявляются качества, свойственные в целом российскому менталитету: тяготение к иерархиям, догоняющее развитие, потеря науки и образования, репрессивные паттерны сознания.*

***Ключевые слова:** догоняющее развитие, иерархизация, менталитет, наука, образование, Омск, репрессивные паттерны сознания, символ, стратегия развития, третья столица.*

Omsk Refusal of the Third Capital Status to a Number of the Peculiarities of the Russian Mentality

V. I. Razumov –

Head of the Department of Philosophy
at the Dostoevsky Omsk State University,
Professor of the Department of General Professional Disciplines
at the Omsk Law Academy,
Doctor of Philosophic Sciences, Professor

***Annotation.** The question is discussed, for what reason Omsk does not claim to be the third capital of Russia. Omsk citizens do not celebrate the centenary of the announcement of Omsk in 1918 as the capital of Russia. This fact is explained by the peculiarities of the Omsk social psychology, among which are the qualities characteristic of the Russian mentality as a whole: hierarchy, catch-up development, loss of science and education, repressive patterns of consciousness.*

***Keywords:** catching up development, hierarchization, mentality, science, education, Omsk, repressive patterns of consciousness, symbol, development strategy, third capital.*

Интересной с исследовательской точки зрения является реакция омичей на символическое значение для города 2018 года в аспекте осмысления событий Гражданской войны в Сибири. С 1918 г. Омск получает статус столицы России. Учитывая интересы продвижения города и региона в России, 100-летие такого события имеет смысл сопроводить целым рядом юбилейных мероприятий, смысл которых заключается в придании Омску более высокого символического статуса, приобретении некоторых преимуществ. Однако этого не происходит. Почему? Для советского периода ответ очевиден: столичный статус Омска связан с именем лидера Белого движения А. В. Колчака. Но мы уже более четверти века живем в постсоветской реальности. По прошествии века подавляющая часть населения города и региона остается решительным противником Белого движения. Возникает вопрос: возможно ли, что на уровне исторического

сознания еще не произошел акт гражданского примирения и сочувствия всем жертвам Гражданской войны [1]?

Данные вопросы связаны с личным опытом автора по работе над концепцией и планом стратегического развития Омска (1997–2002 гг.). При анализе состояния и перспектив развития города исследовательская группа отметила, что важным компонентом в стратегии развития города и региона может стать широкое использование имеющегося культурного потенциала [2]. Одним из важных символов здесь оказывается такой: Омск – третья столица России. Естественно, без должной заинтересованности и поддержки этот символ не будет работать. Попытаемся в дальнейшем разобраться в том, что же стоит за замалчиванием столичного статуса Омска. Для ответа на данный вопрос выделим и проанализируем некоторые особенности национального менталитета.

Тяготение к иерархии. Для России было и остается характерным выстраивать разнообразные иерархии: вертикаль власти, вертикально-интегрированные структуры – причем, иерархизация распространяется и на сферу образования в виде пирамиды российских вузов, списка «топ-100 российских вузов» и т. д. В конце 1990-х гг. в России выделяются федеральные округа, а некоторые города становятся их центрами, своеобразными региональными столицами. Так складывается еще одна иерархия городов: столица и Санкт-Петербург (вторая столица), региональные столицы, города-миллионеры... Здесь уместно заметить, что Омск, сохраняя в настоящее время статус города-миллионера, выступает носителем провинциального сознания. То есть столичная символика, даже из исторического прошлого, чужда менталитету многих омичей.

Догоняющее развитие. С Петра I можно вести отсчет реализации Россией стратегии догоняющего развития. Выбирается страна – образец для подражания и начинается стремление к идеалу. Естественно, можно много дискутировать по поводу эффективности Петровских и последующих реформ, но не подлежит сомнению тот факт, что за более чем два века и при наличии больших усилий Россия не стала Европой. Догоняющее развитие продолжается и по настоящее время. На верхних уровнях вертикали власти объявляется, какую страну и к какому году мы должны догнать или превзойти. Данный подход ярко проявляется в науке и образовании, где, в част-

ности, ведущей задачей российских вузов объявляется их включение в топовые списки мировых университетов. Сколько и к какому времени российскому научно-образовательному комплексу предстоит сформировать лауреатов Нобелевских и Филдсовских премий?! Омск следует в кильватере догоняющего развития в России, поэтому он проигрывает в ближайшем географическом окружении Екатеринбург, Новосибирск, Тюмени. Загнавшему себя в такое положение Омску представляется нескромным иметь столичные притязания.

Потеря науки и образования. Я уже неоднократно поднимал в СМИ вопросы о том, что с 2009 г. Омск начинает, причем ускоряющимися темпами, терять статус своих вузов. К настоящему времени только Омский государственный технический университет является вузом четвертой категории, а все остальные – пятой (!) и ниже [3]. Отказ власти, бизнеса, гражданских активистов бороться за статус омских вузов находится в том же символическом поле, что и отказ от столичного статуса.

Репрессивные паттерны. Есть основания предполагать, что в основании всякой войны проявляются репрессивные паттерны, свойственные человеку и обществу. Особенности войны гражданской в том, что здесь серьезно нарушаются идентичности в определенных «свой», «чужой», и если акты гражданского примирения не состоялись, то идентичности так и остаются нарушенными. Для периода репрессий в СССР было характерным разделение общества на две группы – репрессирующих и примыкающих к ним, репрессируемых и примыкающих к ним. Особо следует отметить покорность репрессируемых. Для обоснования устойчивости этих паттернов обратимся к теме аккредитации в современных российских вузах. Уделим внимание только одному обстоятельству. Вузовское сообщество поделено на две категории – эксперты и проверяемые сотрудники вуза. К этому стоит добавить, что жесткость аккредитации пропорциональна статусу вуза в современной вузовской иерархии, т. е. для омских вузов она очень жесткая. Осмелимся сформулировать предположение: во-первых, в России отношение «репрессирующий/репрессируемый» распространяется также и на территории, во-вторых, Омск по ряду, возможно, не до конца осознаваемых причин относится к разряду «репрессируемых» территорий (обычно это называют дотационным субъектом).

Итак, к сожалению, Омск, в силу целого комплекса причин, теряет важный юбилей. Сложившаяся на данный период времени ситуация не фатальна, но, чтобы ее изменить, требуется адекватное понимание происходящего, а также поиск инструментов для ее изменения. В первую очередь следует проявить смелость и заявить о себе на межрегиональном, федеральном, международном уровнях. Поводом для этого могут послужить разные символические события.

Список источников и литературы

1. Разумов В. Устанавливая памятник Колчаку, мы не его славим, а отдаем дань памяти всем жертвам Гражданской войны. URL: http://vomske.ru/news/7240-vladimir_razumov_ustanavlivaya_pamyatnik_kolchaku

2. Разработка стратегического плана развития г. Омска / Болштянский А. П. [и др.] // Проект концепции стратегического развития города Омска / под общ. ред. А. А. Колоколова. Омск : Курьер, 1999. 124 с.

3. Разумов В. Я бы предложил объявить мораторий на какие-либо новшества. URL: <http://www.ug.ru/archive/75560>

О последних днях

2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты

А. Ю. Саблин –

лаборант кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, магистр философии, магистр педагогического образования

***Аннотация.** Статья освещает последний, экстраординарный по своим событиям этап деятельности 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты (октябрь 1917 – июнь 1918 г.). Прослеживается преемственность разносторонних явлений в жизни школы, решается полемичный вопрос о производстве обучающихся школы в чин прапорщика.*

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, офицерство, военное образование, школы прапорщиков, Омск.

About the Last Days of the 2nd Omsk School of Preparation of Warrant Entitles

A. Yu. Sablin –

Laboratory Assistant of the Department of Philosophy, History, Economic Theory and Law
at the Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin,
Master of Philosophy, Master of Pedagogical Education

Annotation. The article covers the last stage of the 2nd Omsk infantry training school (October 1917 – June 1918), extraordinary in its events. The succession of diverse phenomena in the school's life is traced, the controversial issue of the production of students in the rank of ensign is resolved.

Keywords: World War I, Civil War; officers, military education, schools of warrant officers, Omsk.

Судьба не только 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты, но и всего данного типа военно-учебных заведений была предрешена уже в октябре 1917 г. В приказе войскам Омского военного округа от 10 октября 1917 г. № 682 за подписями временно Командующего войсками округа прапорщика П. Н. Половникова и членов Военно-окружного комитета была опубликована копия телеграммы начальника Генерального штаба генерал-майора В. В. Марушевского от 5 октября 1917 г. № 42639 на имя Командующего войсками Омского военного округа следующего содержания: «В виду того, что [в] настоящее время [в] действующей армии и внутренних округах [существует] значительный сверхкомплект офицеров, Воен[ный] мин[истр] признал своевременным теперь же приступить [к] прекращению дальнейших приемов [в] школы прапорщиков пехоты, причем все школы по выпуске по окончании курса состоящих в них ныне юнкеров закрыть, кроме одной

украинизированной (2-я Киевская школа подготовки прапорщиков пехоты. – А. С.) школы в Киеве» [1].

В этом же приказе Временно Командующий войсками Омского военного округа прапорщик П. Н. Половников «для точного и срочного исполнения» приказывал: «1) обе школы (1-я и 2-я Омские школы подготовки прапорщиков пехоты. – А. С.) <...> по окончании курса закрыть, 2) команды кандидатов в школы прапорщиков при частях войск округа немедленно расформировать, откомандировав кандидатов в свои части» [1].

В соответствии с этим приказом 1-я Омская школа подготовки прапорщиков пехоты, сделав 16 октября 1917 г. последний выпуск [2], была расформирована не позднее конца октября 1917 г. Последний выпуск 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты был намечен на 10 ноября 1917 г. [3], однако ввиду антисоветского выступления школы 1–3 ноября 1917 г. этого не произошло.

В задачу данной статьи не входит освещение событий 1–3 ноября 1917 г. в Омске, поскольку это было уже сделано на достаточно высоком уровне не только в советской [4, с. 39–80], но и в современной отечественной историографии [5]. Лишь в силу красочности излагаемых событий хочется привести эпизоды из воспоминаний их участников.

Так, член местного революционного комитета А. П. Оленич-Гнененко писал: «Миновав наши цепи, мы подошли к гарнизонному собранию. Отворились двери главного входа, и навстречу нам вышел вооруженный до зубов курсовой офицер Вальнер (курсовой офицер 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты, капитан И. В. Вальнер. – А. С.). Выяснив цель нашего прихода, он предложил проводить нас в штаб.

Снова открылась и закрылась за нами дверь в вестибюль. Там вдоль стен виднелись ящики с гранатами и “цинки” с патронами и пулеметными лентами. В двери и окна были направлены тупые рыльца станковых пулеметов. Вооруженные юнкеры (так и далее в тексте. – А. С.) всюду сидели и лежали на полу. <...> Захватив с собой Автономова, мы поднялись на второй этаж. Здесь та же картина укрепленного лагеря. У двери в конце коридора за двумя пулеметами-максимами лежали юнкеры. Как сказал нам наш провожатый, в охраняемой ими комнате заседал “штаб”» [6].

Участник вышеупомянутых событий, юнкер М. М. Басов, впоследствии вспоминал: «Через три дня юнкера представляли из себя вполне деморализованную массу. Они группами и по одиночке пошли по домам, следом за теми солдатами, которых так недавно называли “серой скотиной, тянущейся к водопою”». Часть ушла к Корнилову. Остатки жили в школе в такой грязи, что помещение далеко превосходило своим безобразием самую запущенную казарму. Наступили холода, школа сидела без дров, юнкера ломали заборы, стулья, скамейки и жгли, коридоры превратили в уборные» [7].

Конференция представителей гарнизонных комитетов Омского военного округа, заседания которой проходили с 13 по 15 ноября 1917 г., приняла решение о расформировании 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты [8, с. 198–199]. «Постановление о расформировании школы не застало в ней ни одного человека» [7].

В приказе войскам Омского военного округа от 24 ноября 1917 г. № 790 за подписями нового Временно Командующего войсками округа штабс-капитана А. И. Телицына и членов Военно-окружного комитета значилось следующее: «Согласно резолюции конференции гарнизонных комитетов Омского военного округа – по вопросу “о выступлении в начале сего ноября в городе Омске Второй школы подготовки прапорщиков пехоты” выразившемся:

- 1) в аресте Временно Командующего войсками,
 - 2) члена военно-окружного комитета,
 - 3) членов Омского гарнизонного комитета,
 - 4) в разоружении и арестовании часового поста № 6 – солдата 19-го Сибирского стрелкового запасного полка 15 роты Беликова и одновременно с этим в захвате боевого снаряжения и боевых припасов из патронного цейхгауза,
 - 5) в занятии Штаба округа и гарнизонного комитета,
- нахожу совершенно невозможным произвести юнкеров в прапорщики, а поэтому, в согласии с Военно-окружным комитетом, всех юнкеров Второй Омской школы подготовки прапорщиков лишаю юнкерского звания и приказываю:

- 1) немедленно их отчислить в свои полки солдатами,
- 2) в виду законченности ими полного курса, дать им право на производство в прапорщики армейской пехоты, но только по представлению их к тому полковыми, гарнизонными и соответствующим им

комитетами, коим вменяется в обязанности убедиться на месте службы бывшего юнкера в его преданности делу революции,

3) желающие служить в национальных частях солдаты из бывших юнкеров могут быть откомандированы:

а) украинцы – в 27 Сибирский стрелковый запасный полк,

б) мусульмане – [в] 20[-й Сибирский стрелковый запасный полк],

в) поляки – [в] 28[-й Сибирский стрелковый запасный полк] для перевода на службу в соответствующие национальные части,

4) юнкеров-казаков в числе 48 человек передать в распоряжение войскового Совета казачьих депутатов для зачисления их на службу в соответствующие части,

5) положенными для прапорщиков денежными и в натуре довольствиями откомандировываемых отнюдь не удовлетворять,

б) откомандировываемых отправить в свои части в казенном обмундировании, в котором они прибыли при зачислении в школу, согласно арматурных списков от соответствующих частей,

7) всю работу по откомандированию закончить в 5-дневный срок. Об исполнении мне донести по команде, <...>

9) в виду интересов страны, для пользы дела и сохранения народных средств, приказываю начальнику Штаба округа распределить между запасными полками местного гарнизона всех курсовых офицеров и их помощников впредь до особого моего распоряжения по окончании работ следственной комиссии и извещения Главного управления Генерального штаба...» [9].

По приказу войскам Омского военного округа от 29 ноября 1917 г. № 797 всем бывшим юнкерам 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты в срок не позднее 30 ноября 1917 г. было необходимо явиться в здание школы для сдачи предметов офицерского обмундирования, снаряжения и оружия. Не прибывших к этому сроку объявляли дезертирами [10].

Приказ войскам Омского военного округа от 15 декабря 1917 г. № 845 объявлял, что для «поверки имущества, книг и денежных сумм школ прапорщиков [и] передачи их лицам или учреждениям, согласно указаний комиссара военно-учебных заведений, или опечатывания для сохранения от расхищения впредь до возникновения надобности в названном имуществе назначаются комиссии в составе: для обеих школ – комиссара Лихачевского и состоящего для по-

ручения Иванова; для каждой школы – начальника школы и заведывающего хозяйством школы, по одному представителю от запасных полков Омского гарнизона и от Омского окружного интендантства» [11].

Последний начальник 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты штабс-капитан Л. В. Селиванов официально состоял в этой должности вплоть до 2 апреля 1918 г. [3].

12 мая 1918 г. в Омске революционный трибунал приступил к слушанию дела об антисоветском выступлении 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты 1–3 ноября 1917 г. 22 мая 1918 г. его руководителям со стороны школы была вынесена следующая мера пресечения: курсовой офицер школы Пятницкий – 2 года принудительных работ при тюрьме; курсовой офицер школы штабс-капитан А. В. Селецкий – 2 года принудительных работ при комиссариате по военным делам [12, с. 89]. Один из обвиняемых – юнкер Д. Н. Аристов – скрылся [13]. Другой обвиняемый – офицер школы капитан В. В. Градусов – умер в тюрьме от тифа еще до начала слушания дела. Впоследствии приговоренные подпали под первомайскую амнистию и наказание им было сокращено на треть. После свержения советской власти в Омске в июне 1918 г. они были освобождены [14, с. 311–312].

Вскоре после свержения советской власти приказом Степному корпусу от 11 июня 1918 г. № 14 за подписью командира корпуса полковника П. П. Иванова-Ринова было приказано всем «бывшим воспитанникам омских школ прапорщиков и офицерам, служившим в этих школах и проживающим в настоящее время в гор. Омске, явиться в канцелярию 2-ой Омской школы прапорщиков (Крепость) к 9 часам утра 13 сего июня для формирования из них отрядов, для увеличения которых приглашаются все бывшие военнослужащие, не служившие в частях Красной гвардии и Армии, не моложе 18 лет» [15]. И такой отряд был сформирован. Так называемый отряд при 2-й школе прапорщиков в составе двух рот, командиром которого на 18 июня 1918 г. состоял штабс-капитан А. В. Пятницкий, начал формирование 11 июня 1918 г., а впоследствии совместно с ротой фронтовиков был объединен под общим командованием командира 3-го Степного Сибирского стрелкового полка капитана П. Г. Дорофеева и, вероятно, был включен в состав последнего [16, с. 260, 263; 17, с. 203].

В заключение хочется сказать о последующем производстве юнкеров 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты в первый офицерский чин – чин прапорщика – уже в годы Гражданской войны. Так, приказом Сибирскому казачьему войску от 11 декабря 1918 г. № 488 были произведены в чин прапорщика со старшинством с 10 ноября 1917 г. юнкера 3-го Сибирского казачьего полка: В. Щербинин, А. Зотов, И. Вершинин, Ф. Скворцов, Г. Бабин, Ф. Батов, М. Черемнов, Д. Ярков, И. Александров, В. Черенщиков [18, 19]. Приказом Степному Сибирскому корпусу от 6 августа 1918 г. № 97 производились в чин прапорщика как окончившие 2-ю Омскую школу подготовки прапорщиков пехоты юнкера Украинского им. Гетмана Сагайдачного куреня К. А. Климчук-Климов и Т. Е. Гульдас со старшинством с 10 ноября 1917 г. [20]. Приказом Сибирскому казачьему войску от 2 октября 1918 г. № 397 был произведен в чин прапорщика со старшинством с 10 ноября 1917 г. юнкер 2-го Сибирского казачьего полка Г. Сазонов [21]. Значит, мы можем говорить, что некоторые бывшие юнкера 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты, полностью окончившие ее курс, но не произведенные в чин прапорщика по причине антисоветского выступления школы, впоследствии, сражаясь в рядах Белой Сибирской армии, были произведены в положенный чин.

Таким образом, мы проследили заключительный пространный и разнохарактерный этап деятельности 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты от приказа о ликвидации военно-учебных заведений данного типа и, минуя описание событий 1–3 ноября 1917 г. (антисоветское выступление школы), до констатации факта существования в течение короткого времени в рядах Белой Сибирской армии в Омске в июне 1918 г. так называемого отряда при 2-й школе прапорщиков, а также производства бывших юнкеров школы в чин прапорщика.

В массовом сознании о событиях революции и Гражданской войны (не только масштабных, но и локальных) до сих пор преобладает искаженное представление [22]. В связи с этим, на наш взгляд, подобные исследования помогают лучше представить все (во многом неоднозначные) нюансы сибирской политической жизни в условиях зарождения нового революционного социума, полнее указав роль армии в этих процессах.

Список источников и литературы

1. Приказ войскам Омского военного округа от 10 октября 1917 г. № 682 // Личный архив автора.
2. Приказ войскам Омского военного округа от 16 октября 1917 г. № 681 // Личный архив автора.
3. Дело о юнкерском восстании // Известия Западно-Сибирского и Омского Областного Исполнительного Комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Омск). 1918. 28 мая.
4. Чижев И. Г. Солдаты Омского гарнизона в Октябрьской революции // Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968.
5. Кожевин В. Л. Омская крепость: «Осадные дни» 1917-го // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 1. С. 86–96.
6. Оленич-Гнененко А. П. Суровые дни // Сибирские огни. 1958. № 10. С. 136–149.
7. Басов М. М. К истории юнкерских восстаний в Сибири // Сибирские огни. 1922. № 4. С. 88.
8. Баталов А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири: 1916 – февр. 1918. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978.
9. Приказ войскам Омского военного округа от 24 ноября 1917 г. № 790 // Личный архив автора.
10. Приказ войскам Омского военного округа от 29 ноября 1917 г. № 797 // Личный архив автора.
11. Приказ войскам Омского военного округа от 15 декабря 1917 г. № 845 // Личный архив автора.
12. Пьянова О. А. Революционные трибуналы в Западной Сибири (конец 1917 – начало 1923 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.
13. Дело о юнкерском восстании // Известия Западно-Сибирского и Омского Областного Исполнительного Комитетов Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского Совета Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Омск). 1918. 16 мая.
14. Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.) : моногр. Омск : Изд-во ОмГПУ : Наука, 2008.
15. Приказ Степному Корпусу от 11 июня 1918 г. № 14 // Личный архив автора.

16. Симонов Д. Г. К вопросу о возникновении Степного корпуса Белой Сибирской армии (июнь 1918 г.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2008. № 14. С. 257–264.
17. Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 г. : моногр. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010.
18. Приказ Сибирскому казачьему войску от 11 декабря 1918 г. № 488 // Личный архив автора.
19. Список юнкеров 2-й Омкой школы прапорщиков, произведенных в прапорщики 10 ноября 1917 года // Личный архив автора.
20. Приказ Степному Сибирскому корпусу от 6 августа 1918 г. № 97 // Личный архив автора.
21. Приказ Сибирскому казачьему войску от 2 октября 1918 г. № 397 // Личный архив автора.
22. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

Революция в России: специфика единицы общества

Н. П. Салохин –

профессор кафедры государственного,
муниципального управления и таможенного дела
Омского государственного технического университета,
кандидат философских наук, доцент

Аннотация. В статье анализируются факторы, способствующие прерыванию процесса становления гражданского общества в России и приданию ему затяжного характера. В качестве причин показаны разнонаправленность усилий основных единиц общества, постоянное воспроизводство противоречий, вызывающих впоследствии революцию, в основополагающих сферах. В заключение автор делает вывод, что утверждение взаимоприемлемого социального согласия – важнейшее условие преодоления общероссийского кризиса.

Ключевые слова: революция, общественное развитие, единица общества, гражданское общество, Гражданская война, преодоление кризиса.

Revolution in Russia: Specificity of Social Unit

N. P. Salokhin –

Professor of the Department of State,
Municipal Administration and Customs
at the Omsk State Technical University,
Candidate of Philosophic Sciences, Docent

***Annotation.** The article analyzes the factors contributing to the interruption of the process of formation of civil society in Russia and giving it a protracted nature. The reasons for this are the multi-directional efforts of the main units of society, the constant reproduction of contradictions, subsequently causing a revolution, in fundamental areas. In conclusion, the author concludes that the approval of mutually acceptable social harmony is the most important condition for overcoming the all-Russian crisis.*

***Keywords:** revolution, social development, unit of society, civil society, Civil War, crisis overcoming.*

Прогресс линеен. Противоречия должного и сущего создают точки бифуркации, определяющие направление социального развития. Революция происходит в момент высшего напряжения общества, не справившегося с задачей разрешения противоречий роста. После событий 1 марта 1881 г. крушение самодержавной монархии было предопределено политически. Абсолютистский режим исчерпал ресурсы уже в конце XIX в. Февральская буржуазная революция и Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. стали бифуркациями исторического выбора, открывшего обществу реальную перспективу.

Участие в Первой мировой войне на стороне Антанты объективно противоречило национальным геополитическим интересам

и продемонстрировало неспособность режима управлять империей. Случайные люди на государственных постах и бездарные военачальники были следствием тотальной коррупции. Экономические трудности и снижение качества жизни народа породили всеобщую апатию и идеологическое разложение общества, утратившего доверие к царю, церкви и символам самодержавия. Страна ждала решительных перемен. Единый выбор был невозможен – русское общество оказалось расколото.

В условиях начавшихся трансформаций путь России в будущее предлагался определенными единицами общества, представлявшими наиболее значимые элементы социально-политической структуры. Противостояние единиц общества выражалось не только различием социально-экономических оснований, но в большей степени деятельностной парадигмой, определявшей перспективу выхода из кризиса.

Анализ социально-политического и социально-экономического положения страны дает нам право назвать следующие единицы общества России, претендовавшие на доминирующее положение. Это, прежде всего, промышленный пролетариат столиц и экономических центров, создавший механизм самоорганизации советов. Наиболее массовая социальная общность – российские земледельцы – вне сомнения обладала признаками единицы общества и могла представить собственное понимание момента и будущего, по крайней мере аграрного устройства. Монополистическая и компрадорская буржуазия России, получившая роль верховного властного субъекта, предлагала собственный вариант развития. В годы мировой войны сформировалась массовая общность солдат-фронтовиков, имеющая все необходимые качества единицы общества. Нельзя оставлять вне рассмотрения и сторонников сохранения русской монархии – эта общность, как продемонстрировали выборы в Учредительное собрание, объединяла по меньшей мере $\frac{1}{8}$ часть общества, включая, помимо представителей аристократии, духовенства и городской интеллигенции, значительную часть трудового крестьянства и промышленного пролетариата.

Каждая из указанных общностей была массовой, ясно представляла будущее России, обладала выраженной онтологией и способностью действовать самостоятельно и под собственную ответственность.

Но выбор был! Общество обязано избрать путь в будущее и, преодолев раскол, самоупорядочиться. Страна могла приобрести режим парламентской республики с российской спецификой. Но Временное правительство не сумело преодолеть паралич управления и оперативно организовать в обществе режим диалога и поиска компромисса. Общенациональные противоречия еще более обострились. Пролетариат и солдатские массы требовали установить советскую республику. Народ в многочисленных акциях протеста поддерживал курс на социализм. Пролетарская революция 25 октября 1917 г. осуществила социалистический выбор. Цивилизационный слом первоначально носил мирный характер. Периферия поддержала столицу, установившую продуктивную власть, действовавшую по реальной программе, комплементарной для большинства населения.

Революционный кризис 1917 г. не имел экономических оснований. В отличие от большинства участников мирового конфликта в 1914–1917 гг. Россия понесла относительно малый ущерб. Участие в Первой мировой войне активизировало национальную экономику, достигшую в 1916 г. наивысшего подъема: по сравнению с 1914 г. ежегодное производство винтовок удвоилось, выработка пулеметов увеличилась в 6 раз, снарядов – в 16 раз, самолетов – в 3 раза. Для доставки импортных вооружений из Мурманска была очень быстро построена железная дорога в данном направлении. Всего построено более 2000 верст железных дорог! Первый лорд Адмиралтейства Великобритании Уинстон Черчилль писал: «К лету 1916 г. Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной... сумела полностью вооружить 60 армейских корпусов против 35, с которыми она начала войну» [1]. К концу 1916 г. общее число мобилизованных достигло 13 млн. Одновременно сохраняла жизнеспособность экономика страны. Выросла добыча угля с 1914 млн пудов в 1914 г. до 2092 млн пудов в 1916 г., нефти – с 550 до 602 млн пудов. Россия оказалась в ситуации, похожей на 2015 год: из-за морской блокады происходило резкое сокращение импорта, что побудило русских промышленников развивать отечественное машиностроение. (Но в 1915–1916 гг. гарантированную государственную поддержку получили реальные секторы экономики – промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Авантюрный капитал, в отличие от 2015 г., государственным вниманием не пользовался.) Несмотря на войну,

российская экономика продолжала расти: по сравнению с довоенным 1913 г. рост составил 101,2 % в 1914 г., 113,7 % – в 1915 г., 121,5 % – в 1916 г. [2]. Вновь эти показатели развития промышленности были достигнуты лишь в середине 1950-х гг.

Администрация Российской империи не сумела предложить обществу объединительную парадигму. Межпартийные и межличностные противоречия во временных правительствах вывели кризис на перманентный уровень. Доминирующие единицы общества, за небольшим исключением, в деятельностной парадигме властного субъекта не нашли ответа на наиболее острые вызовы. Кризис управления стал приобретать всеобщий характер.

26 октября (8 ноября) 1917 г. в 2 часа 10 минут Временное правительство было низложено. Октябрьское восстание в Петрограде оказалось фактически бескровным. В стране началось мирное шествие советской власти. Вооруженные столкновения произошли в Москве, Оренбурге и на Дону. На остальной территории смена власти прошла спокойно. В Омске 30 ноября (13 декабря) Советы взяли власть в свои руки. 10 (23) декабря III областной съезд Советов Западной Сибири, заседавший в Омске, провозгласил советскую власть во всей Западной Сибири. Мирный процесс утверждения советской власти был прерван в результате принятия провокационного Декрета о расказачивании [3], который фактически дал сигнал началу Гражданской войны (во время болезни Ленина 24 января 1918 г. по инициативе Л. Д. Троцкого Оргбюро ЦК РКП(б) в составе Я. М. Свердлов, М. Ф. Владимирского и Н. Н. Крестинского приняло циркулярное письмо ЦК РКП(б) «Об отношении к казакам», предписывавшее карательные меры к казачеству России, чем спровоцировало казаков на вооруженное выступление против власти Советов, положившее начало Гражданской войне. Этих руководителей большевиков можно назвать непосредственными виновниками Гражданской войны в России, стоившей стране 9 млн жизней).

Временное революционное рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров (далее – СНК), – которое пришло к власти в России на волне революции 25 октября 1917 г., было коалиционным: более половины мест в нем принадлежало крестьянской организации – Партии (левых) социалистов-революционеров, но пост председателя СНК и ключевые комиссариаты были закреп-

лены за большевиками – партией пролетариата России (в системе местных советов с большевиками и левыми эсерами сотрудничали еще семь социалистических партий, отрицающих ценности монархии и капитализма).

Проведя экспроприацию собственности для средств производства и земельной реформы, СНК сделал попытку утвердить систему непосредственно-общественной коммуникации, упразднив товарно-денежные отношения и торговлю. 16 декабря 1917 г. для активизации внутренних резервов страны и революции был создан Народный комиссариат местного самоуправления во главе с левым эсером В. Е. Трутовским [4]. Уравнительная система военного коммунизма, однако, лишь способствовала нарастанию хаоса и разрухи, что в условиях Гражданской войны едва не привело к полному коллапсу национальной экономики.

Революция и последовавшая за ней Гражданская война утвердили в стране сущностно тоталитарную монистическую систему государственного управления. В сложившемся советском обществе доминировал союз пролетариата и трудового крестьянства, которым через систему советов руководила единственная харизматическо-вождистская партия. Вопрос строительства гражданских институтов вновь на неопределенное время был снят с повестки дня.

Список источников и литературы

1. Черчилль У. Защита империи : автобиогр. / пер. с англ. М. : Эксмо, 2012.
2. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М. : Эпифания, 1994.
3. Циркулярное письмо ЦК РКП(б) о расказачивании. URL: <http://m-rodoslovnay.narod.ru/index/0-457>
4. Тропов И. А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920 гг.). СПб. : ГУАП, 2011.

**Купец Н. Н. Машинский
и «Омский дневник» (1917–1920) его дочери**

В. И. Селюк –
директор Музея городского быта (Омск)

***Аннотация.** В статье излагаются краткие сведения о жизни семьи известного омского купца Н. Н. Машинского в период Гражданской войны, в том числе по книге «Омский дневник» (1917–1920) Татьяны Машинской, подготовленной к печати ее дочерью Еленой Недзвецкой (Тумановой) и изданной в Праге в 2015 году.*

***Ключевые слова:** Омск, Машинский, купцы, военнопленные, эмиграция, дневник.*

**Merchant N. N. Mashinsky
and the “Omsk Diary” (1917–1920) of His Daughter**

V. I. Selyuk –
Director of the Museum of Urban Life (Omsk)

***Annotation.** The article presents brief information about the family life of the famous Omsk merchant N. N. Mashinsky during the Civil War, including the book “Omsk Diary” (1917–1920) by Tatiana Mashinskaya, prepared for printing by her daughter Elena Nedzvieckaya (Tumanova) and published in Prague in 2015.*

***Keywords:** Omsk, Mashinsky, merchants, prisoners of war, emigration, diary.*

Традиционно большой интерес читателей вызывают статьи историков, краеведов, обывателей, рассказывающих об истории города, области, называющих известные и неизвестные имена, повествующих о быте и нравах людей того или иного периода нашей истории. Недавно нами была получена книга «Омский дневник» (1917–1920), автором которой является наша землячка – дочь омского купца I гильдии Татьяна Николаевна Машинская. Записи

дневника охватывают события периода революции и Гражданской войны в России.

Чтобы представить семью, в которой росла и воспитывалась Татьяна, следует кратко рассказать о главе семьи. Николай Николаевич Машинский, один из крупнейших дельцов Западной Сибири и Степного края начала XX в., выходец из тарских купцов, поселился в Омске в 1903 г. с намерением расширить деятельность [1, с. 33]. Удачное вложение средств позволило ему в начале Первой мировой войны получить от военного ведомства хороший заказ на изготовление солдатских сапог до двух тысяч пар в месяц. Дело было хорошо налажено еще и потому, что кожа поставлялась из собственных мастерских.

Обосновавшись в городе, Машинский старается заниматься разными видами производства и торговли, к примеру, продажей музыкальных инструментов и грампластинок [2, с. 119], а также новым для Омска видом предпринимательства – строительством доходных домов. Купец видел, что население города стремительно увеличивается (на несколько десятков тысяч человек в год) и приезжие деловые люди нуждаются в добротных квартирах со всеми удобствами (водопровод, отопление, канализация, электрическое освещение, телефон), которые хотят снимать на длительное время. С наступлением войны один из новых доходных краснокирпичных домов на углу Атаманской и Плотниковской улиц пришлось передать под Чешский военный госпиталь. Так случилось почти со всеми доходными домами купца – они были переданы под нужды новой власти.

Свидетелем многих событий тех лет была Татьяна. Молодая барышня (она родилась в 1902 г.) из обеспеченной семьи пишет в своем дневнике о том, что ее окружает, много внимания уделяя быту семьи, знакомым и родным молодым людям, но почти ничего не рассказывая об учебе в гимназии, занятиях в тот период.

Годы революции и Гражданской войны (до ухода белых из Омска) практически не изменили образ жизни семьи купца. Но все же «тревожно стало по вечерам», поползли всякие слухи. Машинским пришлось «вздвогнуть» при советской власти. Бывали и обыски. Ухоженный и освещенный город выглядел запущенным и темным. «Если раньше как украшение улицы и как символ порядка стоял

редкий городской, то теперь на каждом перекрестке по милиционеру с красной повязкой на рукаве. Многие из них добровольцы из среды отчаянной, распропагандированной молодежи» [3, с. 46]. К счастью, это длилось недолго. Вновь наступило относительное, но непродолжительное спокойствие. По-прежнему кухарка и мама Татьяны могли на рынке купить все, что хотели, но перемены надвигались – цены возросли.

Чувствуя политическую обстановку, Н. Н. Машинский постепенно выгодно продавал активы и материалы, вкладывая деньги в иностранные банки. Чутье его не обмануло. Хозяин старался сберечь детей и увозил их в ближайшие заимки к знакомым. Все-таки в конце 1919 г. семье пришлось выехать из города с отступающими чехами на Дальний Восток. Впоследствии через Китай и Японию семья Машинских обосновалась в Чехии.

Дневник позволяет узнать многое о том, как складывались отношения между горожанами и иностранцами, которых в то время было много в Омске. Молодые люди, в основном чехи – пленные офицеры, чувствовали себя довольно свободно, особенно в период нахождения в Омске войск под командованием А. В. Колчака. Они свободно перемещались по городу, часто бывали в гостях у омичей, вели светские беседы, оказывали знаки внимания девушкам из купеческих семей и принимали участие в культурной жизни города. В дневнике почти не говорится о войне, ее как будто не было в поле зрения девушки, хотя атрибутике и форме внимание уделяется.

В целом дневник представляет интерес и с точки зрения повседневной истории. Рассказывается не только о событиях в самом городе, но и о том, где пришлось побывать семье Машинских, в том числе о пригороде Омска, станицах и селах Акмолинской области, в настоящее время являющихся уже территорией современного Казахстана.

Без особых подробностей упоминает Татьяна о делах родителей, чем они были заняты и порой озабочены. Говоря о строительстве доходного дома на углу Акмолинской и Плотниковской улиц, называет имя архитектора Хворина, что ранее можно было лишь предполагать, так как не имеется тому документального подтверждения. О строительстве собственного дома Машинских по улице Симонов-

ской (ныне ул. 8 Марта) мы узнаем много нового, хотя омские старожилы помнят это здание, на месте которого в настоящее время возвышается высотный жилой дом.

Вообще по владельцам и месту расположения особняков можно определить, что соседями Машинских были состоятельные, известные в Омске и образованные люди: Шанина, Зонов, Кабалкин, Штумпф, Мариупольский, Куртуков, Островский, Шайтанов, Саметник, Усов, Кузьмина, Разумовские.

Ряд фактов и деталей из жизни семьи купца Машинского и его окружения, помимо ранее известных, открываются из дневника Татьяны, сохранившиеся записи которого подготовлены к печати ее дочерью Е. Е. Недзвецкой (Тумановой) и изданы в 2015 г. в Праге, где она проживает в настоящее время. Радует, что бывшие соотечественники помнят малую родину своих предков, обращаются в помыслах к России. А наша краеведческая деятельность, благодаря публикуемым дневникам, мемуарным и архивным материалам, становится полнее и периодически все более располагает к новым выводам о судьбоносных периодах в истории Отечества.

Список источников и литературы

1. Энциклопедический словарь по истории купечества : в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2.
2. Белокрыс М. А. Музыкальная культура Омского Прииртышья в лицах (XVIII – сер. XX вв.). Омск, 2010. Т. 3.
3. Машинская Т. Н. Омский дневник (1917–1920) / под ред. М. В. Добушевой, В. В. Крымовой ; сост. коммент. Л. Давыдова. Прага : Рус. традиция, 2015. 240 с.

Деятельность образовательных учреждений в Омске в 1918–1919 гг.¹

С. Г. Сизов –

профессор кафедры философии
Сибирского автомобильно-дорожного университета,
доктор исторических наук, доцент (Омск)

***Аннотация.** В статье анализируется состояние образования в городе Омске в 1918–1919 гг. Рассмотрены различные проблемы, с которыми сталкивались учебные заведения. В то же время в статье проведен анализ работ по созданию политехнического и сельскохозяйственного институтов.*

***Ключевые слова:** Белое движение, белый Омск, образование, Колчак, Сибирь, контрреволюция.*

The Work of Educational Institutions in Omsk in 1918–1919

S. G. Sizov –

Professor of the Department of Philosophy
at the Siberian State Automobile and Highway University,
Doctor of Historical Sciences, Docent (Omsk)

***Annotation.** The article analyzes the state of education in the city of Omsk in 1918–1919. Considered various problems faced by educational institutions. At the same time, the article analyzes the creation of polytechnic and agricultural institutes.*

***Keywords:** White movement, white Omsk, education, Kolchak, Siberia, counterrevolution.*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-81-01006 «“Белая столица России”: повседневная жизнь Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919 гг.)».

В годы революции и Гражданской войны образование в Омске пережило ряд серьезных потрясений. Но прежде чем говорить об этом, стоит для сравнения кратко охарактеризовать учебные заведения города, которые работали в предреволюционное время. Начнем с гимназий, которых в Омске в 1916 г. было 10, из них 6 – частных. В городе имелись 1-я и 2-я мужские гимназии, Первая женская гимназия почетных граждан Поповых и 2-я женская гимназия, частная 3-я женская гимназия О. Я. Хвориновой, частная женская гимназия М. П. Эйнар-ович, частная гимназия М. В. Каеш, частная гимназия Н. Ф. Шанской, частная гимназия Е. К. Бегичевой, частная гимназия Э. Я. Лезевитц.

Имелись и специализированные учебные заведения: знаменитый кадетский корпус, женское епархиальное училище, землемерное училище, коммерческое училище, городская торговая школа, среднее сельскохозяйственное училище, Императора Александра III низшее механико-техническое училище, ремесленная школа, учительская семинария, при которой имелось двухклассное училище, школа молочного хозяйства, центрально-фельдшерская школа, ветеринарно-фельдшерская школа.

Начальное образование было представлено целой сетью городских начальных училищ (их было 20) и церковно-приходских школ (5 школ). Кроме того, в городе существовали пансион для русских и киргизских детей, училище Акмолинского степного попечительства о вдовах и сиротах воинов, двухклассное училище попечительства о народной трезвости.

Были и школы для национальных и религиозных меньшинств: начальное училище Омского польского благотворительного общества, четырехклассное еврейское училище, 1-й и 2-й мусульманские мектебы, лютеранская и менонитская школы. В городе имелись также детский сад, музыкальные классы, курсы бухгалтерии [1, с. 22–44]. Добавим, что в городе существовали Омское общество просвещения, организовавшее школу для взрослых, общественные организации, осуществлявшие помощь нуждающимся ученикам и ученицам, Общество вспомоществования учащим и учившим Акмолинской области, оказывавшее помощь учителям [1, с. 55–58]. Вероятно, этот список неполон.

Установив советскую власть в городе, большевики закрыли религиозные учебные заведения и кадетский корпус, пытались взять

другие учебные заведения под свой контроль. Был основан Отдел народного образования при Совете депутатов. В соответствии с указаниями Москвы во всех учебных заведениях было запрещено преподавание Закона Божьего. Советы открыли три школы для взрослых, но средств на их содержание постоянно не хватало [2, л. 5–5 об.].

Большинство учителей относилось к власти Советов весьма прохладно. Об этом свидетельствует, например, такой факт. 10 января 1918 г. на педагогическом совете Омской учительской семинарии обсуждался вопрос о присоединении к общей недельной забастовке учителей в связи с разгоном большевиками Учредительного собрания. Все присутствующие проголосовали за присоединение. Лишь один член педсовета, преподаватель А. И. Покровский, отказался поддержать эту акцию [3, л. 4–5].

Падение власти большевиков в Омске (7 июня 1918 г.) привело к тому, что образовательный процесс стал возвращаться к прежним порядкам. Вопросами образования в белом Омске в основном занимались два учреждения. На высшем уровне образовательная политика осуществлялась Министерством народного просвещения. Во времена «демократической контрреволюции» это министерство находилось в Омске, занимая часть помещений механико-технического училища у вокзала. При адмирале А. В. Колчаке министерство возобновило свою работу, но уже в Томске. Вопрос о его переезде в Омск неоднократно поднимался [4, с. 3], но откладывался в связи с отсутствием свободных помещений в городе.

Вторым учреждением, курировавшим образовательный процесс в белой столице, был Отдел народного образования при Омской городской управе. Он возобновил работу сразу после ухода красных из Омска в июне 1918 г. В ведении отдела были городские начальные и высшие начальные училища, высшие учебные заведения, национальные и профессиональные школы, библиотеки, детские сады и детские площадки [5, с. 175].

Самой большой проблемой для работников образовательных учреждений и чиновников, осуществлявших управление этой сферой, стала повсеместная реквизиция зданий учебных заведений в связи с требованиями военных и гражданских ведомств. Помещения, в которых находились училища и школы, отводились под воинские ча-

сти, лазареты еще во время Первой мировой войны, но наибольший размах этот процесс приобрел в 1918–1919 гг.

Еще до начала учебного года для нужд военного ведомства было реквизировано большинство школьных помещений: 27 августа 1918 г. Акмолинский областной распорядительный комитет по квартирному довольствию войск, в связи с ожидавшимся расквартированием призыва, состоявшего из 12 600 человек, постановил изъять здания всех начальных училищ, перенести занятия школ на вечернее время в здания 1-й и 2-й мужских гимназий, 1-й и 2-й женских гимназий, епархиального училища, гимназии Эйнарович и вообще во все частные средние учебные заведения, которые реквизиции не подлежали. Учителя и ученики в большинстве своем, конечно, относились к этому негативно.

Помимо реквизиций, учебные заведения столкнулись и с проблемой нехватки дров для отопления. Дрова в Омске резко подорожали, и зимой 1918–1919 гг. денег на их приобретение не хватало. Все попытки добиться выделения дополнительных средств оказывались тщетными. В этой связи в феврале 1919 г. вынужденно закрылась Омская учительская семинария [6, л. 28–28 об.].

Какие же учебные заведения функционировали в белом Омске? Ответ на этот вопрос частично помогают найти архивные документы, в частности список учреждений и предприятий Омска за 1918–1919 гг. В вышеназванном списке упомянуты 9 гимназий, 4 высших начальных училища, 36 низших начальных училищ и школ, школа степного попечительства, двухклассная вечерняя школа для взрослых, школа при сельхозучилище, профессиональная женская школа, латышское училище, римско-католическое училище, еврейская и мусульманская школы [7, л. 14–14 об., 28]. Поскольку в этом списке достаточно много школ, вероятно, что он составлен не позднее конца 1918 г., когда почти все учебные заведения еще работали.

Положение омского учительства было весьма тяжелым. Вот что вспоминал А. С. Сливко: «Многие из числа учителей, в связи с дважды объявлявшейся мобилизацией интеллигенции, вынуждены были пойти служить в колчаковскую армию или были арестованы колчаковской охраной, многие влачили нищенское существование, что называется, раздеты и разуты, т. к. колчаковские деньги (бумажки местного печатания) не имели никакой ценности, какие бы

цифры рублей на них не указывались. Трудно было купить что-либо, так как продовольственные и промышленные товары [были] реквизированы и объявлены военным имуществом. Учительство разбегалось: одни уезжали в деревню, другие искали работу и устраивались на должности поближе к хозяйственным и торговым организациям» [8, с. 52]. Призыв в армию привел к нехватке учителей в школах города. Еще одной проблемой стала нехватка учебников. В связи с этим на них настолько выросли цены, что об этом даже был написан фельетон [9, с. 3].

Особо нужно сказать о высшем образовании в белом Омске, в развитии которого наблюдались и позитивные моменты. С 1912 г. в Омске функционировал небольшой учительский институт, но его к высшим учебным заведениям не относили. Согласно тогдашним порядкам учительские семинарии готовили учителей для сельских начальных училищ, а учительские институты – для городских. По статусу эти учебные заведения мало чем отличались [10, с. 15]. С июня 1917 г. в них стали принимать только лиц со средним образованием. В институте появилось три факультета: историко-филологический, физико-математический и естественно-исторический. Это еще более приблизило учительские институты к университетам, но преобразования так и не были завершены, поскольку не было закончено согласование программ обучения и не были повышены требования к кадровому составу институтов [11, с. 104].

В 1917–1918 гг. в Омске открылось сразу два вуза – политехнический и сельскохозяйственный институты. История их появления в городе была непростой. Общественные деятели Омска давно осознавали необходимость высшего учебного заведения для региона. Осенью 1910 г. в этом направлении начались хлопоты перед правительством, причем предполагалось открыть коммерческий институт. После Февральской революции, а именно в марте 1917 г., устав Омского коммерческого института был утвержден, а с осени того же года институт был открыт в составе двух отделений – экономического и коммерческо-технического. В первый же год было набрано свыше 600 слушателей, в том числе 123 из крестьянского сословия [12, с. 98].

Но открывшийся институт не мог удовлетворить потребностей региона в образованных деятелях различных отраслей народного

хозяйства. В связи с этим встал вопрос о преобразовании Омского коммерческого института. Инициативу в этом деле проявил организатор института профессор В. Л. Малеев, которого поддержал попечительский совет вуза.

В марте 1918 г. автономные коллегии коммерческого института приняли новое положение, по которому он стал именоваться Омским политехническим институтом. По этому положению к существовавшим уже отделениям прибавилось три новых факультета – химический, механический и инженерно-строительный. В таком виде политехнический институт начал свою работу с осени 1918 г.

Сельскохозяйственный институт в Омске тоже задумывался еще в предреволюционные годы. В 1914 г. в Министерстве земледелия был подготовлен законопроект об учреждении такого института в Сибири. Но начавшаяся война задержала его открытие. Наконец 21 февраля 1918 г. сельскохозяйственный институт был открыт, правда, первоначально как частное учебное заведение. Но постановлением Совета Министров от 10 августа 1918 г. этот институт был признан учреждением государственным, и с 1 июля 1918 г. содержание его принято на счет государства.

В составе института имелись следующие факультеты: агрономический, лесной, ветеринарный, кооперации и биотехнической экономики. Кроме этих проектировалось открытие и других факультетов – инженерно-сельскохозяйственного (мелиоративного), а также рыбоведения и охотничьих хозяйств. Институт с первых же дней своей работы стал привлекать молодежь: уже к ноябрю 1918 г. в нем числилось 100 студентов и 42 вольнослушателя. Обязанности ректора института временно исполнял адъюнкт-профессор по кафедре физики И. С. Тишов, который, кроме того, был деканом агрономического и лесного факультетов [13, с. 98–99].

В мае 1918 г. Министерство финансов в целях экономии денежных средств поставило вопрос об объединении политехнического и сельскохозяйственного институтов. Решение было признано целесообразным, но так и не было проведено в жизнь [14, с. 3].

Таким образом, положение образовательных учреждений в белом Омске было весьма сложным. Значительная часть зданий была отдана под военные и административные учреждения, госпитали. Учителя оказались вынуждены проводить занятия в вечернее время

и нередко в непригодных помещениях. Учебные заведения сталкивались с постоянным недофинансированием, низкой заработной платой учителей, нехваткой дров для отопления, с острым недостатком учебников. В связи с этим некоторые учебные заведения временно закрывались (например, учительская семинария) [15]. Призыв в армию преподавателей также заметно осложнил учебный процесс в ряде омских школ. В то же время приезд в Омск видных деятелей науки из Москвы, Петербурга, Казани позволил шире развернуть работу по развитию омских вузов – политехнического и сельскохозяйственного институтов.

Список источников и литературы

1. Весь Омск : справ.-указ. на 1913 г. Омск : Изд-во газ. «Омский вестник» : Тип. «Иртыш», [1913].
2. ГИАОО. Ф. Р-1710. Оп. 1. Д. 29.
3. ГИАОО. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 1.
4. К переводу Министерства народного просвещения // Сибирская речь (Омск). 1919. № 14. 9 (22) января.
5. Тимченко Ю. В. Деятельность органов городского самоуправления в сфере народного образования в Омске во второй половине 1918–1919 гг. // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 нояб. 2014 г.) / под ред. Д. И. Петина. Омск : Амфора, 2015. С. 175–179.
6. ГИАОО. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 2.
7. ГИАОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 22.
8. Сливко А. С. Народное образование в первые годы после освобождения Омска // Известия Омского отдела Географического общества СССР. 1966. Вып. 8 (15).
9. Зуда. Паутина // Наша газета (Омск). 1919. № 29. 18 сент.
10. Войтеховская М. П. Подготовка учительских кадров для начальных училищ в Западно-Сибирском учебном округе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 107. С. 13–27.
11. Среднее образование // Настольный календарь на 1919 год. Издание Министерства народного просвещения / под ред. М. Н. Пинегина. Томск : Тип. Том. ж. д., 1919.

12. Омский политехнический институт // Настольный календарь на 1919 год. Издание Министерства народного просвещения / под ред. М. Н. Пинегина. Томск : Тип. Том. ж. д., 1919.

13. Омский сельскохозяйственный институт // Настольный календарь на 1919 год. Издание Министерства народного просвещения / под ред. М. Н. Пинегина. Томск : Тип. Том. ж. д., 1919.

14. Слияние Омского политехнического и Омского сельскохозяйственного институтов // Русская армия (Омск). 1919. № 100. 15 мая.

15. Сизов С. Г. Омская учительская семинария в 1918–1919 гг.: выживание в условиях безденежья, дровяного кризиса и отъема помещений // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 163–171.

К вопросу о репрессивном характере внутренней политики Российского правительства А. В. Колчака

М. М. Стельмак –

главный архивист Центра изучения истории Гражданской войны
Исторического архива Омской области,
старший преподаватель кафедры отечественной истории
Омского государственного технического университета,
кандидат исторических наук

***Аннотация.** В статье на основании различных опубликованных источников анализируются репрессивный характер, состояние правоохранительной системы Российского правительства А. В. Колчака. Показаны примеры нарушения, обхода законности и случаи ее применения для наказания политических противников омской власти. В заключение автор делает вывод, что жесткие меры во внутренней политике были характерны антибольшевистским властям в течение всего периода Гражданской войны.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, Белое движение, А. В. Колчак, правоохранительная политика, белый террор, Сибирь.*

To the Question of the Repressive Character of Inner Policy of the Russian Government of A. V. Kolchak

M. M. Stelmak –

Chief Archivist of the Center for the Study of the History
of the Civil War at the Historical Archive of the Omsk Region,
Senior Lecturer of the Department of Domestic History
at the Omsk State Technical University,
Candidate of Historical Sciences

***Annotation.** In the article is analyzed on the basis of various published sources, the repressive nature, the state of the law enforcement system of the Russian government A. V. Kolchak. Examples of violations, non-compliance with the law and its application for punishing political opponents of Omsk authorities are shown. In conclusion, the author concludes that harsh measures in domestic policy were characteristic of the anti-bolshevik authorities throughout the Civil War.*

***Keywords:** Civil War, White movement, A. V. Kolchak, law enforcement policy, white terror, Siberia.*

На протяжении последнего столетия было опубликовано немало различных работ, затрагивающих крайне сложную тему правонарушений и незаконности на территориях бывшей Российской империи в годы Гражданской войны. Данные явления нельзя рассматривать как результат чьей-то злой воли. Во многом это было обусловлено наличием множества нерешенных проблем в дореволюционном обществе [1, с. 6–178]. В итоге проблемы были обострены в Первую мировую войну, что уже в 1916 г. вызвало постоянное нарастание морального кризиса в армии [2, с. 717]. Неоптимистичную ситуацию в стране накануне революции были вынуждены констатировать даже «глаза и уши империи» – сотрудники жандармерии [3; 4, с. 9].

Во многом в этих явлениях крылись корни последующего террора, использовавшегося всеми сторонами в Гражданской войне.

Тем не менее в массовом сознании существует немало мифов о военно-революционном периоде 1914–1922 гг. [5]. В предыдущие три десятилетия во многих умах сформировалась мысль, что в системе антибольшевистских политических режимов различные нарушения законности являлись, по сути, лишь незначительными и немногочисленными инцидентами. В качестве примера практики разного народа нарушений в данной статье приводится деятельность Российского правительства А. В. Колчака.

В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. в Омске подверглись аресту ведущие политические деятели Временного Всероссийского правительства (Директории). Вооруженные отряды под командованием казачьих офицеров И. Н. Красильникова, А. В. Катанаева и В. И. Волкова арестовали главу Директории Н. Д. Авксентьева, члена Директории В. М. Зензинова, товарища (заместителя) министра внутренних дел Е. Ф. Роговского, члена Директории А. А. Аргунова [6, с. 495]. Через несколько дней эти лица были высланы за границу. Н. Д. Авксентьеву предъявили необоснованное, не подтвержденное никакими уликами обвинение, что он якобы получил от большевиков 200 млн руб. для большевистской пропаганды в армии [7, с. 73]. Сам А. В. Колчак в одном из писем своей жене Софье с сожалением писал, что только защита иностранных миссий спасла членов Директории [8, с. 130].

18 ноября 1918 г. Совет Министров постановил «передать временно осуществление верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного правителя» [9, с. 343]. 19 ноября 1918 г. было образовано Российское правительство А. В. Колчака. Акты, которые были приняты после переворота, выглядели противоречиво. Вся власть была в руках А. В. Колчака как военного диктатора, но при этом источником власти становился передавший ее Совет Министров. Следовательно, он разделял с военным диктатором ответственность [10, с. 77].

В положении о временном устройстве государственной власти в России, утвержденном Советом Министров 18 ноября 1918 г., говорилось, что Верховному правителю принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности [11, с. 325].

А. В. Колчак был в курсе планируемого переворота. 13 ноября 1918 г. он и командующий Сибирской армией чехословацкий генерал-майор Р. Гайда обсуждали подробности свержения Директории [12, с. 53]. С 4 по 17 ноября 1918 г. А. В. Колчак занимал должность военного и морского министра Директории. Тем не менее за указанный период он ничего не сделал для укрепления Вооруженных Сил Временного Всероссийского правительства. Его целью была подготовка заговора против Директории [13, с. 48]. Приняв участие в заговоре против правительства, в котором он являлся министром, А. В. Колчак совершил государственное преступление. По действовавшему законодательству за подобное деяние – измену – полагалась смертная казнь [12, с. 58, 61].

А. В. Колчак предпринял тактический ход, чтобы сгладить впечатление в общественном мнении от военного переворота. Исполнители данной акции – И. Н. Красильников, А. В. Катанаев и В. И. Волков – были отданы под суд через 3 дня после свержения Директории. Военный суд оправдал всех троих обвиняемых, и А. В. Колчак утвердил этот приговор. Казачьи офицеры после суда были переведены из Омска и вскоре повышены в чинах в знак благодарности за помощь в приходе А. В. Колчака к власти [10, с. 80].

Большинство членов кадетской партии поддержали приход А. В. Колчака к власти. Председатель Восточного отдела ЦК партии кадетов, один из главных организаторов военного переворота В. Н. Пепеляев, впоследствии – министр внутренних дел, выступая 5 декабря 1918 г. перед соратниками по партии, заявил: «Мы ответственны (и особенно я) за переворот, и наш долг укрепить власть. Поэтому должно брать самые ответственные посты даже с риском погибнуть» [14, с. 218]. За поддержку диктатуры выступали и политические деятели, находившиеся на юге России, в том числе и А. А. Червен-Водали [14, с. 219]. Впрочем, даже В. Н. Пепеляев был крайне недоволен спектаклем в виде суда над И. Н. Красильниковым, А. В. Катанаевым и В. И. Волковым, записав о нем в дневнике: «Было бы лучше, если бы его совсем не было» [15, с. 62].

Сменивший В. Н. Пепеляева на посту председателя Восточного отдела ЦК партии кадетов А. К. Клафтон также выражал поддержку Российскому правительству А. В. Колчака. На 3-й Восточной конференции кадетской партии им было сказано: «Мы стали партией

государственного переворота, благотворное значение которого только теперь начинают понимать западные демократии. Мы приняли на себя всю политическую ответственность... Партия отдала все силы... на прямую службу правительству... Правительственный аппарат захватил в свою систему все большее число партийных деятелей... Мы были первыми друзьями власти» [14, с. 220–221]. Далее А. К. Клафтон провозгласил А. В. Колчака национальным вождем и призвал «отдать власти, что мы можем – жизнь, труд и состояние свое... объединиться вокруг Верховного правителя» [14, с. 221].

В ноябре 1918 г. Российское правительство А. В. Колчака начинает борьбу с попытками противодействия осуществлению власти. 30 ноября 1918 г. А. В. Колчак издает приказ об аресте не сложивших полномочий бывших членов Самарского комитета членов Учредительного собрания, уполномоченных ведомствами бывшего Самарского правительства [16, с. 273]. В своих заявлениях, интервью отечественной и зарубежной прессе А. В. Колчак постоянно подчеркивал, что его политический курс не будет иметь ничего общего с реакцией. Было заявлено, что одной из его главных целей после прихода к власти является обеспечение законности и правопорядка, чтобы население могло беспрепятственно избрать себе образ правления, который пожелает [17, с. 11].

Но на практике данные заявления соблюдались не всегда. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке против политики Российского правительства А. В. Колчака в ноябре 1918 – марте 1919 гг. прошли разнообразные акции протеста, подавленные властями. 30 ноября 1918 г. Совет Министров Российского правительства принял ряд поправок к «Уложению о наказаниях», значительно ужесточивших наказания в первую очередь за государственные преступления. Виновные в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность Верховного правителя А. В. Колчака, или на насильственное лишение его или Совета Министров власти, им принадлежавшей, или на воспрепятствование осуществлению таковой наказывались смертной казнью. Виновные в оскорблении Верховного правителя А. В. Колчака на словах, в письме или печати подлежали наказанию в виде заключения в тюрьме. Данные преступные деяния подлежали (временно) рассмотрению (по принадлежности) в военно-окружных или военно-полевых судах [18, с. 87, 94].

В декабре 1918 г. Совет Министров принял дополнения к статьям 99 и 100 дореволюционного Уголовного уложения, предусматривавшие наказания вплоть до смертной казни «за воспрепятствование к осуществлению власти». Данную формулировку можно было трактовать довольно широко, чем часто пользовались военно-полевые суды [10, с. 185]. В период правления А. В. Колчака сокращалась численность профсоюзов из-за преследования властями по обвинениям в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам и восстаниям [10, с. 164].

Не допускалось никакой критики в адрес Верховного правителя. Критика Российского правительства А. В. Колчака допускалась, но следовало соблюдать определенные рамки. За систематические нападки на свою деятельность правительством был закрыт ряд сибирских газет. Не допускалась на практике критика высшего военного командования и Белой армии в целом [19, с. 109]. В начале декабря 1918 г. под предлогом близости фронта были закрыты все газеты в Уфе. Вскоре после переворота Омским правительством были изданы приказы, по сути узаконившие институт военной цензуры и наделившие штаб широкими полномочиями в деле контроля над прессой [20, с. 162].

В ночь с 21 на 22 декабря 1918 г. в Омске произошло восстание против Российского правительства А. В. Колчака. Оно было подавлено. В ходе восстания, по официальным данным, было убито 247 человек, затем расстреляно по приговору военно-полевого суда 117 человек. Согласно воспоминаниям о событиях в ходе подавления восстания погибло около 1000 человек [21, с. 50]. О тысяче убитых писал и сторонник А. В. Колчака начальник британского экспедиционного отряда полковник Д. Уорд [22, с. 102]. Во время восстания была захвачена Омская областная тюрьма, из которой были выпущены политические заключенные. 22 декабря 1918 г. издан приказ начальника гарнизона города Омска генерал-майора В. В. Бржезовского, согласно которому все незаконно освобожденные были обязаны явиться к караульному начальнику областной тюрьмы, коменданту города или в участки милиции. Всех неявившихся и задержанных после этого бежавших арестованных было приказано расстреливать на месте [16, с. 277].

Несколько освобожденных политических заключенных вернулись в тюрьму. В ночь с 22 на 23 декабря 1918 г. в тюрьму пришел

военный отряд и забрал 10 социалистов-революционеров и социал-демократов из числа добровольно вернувшихся в тюрьму. Они (в том числе 7 членов Учредительного собрания) были расстреляны военными на берегу реки без суда [23, с. 152–153]. Попытки офицеров забрать из тюрьмы деятелей Учредительного собрания имели место и до декабрьского восстания [24, с. 211]. Назначенная А. В. Колчаком в январе 1919 г. комиссия для выяснения обстоятельств данного расстрела работала до конца июня 1919 г., но свела на нет все следствие. Никто из участников данной акции в итоге не был наказан [25, с. 165–168].

Важно отметить, что Российское правительство А. В. Колчака оказалось не в силах противодействовать политическому режиму атамана Г. М. Семёнова. Осенью 1918 г. Г. М. Семёнов на войсковых казачьих кругах был избран войсковым атаманом Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачеств и стал командовать отдельной Восточно-Сибирской армией. На территории, подконтрольной Г. М. Семёнову, войсками неоднократно применялся белый террор против местного населения. Кроме этого, Г. М. Семёнов в конце 1918 – весной 1919 г. предпринимал попытки создать в Забайкалье свое сепаратистское объединение. Несмотря на попытки воздействия со стороны Российского правительства А. В. Колчака на действия Г. М. Семёнова, его политика не подверглась изменениям. В итоге приказом от 25 мая 1919 г. № 136 Верховный правитель А. В. Колчак отменил предыдущие распоряжения по ограничению деятельности Г. М. Семёнова. Приказ фактически означал капитуляцию Российского правительства А. В. Колчака перед действиями Г. М. Семёнова [26, с. 182].

За период существования Российского правительства А. В. Колчака его юстиция так и не успела дать точное юридическое толкование термина «принадлежность к большевизму», по обвинению в которой арестовывались тысячи людей, поневоле работавших при советской власти. Приказ Верховного правителя А. В. Колчака по армии от 14 мая 1919 г. гласил: «Лиц, добровольно служащих на стороне красных... во время ведения операций... в плен не брать и расстреливать на месте без суда; при поимке же их в дальнейшем будущем арестовывать и предавать военно-полевому суду» [14, с. 264]. По свидетельству управляющего Советом Министров Российского правительства Г. К. Гинса, уже в апреле 1919 г. население городов стало заражаться

враждебным настроением. Сильная цензура, власть военных, аресты, расстрелы, по воспоминаниям Г. К. Гинса, разочаровали даже умеренную демократию, ранее поддерживавшую А. В. Колчака [27, с. 312]. Судя по всему, осталась без последствий высказанная в августе 1919 г. просьба Г. К. Гинса передавать милиционеров, винных в беззаконии, военно-полевым судам. По его воспоминаниям, министр внутренних дел В. Н. Пепеляев сильно обиделся на данное предложение [28, с. 189]. Управляющий Министерством иностранных дел И. И. Сукин указывал: «В силу своих симпатий к военным и готовности признавать их аргумент “целесообразности”, которым он заменял начало “законности”, Пепеляев зачастую допускал введение военного положения там, где можно было бы без него обойтись. Это была коренная ошибка нашей внутренней политики, за которую пришлось дорого расплатиться» [29, с. 431].

На жестокость террора, применявшегося всеми противоборствующими сторонами Гражданской войны в России, оказали влияние многие факторы. Корни ожесточения лежат довольно глубоко, начиная с неудачных и незаконченных реформ второй половины XIX – начала XX в., неспособности российских властей извлечь урок из событий 1905–1907 гг. В итоге с началом Гражданской войны к крайним средствам стали прибегать все участники конфликта. Смертную казнь применял в первые месяцы 1918 г. и Л. Г. Корнилов [30, с. 416]. В это же время на Кубани жестоко действовал полковник В. Л. Покровский, практикуя бессудные убийства арестованных «при попытке к бегству» [31, с. 102]. В Сибири жесткие меры применялись и до появления на политическом горизонте фигуры А. В. Колчака. Как отмечает новосибирский историк В. И. Шишкин, управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства, командующий Сибирской армией генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов видел болевые точки растущего военного организма и даже пытался на них воздействовать. Но одновременно имели место и другие тенденции: «В то же время он явно закрывал глаза на нарушения законности, произвол и бесчинства, которые творили военные, особенно начальники гарнизонов и командный состав действующих отрядов, по отношению к населению, периодической печати и гражданским властям» [32, с. 151–152]. 2 августа 1918 г. А. Н. Гришин-Алмазов даже издал приказ № 43, в котором

требовал от начальников частей в борьбе с врагами быть инициативными, настойчивыми и беспощадными, «не боясь ответственности за превышение власти» [32, с. 171]. В приказе был пространный перечень врагов и преступных деяний, за которые необходимо было «бестрепетно и беспощадно стрелять на месте». Приказ заканчивался следующими словами: «Каждый военный начальник должен помнить, что на театре войны все средства, ведущие к цели, одинаково дороги и законны и что победителя вообще не осудят любящие родную землю современники и благоразумные потомки». Даже в письмах, адресованных жене осенью 1918 г., А. Н. Гришин-Алмазов показывал себя сторонником твердого правого курса [33, с. 1065].

Многие представители генералитета и офицерства летом 1918 г. были вызваны в принудительном порядке на службу под угрозой суда в случае отказа. На это указывали офицеры Белой армии А. В. Беклемишев, А. М. Поспеев, Н. Д. Павлов, Н. Н. Артамонов, Н. И. Рогозин [34, с. 280; 35, с. 388; 36, с. 131; 37, с. 282; 38, с. 120]. Атаман Оренбургского казачьего войска А. И. Дутов летом 1918 г. в Омске в интервью газете признался, что недавно по его приказу было расстреляно 200 казаков за отказ выступить активно против большевиков [39, с. 196]. Не лучше обстояла ситуация на Дальнем Востоке. 25 марта 1919 г. в газете «Амурское эхо» сообщалось, что недавно японцами и казаками были подвергнуты обстрелу и сожжены деревня Андреевка и села Тамбовка и Ивановка в Амурской области. В данной газете было опубликовано обещание японского командования, что оно и «впредь будет поступать так же беспощадно с теми деревнями, кои окажут гостеприимство и сочувствие большевикам, а не выдадут их или сами не арестуют» [40, с. 222]. Командующий Приамурским военным округом генерал-майор П. П. Иванов-Ринов 3 мая 1919 г. отдал приказ о расстреле большевистских активистов и разорении их домов. Кроме этого, приказ требовал брать заложников из числа сочувствующих большевикам [41, с. 52]. Далеко не всегда антибольшевистские власти применяли наказание в отношении офицеров за различные проступки, включая и пьяный дебош. Так, в начале июня 1919 г. после ареста офицеров-дебоширов начальник Миасского гарнизона, во избежание эксцессов, не отдал их под суд, а отправил обратно в их части [42, с. 333].

Таким образом, жесткие меры во внутренней политике были свойственны антибольшевистскому движению в течение всего периода Гражданской войны. Подобный политический курс продолжало и Российское правительство А. В. Колчака, являвшееся классической военной диктатурой. Сам Верховный правитель, несмотря на частые заверения в приверженности демократии, презрительно относился к данной форме правления, считая ее неприемлемой. Хотя 29 января 1919 г. А. В. Колчак в речи перед принесением присяги на верность Российскому государству говорил о важности восстановления правового государства, несмотря на стихию войны [43, с. 300].

Обещания законности и порядка на подконтрольной территории были крайне далеки от действительности. Как считает канадский историк Н. Перейра, А. В. Колчак больше говорил о порядке и законности, чем добивался их на практике [44, с. 53]. Власть после переворота 18 ноября 1918 г. все больше сосредотачивалась в руках консервативно настроенных военных, предпочитавших успокаивать приемлемыми для них средствами. Для многих военных чинов антибольшевистского движения было свойственно непонимание социальной природы, сути и, главное, причин революции и Гражданской войны. Поэтому необходимо изучать проблему применения насилия в Гражданской войне со всех сторон, анализировать и красный, и белый террор. В современных художественных фильмах и книгах причиной краха Белого движения часто выставляют якобы их очень мягкую политику. В реальности Российское правительство А. В. Колчака потерпело поражение по многим причинам. Как отмечает новосибирский историк В. М. Рынков, Сибирская антибольшевистская власть не смогла создать сильного государственного аппарата, способного управлять хозяйственным механизмом [45, с. 351]. В итоге большевики оказались лучшими организаторами по сравнению со старым офицерством, которому традиционно были присущи отсутствие инициативы, инертность и следование шаблонам [46, с. 12]. Как справедливо заметил В. И. Шишкин, «очевидно, что установление военной диктатуры не может быть панацеей, гарантирующей ее авторам и носителям желаемый результат, тем более в условиях Гражданской войны, когда различные части общества с оружием в руках борются друг против друга» [47, с. 12]. В Белой армии, в отличие от Рабоче-Крестьянской Красной Армии, не было произ-

ведено попыток сломить преграды между солдатами и командным составом [48, с. 188]. Жесткие меры в политической сфере не приносили желаемого результата, тем более когда имелись довольно серьезные проблемы в устройстве тыла.

Список источников и литературы

1. Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М. : Родина МЕДИА, 2014. 452 с.
2. Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М. : Новый хронограф, 2014. 740 с.
3. Бакшт Д. А., Катцина Т. А. «Власть атрофирована, а мы находимся на краю бездны». О состоянии предреволюционного общества Восточной Сибири по результатам инспекции полковника П. П. Заварзина. 1916 г. // Исторический архив. 2017. № 1. С. 33–56.
4. Нефедов С. А. Неизвестная Февральская революция (часть 1) // Новейшая история России. 2017. № 4 (21). С. 7–21.
5. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового самосознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. № 3. 2018. С. 9–15.
6. Кокоулин В. Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май–ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с.
7. Аракелова М. П., Городницкий Р. А. Николай Дмитриевич Авксентьев: министр, партийный лидер, человек // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2005. № 1. С. 66–77.
8. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М. : Центрполиграф, 2006. 272 с.
9. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 19 ноября 1918 г.) : сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.
10. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2006. 269 с.
11. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М. : Центрполиграф, 2002. 702 с.
12. Шишкин В. И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–62.

13. Шишкин В. И. Военный и морской министр вице-адмирал А. В. Колчак // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 45–48.
14. Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 368 с.
15. Пепеляев В. Н. Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы. М. : Аграф, 2007. С. 43–108.
16. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918) / сост. В. В. Максаков, А. Н. Турунов. М. : Л. : Гос. изд-во, 1926. 300 с.
17. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске, 18 ноября 1918 г. : сб. документов. Париж : [EditionetlibrarieRusse], 1919. 193 с.
18. Штырбул А. А. Покушение на Колчака: историческое исследование. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. 392 с.
19. Хандорин В. Г. Роль либеральной и социалистической прессы в Сибири при диктатуре А. В. Колчака // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 109–112.
20. Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов всерос. молодеж. науч. школы-конф. Новосибирск, 2017. С. 157–166.
21. Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. М. : Отечество, 1994. 320 с.
22. Урд Д. Союзная интервенция в Сибири. 1918–1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Урда. М. : П., 1923. 172 с.
23. Штырбул А. А. Дожить до сентября. Судьба поэта Юрия Сопова: историко-литературное исследование с приложением самого полного собрания произведений Ю. Сопова. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2015. 284 с.
24. Шишкин В. И. «Человеческий документ» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея / Мин-во культуры Ом. обл. ; ОГИК музеей ; науч. ред.: П. П. Вибе, Т. М. Назарцева. Омск, 2006. С. 210–224.
25. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. : Мысль, 1983. 294 с.
26. Лившиц С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семёнов (к истории «семёновского инцидента») // Из истории интервен-

ции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : Наука, 1985. С. 176–184.

27. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-пресс, 2013. 672 с. + вкл. 24 с.

28. Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала в Сибири в начале XX века : моногр. / Юргин. технол. ин-т. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 342 с.

29. Сукин И. И. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. М. : Аграф, 2005. С. 325–510.

30. Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М. : Вече, 2014. 480 с.

31. Пученков А. С. Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 – март 1918 г.): к истории отряда генерала В. Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3 (8). С. 98–111.

32. Шишкин В. И. Командующий Сибирской армией А. Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918–1919) : сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195.

33. Пученков А. С., Сушко А. В., Петин Д. И. «Всем говорите, что мое путешествие очень опасное...»: письма генерала А. Н. Гришина-Алмазова его супруге (осень 1918 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 1058–1073.

34. Каминский В. В., Петин Д. И. Русский артиллерист А. В. Беклемишев на службе в четырех армиях: опыт историко-биографического исследования // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 266–299.

35. Петин Д. И. Генерал-майор А. М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 386–396.

36. Блинова О. В., Петин Д. И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 127–137.

37. Каминский В. В., Петин Д. И. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 274–300.

38. Петин Д. И. Николай Рогозин: офицер-деникинец в условиях советской России // Вестник архивиста. 2017. № 1. С. 114–138.
39. Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 623 с.
40. Конев К. А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.
41. Бучко Н. П. Политическая практика Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2-2. С. 51–55.
42. Вебер М. И. «С болью в сердце вынужден донести Вам о невозможном поведении гг. офицеров»: рапорт начальника милиции Верхотурского уезда Екатеринбургской губернии // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 328–336.
43. Цветков В. Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 294–307.
44. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. 352 с.
45. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. 428 с.
46. Ганин А. В. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны...» // Родина. 2011. № 2. С. 12–27.
47. Шишкин В. И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой» Сибири : тез. второй науч. конф. (4–5 февр. 1997 г.). Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. С. 7–12.
48. Вебер М. И. «Приказ приказом, Колчак Колчаком, а морда мордой»: письмо священника Бориса Серебрякова // Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 187–196.

Омская археология и Гражданская война

И. В. Федотова –

заведующий отделом научного хранения
и изучения музейных фондов

Омского государственного историко-краеведческого музея

***Аннотация.** В статье рассматривается активизация археологических изысканий в годы Гражданской войны в Омске не профессиональными археологами, а любителями древностей других профессий, как местными, так и приезжими. Анализируются также открытие знакового для Западной Сибири объекта археологического наследия – памятника «Омская стоянка» – и некоторые другие малоизвестные сюжеты омской археологии того времени. Показана деятельность некоторых представителей сибирской интеллигенции во время Гражданской войны и в послевоенный период.*

***Ключевые слова:** комплекс памятников «Омская стоянка», Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, Омский государственный историко-краеведческий музей, С. А. Ковлер, П. Л. Драверт, А. В. Попов, интеллигенция в годы Гражданской войны.*

Omsk Archeology and Civil War

I. V. Fedotova –

Head of the Department of Scientific Storage
and Study of Museum Funds

at the Omsk State Museum of History and Regional Studies

***Annotation.** The article discusses the activation of archaeological research during the Civil War in Omsk, not by professional archaeologists, but by amateurs of antiquities of other professions, both local and visiting. The discovery of the archaeological heritage site, a landmark for Western Siberia – the monument “Omsk site” – and some other obscure subjects of Omsk archeology of that time are also analyzed. The activity of some representatives of the Siberian intelligentsia during the Civil War and in the post-war period is shown.*

Keywords: complex of monuments “Omsk site”, West-Siberian department of the Russian Geographical Society, Omsk State Museum of History and Regional Studies, S. A. Kovler, P. L. Dravert, A. V. Popov, intelligentsia during the Civil War.

К столетию открытия Омской стоянки

В 2018 г. исполнилось сто лет со времени начала Гражданской войны в Сибири. В череде юбилейных мероприятий оказалась несколько забыта годовщина другого важного для омичей события – столетие с момента открытия комплекса памятников «Омская стоянка». Это один из самых крупных, знаковых археологических памятников Западной Сибири. Его научная история оказалась довольно непростой: были драматичны первые годы изучения; коллекции из него оказались в разных музеях (в Государственном историческом музее, Омском государственном историко-краеведческом музее (далее – ОГИК музей), музеях археологии и этнографии омских вузов – Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского и Омского государственного педагогического университета). Казалось, что в 1980-е гг. памятник погиб после строительства здания профилактория «Восход». И наконец уже в конце 2000-х гг. археологи «вторично обрели» его. Первым годам изучения Омской стоянки посвящено обстоятельное исследование омского археолога А. В. Жука [1, с. 5–34]. Мы попытаемся вспомнить, как произошло выявление этого объекта археологического наследия, и вписать данный сюжет как в общее полотно омской археологии тех лет, так и в контекст научной жизни Сибири в годы Гражданской войны.

Омскую стоянку открыл в 1918 г. Сергей Александрович Ковлер (1882–1960 гг.) – известный омский врач, член Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗСО РГО) с 1916 г. С. А. Ковлер входил в культурную элиту Омска. В 1918 г. он стал председателем отдела охраны памятников старины Сибири при ЗСО РГО [2, с. 34].

Одним из многочисленных увлечений Сергея Александровича была археология. Как отмечает А. В. Жук, «открытие (Омской стоянки. – *И. Ф.*) состоялось типичным в истории археологических знаний

способом: памятник был частично разрушен, благодаря чему обнажился культурный слой». Сборы на этих обнажениях С. А. Ковлер продолжал, по его словам, вплоть до 1920 г. [1, с. 7]. Часть найденных в окрестностях Омска предметов была передана Сергеем Александровичем в Государственный Западно-Сибирский краевой музей (название ОГИК музея в 1923–1933 гг.) в начале 1920-х гг. Из научного паспорта на коллекции Ковлера, составленного археологом А. И. Петровым в 1979 г., следует, что фрагменты керамики и каменные орудия (ножевидные пластины, скребки) могли быть найдены на Омской стоянке [3, с. 1]. В настоящее время трудно сказать, сохранились ли сборы Ковлера на Омской стоянке в фонде ОГИК музея, и, если да, вычленить их из общего массива коллекций.

Часть коллекций с Омской стоянки была передана С. А. Ковлером в Государственный исторический музей в 1923 г. во время его кратковременной работы в Москве [1, с. 8]. Здесь с ними познакомились выдающийся отечественный археолог Василий Алексеевич Городцов и его ученица, молодой исследователь Варвара Павловна Левашева, заложившая в конце 1920-х гг. основы археологии Среднего Прииртышья [4, с. 123].

Таким образом, началось исследование Омской стоянки. Но пальму первенства в открытии памятника оспаривал другой видный деятель омской науки Петр Людовикович Драверт (1879–1945 гг.) – выпускник естественного отделения физико-математического факультета Императорского Казанского университета [5, с. 7]. Драверт оказался в Омске из-за событий Гражданской войны. В 1917 г. он отправился в длительную экспедицию по Уралу и Сибири; белочешский мятеж не позволил Драверту вернуться в Казань. В Омске он активно включается в научную жизнь, также став членом ЗСО РГО. Позже Петр Людовикович был избран на должность преподавателя по кафедре минералогии и геологии ветеринарного и агрономического факультетов в Омском сельскохозяйственном институте [5, с. 8; 6, с. 227].

Начало работ П. Л. Драверта на Омской стоянке относится уже к послевоенному времени – к 1923 г. [4, с. 119]. Он обследовал «найденную им на левом берегу Иртыша, близ г. Омска, донную стоянку и собрал здесь большую коллекцию фрагментов глиняной посуды “чуждого” типа, каменных орудий и костей» [7, с. 123]. Собранные артефакты ныне хранятся в ОГИК музее и Музее археологии

и этнографии Омского государственного педагогического университета [8, с. 108]. Современные ученые постепенно склоняются к мнению, что С. А. Ковлер и П. Л. Драверт открыли Омскую стоянку независимо друг от друга и вели сборы в разных местах растянутого вдоль Иртыша на сотни метров памятника [2, с. 97].

Открытие Омской стоянки произошло во время Гражданской войны [9, с. 364] – своеобразного пика омской истории. То, что Омск превратился в белую столицу России, имело различные последствия для города, и в том числе стало причиной оживления культурной и научной жизни. В Омск стекались бежавшие из красной России артисты, писатели, ученые. Так в городе оказались и научные кадры, связанные с археологической деятельностью. Но эта ситуация была характерной не только для Омска. Видный российский исследователь Л. Ю. Китова отмечает, что «временное затишье в археологических исследованиях Сибири в период Первой мировой войны сменилось в 1919 г. их подъемом. На первый взгляд кажется невероятным возрастание интереса к археологии и формирование центров изучения археологических памятников в Сибири в годы Гражданской войны, но историческая ситуация в России сложилась именно так, что часть исследователей после Октября 1917 г. переехала в Сибирь. Для большинства ученых причиной отъезда в Сибирь явилось простое желание выжить. Здесь они хотели переждать репрессии, так как в Сибири, несмотря на повсеместные голод и болезни, до 1921 г. было прожить немного легче, чем в столицах. Гражданская война, несмотря на весь трагизм происходящих событий, ускорила процесс формирования новых археологических центров в Сибири» [10, с. 85]. Правда, если сравнивать Омск с другими городами Сибири, то здесь не оказалось исследователей масштаба Н. К. Ауэрбаха, Г. П. Сосновского, Г. К. фон Мергарта (как в Красноярске), С. А. Теплоухова и С. А. Руденко (как в Томске) [10, с. 85; 11, с. 166–173]. Интересно отметить, что Н. К. Ауэрбах приехал в Красноярск из Минска в 1918 г., когда тот оказался перед угрозой взятия неприятелем; Г. П. Сосновский появился в Красноярске, скрываясь от белогвардейских карательных отрядов; австрийский ученый Г. К. фон Мергарт оказался в Сибири как военнопленный австро-венгерской армии; С. А. Теплоухов по решению белогвардейского правительства А. В. Колчака вместе с другими преподавателями и студентами был отправлен в Томский университет из Перми [10, с. 85; 11,

с. 166–173]. Таким образом, на судьбу многих археологов, связавших свою жизнь (или какую-то ее часть) с Сибирью, повлияли события Первой мировой войны, революции и Гражданской войны.

Если анализировать события, произошедшие в 1919 г. в омской археологии, то необходимо вспомнить «омский» период жизни Александра Владимировича Попова – врача (эпидемиолога и прозектора), специалиста по истории, этнографии и археологии Оренбургского края. Родился Александр Владимирович в 1867 г. А вот годом его смерти до недавнего времени считали 1918 г. (на самом деле в этот год он покинул Оренбуржье) [12]. Т. А. Набокина приводит другой год смерти Александра Владимировича – 1923 [13, с. 129]. По недавно выявленным из иркутских архивов данным, А. В. Попов скончался 5 декабря 1937 г. [12]. Он был выпускником медицинского факультета Казанского университета. Таким образом, история и краеведение являлись его увлечениями, но на вполне профессиональном уровне. С 1890-х гг. Александр Владимирович вел раскопки курганов на территории Оренбургской губернии, Уральской и Тургайской областей. С 1903 до 1918 г. он бесценно возглавлял Ученую архивную комиссию. А. В. Попов старался улучшить материальное положение членов комиссии, а также расширить ее состав. Он был участником 1-го съезда представителей губернских архивных комиссий России, прошедшего в 1914 г. Кроме того, в 1905 г. им был разработан проект Правил об охране памятников древности [12; 13, с. 129]. Стоит сказать, что в тяжелые годы революции и Гражданской войны Попов спас от уничтожения архивы Оренбуржья. Благодаря ему были сохранены библиотека Оренбургской духовной семинарии, музейные экспонаты, десятки тысяч ценнейших архивных документов [14, с. 87–89]. Подобный гражданский подвиг совершили и омичи – ученые, бывшие во главе ЗСО РГО в 1919 г., – Н. Н. Козьмин, П. Ю. Арнд и А. А. Пахотин. Они бойкотировали приказ об эвакуации музея и библиотеки на восток при отступлении белых и тем самым спасли коллекции музея при ЗСО РГО от разграбления и утраты [15, с. 74; 16, с. 131].

А. В. Попов позже писал: «...революция застала меня в должности временного врача Ташкентской железной дороги. <...> Я оставил службу (осенью 1918 г. – *И. Ф.*) на железной дороге и, следуя общему настроению, уехал с семьей в Троицк, откуда весной 1919 года направился в Сибирь, в Омск, так как мне казалось, что сюда

не докатится тяжкая волна Гражданской войны. В Омске я нашел службу в Министерстве путей сообщения по врачебной части, а затем при падении Колчака был эвакуирован в Иркутск» [12].

В Омске 4 апреля 1919 г. его избрали в члены ЗСО РГО и поручили провести раскопки памятников археологии близ Омска. Вероятно, он исследовал курганную группу у с. Новотроицкое и археологические объекты под станицею Захламенской. Некоторые предметы из фонда археологии Омского государственного историко-краеведческого музея могут происходить из материалов раскопок А. В. Попова [17, с. 222]. А. В. Жук приводит любопытные сведения, что местные крестьяне запомнили эти раскопки как раскопки «чешского отряда армии Колчака». Омский период деятельности А. В. Попова завершается его отъездом в Иркутск, где он продолжил свои археологические изыскания [18, с. 11]. Работы А. В. Попова также стали определенной вехой в омской научной жизни.

Таким образом, в Омске в 1918–1919 гг. наблюдался всплеск интереса к археологии. Но уникальность города в этом плане следует считать одной из мифологем омской истории того времени, исследование которых уже началось [19, с. 11; 20, с. 5–6]. На самом деле эта ситуация является характерной не только для Омска, оживление научной работы – особенность многих крупных городов Сибири того времени. Отличительная черта Омска заключается в том, что здесь изыскания проводили местные и приезжие ученые. Но они не являлись историками, археологами по профессии, хотя имели археологические познания, навыки работы с памятниками. Тем не менее их старания заложили базу для последующих работ археологов-профессионалов.

Список источников и литературы

1. Жук А. В. Омская стоянка: открытия, первые коллекции и первые впечатления // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск : Изд. дом «Наука», 2013. С. 5–34.

2. Конигов Б. А. Археологический комплекс «Омская стоянка»: в поисках тысячелетий (научно-популярные очерки) / под ред. к. и. н. Г. Г. Гурьяновой. Омск : Золотой тираж, 2014. 204 с.

3. Петров А. И. Научный паспорт на археологическую коллекцию ОМК-4489 [Рукопись] // Архив фонда археологии ОГИК музея. Омск, 1979. 2 с.

4. Конигов Б. А. Археология Омска : иллюстрир. энцикл. / [авт.-сост. Б. А. Конигов ; науч. ред. А. В. Жук]. Омск, 2016. 407 с.
5. Артемьева О. Н. Поэт сибирской науки // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1999. № 7. С. 7–10.
6. Дербуш О. Н. Собрание артефактов периода Гражданской войны в фонде текстиля Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2018. № 21. С. 225–229.
7. Семенов В. Ф. Хроника краеведения // Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1924. Т. IV. Вып. 1. С. 117–127.
8. Конигов Б. А. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 107–120.
9. Федотова И. В. Омская археология в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25–26 окт. 2017 г.) / М-во культуры Ом. обл. ; БУИСА ; М-во образования и науки Рос. Федерации ; ОмГТУ ; [редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) и др.]. Омск : Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 364–368.
10. Китова Л. Ю. Формирование в Красноярске центра изучения археологических памятников Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Т. 2. № 4. С. 85–93.
11. Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. 2010. № 2. С. 166–173.
12. Судоргина Т. В. Гражданский подвиг Александра Попова. URL: <https://orenlit56.ru/index.php/d-2/item/134-grazhdanskij-podvig-aleksandra-popova>
13. Набокина Т. А. Организационная структура и полномочия членов уральских губернских ученых архивных комиссий // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 126–131.
14. Тугай Т. И. Председатель Оренбургской ученой архивной комиссии А. В. Попов в 1917–1918 гг. // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования : сб. работ науч.-исслед. краевед. лаб. ОГПУ / М-во образования и науки Рос. Федерации ; Федер. агентство по образованию ; ГОУ ВПО ОГПУ. Оренбург : ОГПУ, 2008. Вып. 4. С. 87–89.

15. Мартынова Л. С. История комплектования коллекций краеведческого музея (краткий очерк) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 65–80.

16. Блинова О. В., Петин Д. И. Генерал-майор Никифор Демьянович Павлов (1867–1929 гг.): штрихи к историческому портрету // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 127–137. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.2.127-137.

17. Федотова И. В. Археологические коллекции с территории Омска в фондах ОГИК музея: краткий обзор // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2016. № 20. С. 221–229.

18. Жук А. В. История археологического изучения в Омской области в ее нынешних границах до начала 1960-х гг. // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. Вып. 4. С. 4–18.

19. Петин Д. И., Стельмак М. М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15.

20. Пученков А. С. Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы... // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–9. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-4-5-9.

«Есть у Революции начало, нет у Революции конца». Когда закончилась Гражданская война в России?

К. В. Черепанов –

доцент кафедры всеобщей истории

Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского,
кандидат исторических наук

Аннотация. Автор публикации анализирует феномен массовых репрессий в истории мировых революций, обосновывает закономерность острого гражданского противостояния в гражданских

войнах, сопровождавших революции. Приведены примеры революционного террора в развитых странах Запада (Англия и Франция), России и Китая. Сделаны выводы о схожести природы революционного террора и о закономерности его проявления.

Ключевые слова: революция, террор, большевики, гражданская война, репрессии, КПСС, Коммунистическая партия Китая, политические кампании, социализм, капитализм, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Мао Цзэдун.

“The Revolution Has a Beginning, There Is No End to the Revolution”. When Did the Civil War in Russia End?

K. V. Cherepanov –

Docent of the Department of General History
at the Dostoevsky Omsk State University,
Candidate of Historical Sciences

***Annotation.** The author of the publication analyzes the phenomenon of mass repression in the history of world revolutions, justifies the pattern of acute civil confrontation in Civil Wars that accompanied the revolution. Examples of revolutionary terror in the developed countries of the West (England and France), Russia and China are given. Conclusions are drawn about the similarity of the nature of the revolutionary terror and the pattern of its manifestation.*

***Keywords:** revolution, terror, Bolsheviks, Civil War, repressions, CPSU, Chinese Communist Party, political campaigns, socialism, capitalism, V. I. Lenin, I. V. Stalin, Mao Zedong.*

В настоящее время с сожалением приходится констатировать практическое забвение темы массовых репрессий в советской России. В устоявшихся в сознании советских людей формулировках, навязанных еще со школьной скамьи, пик террора и беззакония со стороны большевиков в отношении собственного населения пришелся

на 1937–1938 гг. Однако так называемый большой террор затмил куда более страшные страницы отечественной истории, известные как Гражданская война. Практически вымерло поколение людей, затронутых этими драматическими событиями, а значит, исчез сам субъект переживаний и осмысления, проявлявший наибольшую активность в сохранении памяти об этой трагедии миллионов и миллионов людей. В прошлом году мы отмечали еще и 100-летие Великой русской революции, крутым образом изменившей ход развития отечественной истории, и это исключительный научный повод для того, чтобы вновь вернуться к теме насилия, террора и репрессий. Опыт русской революции подтверждает в очередной раз и без того известную человечеству истину о том, что всякого рода революционные потрясения не приносят, по крайней мере «поколению революции», ничего, кроме хаоса, разрушения, войн и смертей. Огромного количества людских смертей, которое зашкаливает по сравнению с предыдущими относительно благополучными периодами.

Сегодня не хотелось бы иллюстрировать и подтверждать личные мысли и оценки демонстрацией позиций специалистов и мыслителей по теории и практике революции, достаточно сослаться на точку зрения авторов прежде всего охранительно-консервативного направления, коих немало и в нашем отечестве, и за его пределами, а хотелось бы обратить внимание на закономерность террористической фазы любой революции, будь она в эпоху становления капиталистических отношений XVII–XVIII вв. либо в индустриальную эпоху XX в. Есть, очевидно, какая-то порочность во всех этих однотипных революциях как таковых, и она связана, прежде всего, с нарушением основных законов, норм, традиций и обычаев. Это не столько вызов властям и ответ на вызов времени, сколько попытка негодными средствами в максимально короткий период времени реализовать утопию. «Ниспровергательство» – позволим себе такой термин – лежит в основе практики революционеров. «Старый режим», «прежний порядок» превращаются в жупел – пугало для революционных масс и обывателей, насильно вовлекаемых в революционный круговорот.

Демонизация прежних порядков является непременным атрибутом любой революции, в какой бы стране или эпохе она ни происходила. И предание анафеме всего прошлого, отвергаемого непременно ставит миллионы людей перед выбором, не всегда осознанным,

но всегда жизненно важным. Часто за них этот выбор делают другие, те, кто считает, что имеют на это право – революционеры, но чаще всего всякая примазавшаяся к ним негодная сволочь (употребляем это слово исключительно в его первоначальном контексте). В конце концов и революционеры перестают что-либо решать.

Выяснение причин революции является отдельной темой для дискуссии и научного изыскания, нас же сейчас интересует феномен массовых репрессий, неразрывно связанный с любой революцией. Именно незаконность действий революционеров, очевидный разрыв с традициями и зачастую с нормами морали и нравственностью порождают массовое сопротивление со стороны «старого режима», «врагов народа» и простых «обывателей». Сопротивление не только массовое, но и, как правило, яростное, исступленное, ибо речь идет в таком случае не просто об эстетических предпочтениях, символике и атрибутике, а об основах, принципах, качестве жизни, да и вообще часто о самой жизни как таковой.

Вопрос о том, кто является инициатором террора, на наш взгляд, так же правомерен, как и вопрос о том, что первичнее – яйцо или курица? Террор не в ответ на террор, а в ответ на сопротивление со стороны одураченного, но не сломленного народа. Чем больше рычагов управления и инструментов реальной власти в руках у революционеров, тем больше шансов, что они сохранят и себя, и свой режим, прибегая, естественно, к террору и устрашению. Достаточно желательным, впрочем, не всегда необходимым является наличие некоего общего для всей нации внешнего врага, сплывающего народ и не позволяющего раньше времени задумываться о сути происходящего с родиной. При всем при этом имеется глубокая связь революций и войн, порождающих друг друга и зависящих друг от друга. Связь эта не на тактическом, оперативном уровне, а на уровне онтологии, бытия. Именно во время войн жизнь человека перестает восприниматься как ценность, стоимость жизни нивелируется многократно и вообще перестает что-либо значить. Ленинский лозунг «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» в этом смысле еще стоит переосмыслить и переоценить [1, с. 36–42].

Самый массовый виток репрессий приходится именно на первые годы существования революционного режима. Какой бы мирной и бескровной ни была сама политическая революция

(переворот), за ней неминуемо следуют массовые расправы и казни, воспринимаемые обычно как гражданская война. Неизбежность войны сама по себе не вызывает сомнения, но вот возлагание ответственности за ее возникновение именно на контрреволюцию требует внимательного анализа. Еще раз повторяем: сопротивление со стороны населения неизбежно, причем в самых разных решительных и экстремальных способах. Оно невозможно, по всей видимости, только там, где все умерло или издыхает, общества же, находящиеся на подъеме своего развития, яростно сопротивляются всяким нежизнеспособным попыткам их изменить и тем более просто сломать. Гражданская война позволяет революционерам открыто, на поле боя, а чаще при сопутствующих обстоятельствах уничтожать своих врагов, количество и качество которых здесь не подвергается анализу. Чем больше врагов истребили, тем лучше для революции, для «нового режима». Опять-таки большая часть истребленных в ходе гражданской войны людей гибнет не на полях сражений, а во всякого рода экзекуционных мероприятиях революционной власти, прикрывающей свой террор соответствующими обстоятельствами.

Для лишней иллюстрации теоретических выкладок хотелось бы сослаться на убеждения стойкого и непреклонного борца с революционерами всякого рода, каковым являлся такой замечательный персонаж отечественной да и всемирной истории, как Р. Ф. фон Унгерн-Штернберг. Вот что он писал 16 февраля 1921 г. военному губернатору Хэйлуцзянской провинции генералу Чжан Кунью: «Многие китайцы винят меня в пролитии китайской крови, но я полагаю, что честный воин обязан уничтожать революционеров, к какой бы нации они ни принадлежали, ибо они не что иное, как нечистые духи в человеческом образе, заставляющие первым делом уничтожать царей, а потом идти брат на брата, сын на отца, внося в жизнь человеческую одно зло». Для него на самом деле не было особой разницы между российскими большевиками и китайскими «большевиками», которые уже давно свергли своего законного государя с престола, продолжали пребывать в состоянии республиканской вольницы и анархии сами и мешали другим народам (монголам и маньчжурам, в частности) жить правильно, по совести и заведенным издавна обычаям. Причем Унгерн ненавидел и нещадно уничтожал не китайцев как таковых, а все зло земли в их лице – революционеров,

ниспровергателей своих законных, богом определенных правителей. В проекте письма председателя Совета министров Монголии киргизам, составленном рукой барона, содержится очень яркая и точная, на наш взгляд, характеристика этих самых революционеров, а также всего того, что связано с ними и их деятельностью: «У этих злых людей два лица – одно улыбающееся, с хитрыми устами, говорящими о счастье народов; другое мрачное и злобное, грозящее народам разорением, бесконечным кровопролитием, гибелью и смертью. Эти люди с двумя лицами с лживой кротостью ягненка и с хищной злобностью голодного бешеного волка на ваших глазах разрушили Российскую Империю, превратили Китай в место кровавой бойни, безысходного голода и черной смерти. <...> Мы видели, что за революционерами – этими коварными, как ядовитые змеи, злыми людьми идут к нам неверие нищета, преступления – и справедливо, хотя и сурово карающий Божий гнев» [2, с. 162].

Здесь ни убавить, ни прибавить. Что ни слово, то в точку. Картина, от которой мурашки ползут по спине, причем очень близкая к действительности. Еще одно, с нашей точки зрения, немаловажное наблюдение. Практически всегда победителем в такой войне становится не правая сторона, а более решительная, более энергичная именно в вопросе убийства своих противников. Нечеловеческая жестокость в таких конфликтах не редкость, и, как правило, все стороны подобным запятнаны, но именно революционеры жестоки как никто, и для них жестокость, антигуманизм не исключение, а повседневная практика, норма. Тот же Унгерн прославился именно своей запредельной жестокостью в борьбе с китайскими и российскими революционерами и добился при крайней микроскопичности своих ресурсов многого, гораздо большего, чем иные белые генералы-человеколюбцы.

Кстати, внешняя угроза, в какой бы форме она ни существовала, является не самым худшим заместителем гражданской войны в этом смысле. Именно там, где выявлялся внешний враг, внутривнутриполитическое противостояние не принимало столь разрушительного, катастрофического для нации характера. Наличие внешнего противника часто воспринималось творцами нового режима как манна небесная и чудесное средство спасения. Так было, например, в Иране, где только чудовищное по масштабу вторжение полчищ иракского диктатора Саддама Хусейна спасло страну от кровавой гражданской

войны, сохранив лишь ее эпизодические элементы. В иных случаях, как в Англии или Франции, вовремя начатые завоевательные, грабительские походы не только спасали страны от внутренних конфликтов, но и лишали революционные армии протестного материала и содержания, выхолащивая их, превращая в армии профессиональных убийц и мародеров.

Послереволюционный террор – это закономерность, а не случайный эпизод в длинной цепи послереволюционных мероприятий. И террор этот почти всегда носит характер продуманной, долговременной кампании.

Особое место в череде революций, конечно, занимает русская. Россия и здесь показала миру урок, как не нужно делать, урок такой страшный, что Европа отшатнулась в ужасе. Революционный террор Гражданской войны дополнился террором против крестьян-«единоличников» в эпоху «великого перелома» и закономерно вывел советское общество к «зияющим высотам» большого террора 1937–1938 гг.

Есть ли смысл ставить точку в непрерывном процессе репрессий, начавшихся после октября 1917 г. и, подобно приливной волне, обрушивавшихся раз за разом на головы населения большевистской России вплоть до конца 1930-х гг.? Ведь самыми страшными моментами для большевистского режима стали не разрозненные и малоскоординированные действия белых генералов, а Кронштадтский мятеж и крестьянские восстания в рамках так называемой малой гражданской войны 1921 г. Именно последние, как мы знаем, заставили большевиков на время отступить от немедленной реализации своих утопических намерений и перейти к нэпу. Провалы же всякого рода попыток совместить власть большевиков со свободной экономической деятельностью в период этого самого нэпа неизбежно заставляли новых «хозяев» России идти по пути ликвидации последних островков свободы. Ленинский вопрос «кто кого?» отнюдь не потерял свою актуальность к концу не только 1920-х, но и 1930-х гг.

Вслед за индустриализацией и коллективизацией, добившими российское крестьянство, на повестку дня вышла задача культурной революции, итогом которой должно было стать появление человека новой формации, свободного от всех предрассудков и суеверий прежней эпохи. А главным «предрассудком» являлось желание жить богато и комфортно, быть хозяином самому себе. Именно такое по-

нимание культурной революции и объясняет во многом смысл и суть внутривластных процессов конца 1930-х гг., напрямую связывает их с периодом Гражданской войны. Большой террор тогда приобретает осмысленный, масштабный, стратегический и концептуальный характер. Снижение показателей по террору в бериевский период не являлось следствием отказа от самой концепции массового террора. Террор этот приобретал лишь очертания «нормальности» и регулярности. Возможно, лишь нападение Гитлера на СССР в июне 1941 г. и начавшаяся Великая Отечественная война предотвратила новую вспышку репрессий, о чем свидетельствует, в частности, оживление карательных, репрессивных мероприятий конца 1940-х гг., так и не стихавших вплоть до смерти И. В. Сталина.

Для понимания истинных причин террора конца 1930-х гг. полезно обратиться и к сталинской теории обострения классовой борьбы в ходе социалистического строительства. На июльском Пленуме 1928 г., реагируя на слова Г. И. Петровского о второстепенности классовой борьбы в период нэпа, Сталин заявил, что «по мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» [3, с. 171]. Сталин и далее неоднократно возвращался к этому тезису, в частности, на февральско-мартовском Пленуме 1937 г., обосновывая необходимость очищения партии от антипартийных элементов, причем в разряд последних попал критик сталинской концепции обострения классовой борьбы, бывший когда-то, по словам В. И. Ленина, «любимцем партии» Н. И. Бухарин.

Конечно же, теория обострения классовой борьбы была необходима партийно-государственному руководству страны для того, чтобы держать одуроченный и изнасилованный народ в повиновении, чтобы принудить его к изнурительному и малооплачиваемому труду, но имелся и важный концептуальный мотив, фактически высмеянный и дезавуированный Н. С. Хрущевым в его знаменитом выступлении на XX съезде КПСС. Постоянное возвращение И. В. Сталина к вопросам классовой борьбы свидетельствует, на наш взгляд, о правильном понимании им ситуации и сути вопроса. Социалистическое государство в тех формах и основаниях, которые были определены в 1917 г. не могло существовать не вызывая отторжения и сопротивления со стороны самых различных слоев населения, в том числе рано или поздно и партийно-государственной номенклатуры.

Кстати, и не Сталин, а еще создатель Советского государства Ленин впервые обосновал необходимость постоянной борьбы с врагами революции и классовыми врагами [4, с. 244]. Сталин в данном случае лишь подтверждал с минимальным развитием этот тезис. И при таких обстоятельствах Гражданская война или, по крайней мере, ее элементы в виде классовой борьбы не закончились бы никогда.

Дальше Ленина и Сталина, обосновывая необходимость и закономерность террора и репрессий, пошел руководитель Коммунистической партии Китая (далее – КПК) Мао Цзэдун. Еще с юных лет, будучи вовлеченным в политическую жизнь страны, Мао определял революцию прежде всего как насилие, открытую диктатуру одного класса над другим. В отличие от Ленина и даже Сталина Мао Цзэдун, что называется, сам творил революцию: создавал крестьянскую армию, захватывал села и города, убивал помещиков, кулаков и других «эксплуататоров». На его личном счету десятки убитых «классовых врагов», в том числе женщины, дети и старики. Мао и раньше всегда был решительно настроен в вопросе борьбы с «классовыми противниками», но, возглавив Китайское государство после победы в гражданской войне, у него появились необычайно широкие возможности. Идя по пути своих «старших северных товарищей», председатель КПК последовательно вел борьбу с самыми разными проявлениями антипартийной и антисоциалистической деятельности. Провал планов быстрого, скачкообразного построения коммунизма в Китае в 1958–1959 гг. поставил перед правящей коммунистической партией задачи длительного социалистического строительства, и вот тут-то Мао Цзэдун развернулся в полной мере. Выдвинутая им на X пленуме КПК (сентябрь 1962 г.) теория волнообразного развития классовой борьбы в течение всего периода перехода от капитализма к полному коммунизму лишь на первый взгляд казалась повторением ленинско-сталинской концепции. Поскольку построение коммунизма относилось теперь к области очень отдаленного будущего, то и классовая борьба никуда не исчезала, более того, не просто разово обострялась, как в сталинской концепции, а, подобно волне, вызывала очередные кризисы в социалистическом государстве, в ходе которых компартия, опирающаяся на диктатуру трудящихся, должна была раз за разом решать вопрос «кто кого» и последовательно уничтожать антисоциалистические элементы [5, с. 110].

Теория волнообразного развития классовой борьбы должна была не только обосновать новый раунд внутривластной борьбы против «разложившейся» партийно-государственной номенклатуры – так называемых каппутистов, но и заложить основу новой политической практике культурной революции, сформировать основные методы и средства борьбы с «классовыми врагами» и «перерожденцами». Культурная революция стала не только лозунгом, но и смыслом и сутью очередного обострения классового противостояния, потребовавшего чрезмерных, экстраординарных мер по «спасению социализма» в Китае и предотвращению «реставрации капитализма». Очередная политическая кампания, развернутая по инициативе председателя КПК во второй половине 1960-х гг., должна была искоренить врагов и в ходе этого активного, массового истребления воспитать поколение борцов, революционеров «со школьной скамьи», не подверженных далее никакой идеологической заразе. Мао, как и Сталин в 1937–1938 гг., делал ставку на молодежь, поколение, появившееся уже в социалистической реальности и ничего иного, кроме власти коммунистов, не знавшее.

Борьба с каппутистами превратилась в вакханалию террора, страха, репрессий и насилия, унеся жизни и здоровье десятков миллионов людей, и оказалась куда более массовой и радикальной формой чистки, чем сталинские мероприятия, но и она не смогла, как мы знаем, предотвратить «реставрацию капитализма» в Китае. Поколение культурной революции не только не смогло предотвратить масштабные социально-экономические преобразования в Китае, но и само превратилось в аутсайдеров, неудачников, оставшихся на обочине магистрального развития страны. Попытки Мао Цзэдуна и руководимой им партии китайских коммунистов изменить саму сущность человека, заставить его отказаться от базисных человеческих потребностей и удовольствий потерпели крах, лишней раз доказывая вслед за сталинским Советским Союзом утопичность и временность подобного рода конструкций.

Список источников и литературы

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1967. Т. 26: Июль 1914 – август 1915.
2. Барон Унгерн в документах и мемуарах. М., 2004.

3. Сталин И. В. Сочинения : в 13 т. М. : ОГИЗ : Гос. изд-во полит. лит., 1953. Т. 11: 1928 – март 1929.

4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969. Т. 38: Март–июнь 1919.

5. Ли Чжисуй. Мао Цзедун. Записки личного врача : в 2 кн. Минск : Смоленск : ИнтерДайджест : Эхо, 1996. Кн. 2.

Белогвардейская литература о государственном перевороте в Омске 18 ноября 1918 года

Г. А. Шахтарин –

старший хранитель фондов Национального исследовательского Томского государственного университета

***Аннотация.** В статье анализируется, как в белогвардейской литературе рассматривались события государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 г. Используется большое количество мемуаров, статей, дневников антисоветских авторов, повествующих о причинах и ходе колчаковского переворота.*

***Ключевые слова:** Гражданская война, Белое движение, военная диктатура, государственный переворот, 1918 год, Омск, А. В. Колчак.*

The White Guard Literature on the Coup of November, 18 1918 in Omsk

G. A. Shakhtarin –

Senior Curator of the Funds

at the National Research Tomsk State University

***Annotation.** The article analyzes how the events of the coup in Omsk on November 18, 1918 were considered in the white guard literature. A large number of memoirs, articles, diaries of anti-Soviet authors about the causes and the course of The Kolchak coup are used.*

Keywords: Civil War, White movement, military dictatorship, coup d'etat, 1918, Omsk, A. V. Kolchak.

Прошло сто лет после трагических событий Гражданской войны в России, но страстные споры о различных аспектах этой войны и конкретных ее сюжетах, начавшиеся еще в те далекие годы, продолжают и сегодня. Не стало исключением из этого ряда и обсуждение одного из поворотных моментов Гражданской войны – государственного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего на вершину всероссийской власти адмирала А. В. Колчака. Рассмотрим, как этот вопрос освещался в трудах деятелей антисоветского фронта.

Сохранилось большое количество источников по этой теме: мемуары, дневниковые записи, статьи в периодической печати, рецензии на книги белогвардейских авторов и предисловия к ним, которые также писались участниками тех событий. В основном эта литература публиковалась в первое десятилетие после окончания Гражданской войны, а некоторые статьи – и во время этих событий. Выходили работы как в советской печати – в Москве, Ленинграде, Екатеринбурге, Новосибирске, Иркутске, так и за границей – в Париже, Берлине, Риге, Харбине, Пекине и в других городах, где пребывали в те времена русские эмигранты – бывшие участники этих событий. Авторы данных публикаций, в зависимости от своих политических взглядов и степени участия в указанных событиях, освещали их по-разному. Можно выделить три группы авторов. В первую входят крайне правые – приверженцы диктатуры, внесшие вклад в ее утверждение в Сибири. Ко второй относятся бывшие члены Директории и поддерживавшие ее политические деятели. В третью входят представители левых сил антибольшевистского фронта, в основном эсеры.

Представителей правого, монархического крыла отличала ярая неприязнь ко всем левым течениям и партиям, что, естественно, переросло в ненависть к организованной в Уфе Всероссийской Директории. Так, например, генерал Будберг, характеризуя Директорию, заявлял, что «из смеси эсеров, думских пустобрехов и, естественно, настроенных очень реакционно офицерских организаций ничего, кроме взрыва и вони, не выйдет, из таких продуктов даже

самый первоклассный специалист по соглашательству ничего не сварит» [1, с. 439]. Об этом же писал и лейтенант NN, отмечая, что роль Директории была «какая-то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нее не было, деловитости тоже». И тут же он высказывал симпатии Сибирскому правительству: «Слишком разно представляют себе решение вопросов деловые сибиряки и искусные в программах члены Учредительного собрания» [2, с. 368–369]. Далее в записках неизвестного лейтенанта описывается, как силы реакции оказывали давление на Директорию во время формирования ее делового кабинета, благодаря чему им удалось создать кабинет с «крайне правой физиономией». Попытка включить в кабинет на должность начальника полиции эсера Роговского вызвала бурю негодования. Против этого выступил и вновь избранный военный министр адмирал Колчак. Он заявил, что «Роговский как член партийного комитета не должен занимать этой должности, ибо вооруженная сила, которой является полиция, должна быть в нейтральных руках» [2, с. 369]. Реакционеры обвиняли членов Директории в нежелании прекратить сношение с руководством партии эсеров и подчеркивали, что эти действия вынудили «истинных патриотов» к свершению переворота. «В то время, когда война с красными еще не была окончена, среди антибольшевистского лагеря создалось расслоение. И на это Директория не только не реагировала, но и продолжала сноситься с Екатеринбургом и давать отчет в своей деятельности центральному комитету партии эсеров. Тогда самым лояльным элементам казалось, что дальше идти некуда», – писал лейтенант NN. Такую же точку зрения мы можем найти и у генерала Флуга, который обвинял эсеров – членов Директории в том, что «они оказались на самом деле не в силах стать в положение, независимое от влияния своей партии и осколков Учредительного собрания». Флуг также обвинял их в том, что они вели агитацию с целью разложить армию и что «агитация в войсках производилась не без ведома господ Авксентьева и Зензинова» [3, с. 280].

Несколько с иных позиций смотрели на эту проблему представители более умеренного крыла правых: член Директории генерал В. Г. Болдырев, сотрудничавший с ним генерал К. Гоппер и бывший руководитель Уральского правительства кадет Л. М. Кроль. По некоторым вопросам их мнения сходились с мнениями эсеров, а нередко вы-

сказывания Болдырева не отличались от высказываний монархистов. Так, генерал заявлял, что он готов был арестовать весь эсеровский ЦК во главе с Черновым. Что касалось эсеров – членов Директории, то о них генерал отзывался весьма лестно, считая, например, Зензинова честным человеком, который лично ему был симпатичен, но, даже заявляя это, Болдырев не мог представить его вне партии, замечая, что ему он всегда представлялся пишущим передовицы для партийных газет [4, с. 69]. Из приведенного в книге Болдырева материала можно увидеть, в каком жалком положении оказалась в Омске уфимская Директория. «В городе брожение умов. Растет, несомненно, большая опасность справа от офицерства, которое опутывает цепкой паутиной прежнего монархизма... Явный саботаж и организация против Верховного правительства, слухи о переворотах в чисто мексиканском стиле» [4, с. 69, 76]. Болдырев в своем дневнике (а книга его была издана в виде публикации дневниковых записей) указывал даже на конкретных лиц, которых не без основания называли руководителями готовившегося переворота. Но генерал не предпринимал против них никаких мер. Именно на это жаловались в своих воспоминаниях эсеры, подчеркивая, что для борьбы с реакцией у них не было большинства в правительстве, так как Болдырев очень часто переходил на сторону реакционеров. Это можно объяснить тем, что генерал сам стремился к прочной единоличной власти. В своей книге он признавался, что имел тесные связи с английским генералом Ноксом, характеризуя его как человека, который «ненавидел социалистов, считая, что крепкой военной диктатуры совершенно достаточно, чтобы справиться с кучкой бунтарей. Нокс упрямо и настойчиво искал подходящего для этой роли генерала» [4, с. 79]. И Болдырев вскользь заметил, что одним из этих генералов был он сам. Он приводил слова генерала Степанова о том, что союзники решили поддержать русского генерала, которому доверяли. Этому генералу была бы дана и финансовая, и людская помощь. «Степанов дал понять, кто этот генерал. Это было первым серьезным искушением. Я отнесся к нему спокойно», – отметил Болдырев [4, с. 82]. Конечно, спокойно отнестись к такому искушению генерал вряд ли мог. То, что он не стал диктатором, было скорее всего связано с его принадлежностью к не популярной среди реакционеров Директории. Не надо забывать и то, что Колчак появился в Сибири вместе с генералом Ноксом, приехав с ним в одном вагоне.

Да и не только союзники искали диктатора. Кандидатура Колчака была поддержана сибирскими кадетами во главе с В. Н. Пепеляевым. О том, что кадеты являлись активными организаторами переворота, убедительно писал Л. М. Кроль. Он приводил высказывания одного из лидеров омских кадетов, крайнего апологета сильной власти Жардецкого, который открыто заявлял: «Наши делегаты в Уфе – партийные предатели и изменники. Они дали Директорию абсолютно не приемлемую. Эсеры – члены Директории сносятся со своим ЦК в Екатеринбурге... Директорию блок решил известить, и он ее изведет». Жардецкий привел 29 условий, которые кадеты должны были поставить Директории [5, с. 152]. Кроль обращал внимание, что такую же позицию заняли кадеты Екатеринбурга, ведь неслучайно кадетскую партию стали считать партией государственного переворота. Опираясь на обширный материал, Кроль подчеркивал, что «заговор был поставлен широко и создан не в один день. Директории дали проделывать то, что без нее создать нельзя было». Она упразднила областные правительства, распустила Временную Сибирскую областную думу, что не под силу было Сибирскому правительству, а также создала Совет Министров, в котором из 14 человек 10 было из состава прежнего Сибирского правительства, а во главе его остался Вологодский. «И вот теперь, когда мавр сделал свое дело, он мог уходить», – писал Кроль [5, с. 159]. В этой связи интересны размышления о роли торгово-промышленных кругов Сибири в подготовке переворота, присутствующие на страницах книги эсера Ракитникова. Он анализировал работу съезда промышленников в Омске летом 1918 г., делегаты которого стояли на позициях бойкота Думы и за временную диктатуру сильного безответственного правительства. Также Ракитников упоминал и о роли членов кабинета министров в подготовке переворота: «Министры будто бы не знали о заговоре, они не знают даже места пребывания арестованных членов Директории. Однако кто-то из них был настолько предупредительным, что принес на заседание готовый проект положения о временном государственном устройстве России» [6, с. 8, 20].

По-иному относились к данным событиям эсеровские лидеры. Их оценка переворота 18 ноября 1918 г. различалась в зависимости от того, какую роль играли они во время этих событий. Явно преувеличивали роль Директории ее бывшие члены: Н. Д. Авксентьев,

В. М. Зензинов, А. Аргунов. Критически к деятельности Директории относились эсеровские лидеры: Н. В. Святитский, Л. Утгоф, Н. И. Ракитников, Д. Ф. Раков, Е. Е. Колосов и другие. Особо стояло мнение бывшего меньшевика, министра труда в правительстве Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, а в будущем – народного комиссара иностранных дел советского правительства И. М. Майского. Оценивая деятельность эсеровских членов Директории, Майский подчеркивал, что они очень тесно сотрудничали с яркими реакционерами и уже не помышляли о борьбе на два фронта, а, наоборот, с каждым днем все больше уступали монархистам, напоминая тем самым кролика в клетке удава, «который, трясаясь от ужаса и обливаясь потом, сам шел навстречу своей верной гибели» [7, с. 8].

Авксентьев и Зензинов пытались убедить своих читателей в том, что переворот, совершенный в Омске, был случайностью, с их стороны не было никакого повода для его свершения, во всем виноваты реакционеры и на них должен быть обрушен гнев прогрессивной демократии. Оценивая роль Уфимского совещания, Авксентьев писал: «В Уфе единогласно всеми политическими партиями было избрано Временное Всероссийское правительство, которое выражало единение всех живых сил России и давало надежду на возрождение демократической России. В течение своего краткого 2-месячного существования ему удалось завоевать доверие как со стороны населения и армии, так и со стороны местных судебных установлений» [8, с. 8]. Примерно так же оценивал создание Директории и бывший ее запасной член Аргунов. В своей рецензии на книгу Г. К. Гинса он робко заявлял, что создание Директории было необходимо в данных условиях и она была основана в Уфе под общие аплодисменты [9, с. 318].

Большинство эсеровских авторов высказывались о Директории как об органе, который не имел и тени власти, а находился под строгим надзором Сибирского правительства. Это подчеркивал видный эсеровский деятель Ракитников [6, с. 15]. Не отличается от этого и характеристика, данная Директории другим эсером – Колосовым. В своей книге «Сибирь при Колчаке» он писал: «Директория никаким серьезным авторитетом не пользовалась, и ее существованием, в сущности, мало кто интересовался. Сама она внутренне представлялась слабой и не чувствовала в себе сил для решительной

борьбы» [10, с. 57]. Интересны высказывания о Директории эсера Святицкого. В своих воспоминаниях он отмечал, что в Омске ее называли «воробьиным правительством, которое не имело сил для того, чтобы обеспечить себе помещения для работы, и несколько дней вынуждено было существовать на железнодорожной ветке. Такими действиями Сибирское правительство подчеркивало временность Директории. Не зря омские шутники говорили, что достаточно дунуть и это воробьиное правительство улетит» [11, с. 32].

Слабость Директории была очевидной, и поэтому здесь полностью совпадали мнения как монархистов, так и эсеров. Лишь бывшие члены Всероссийского правительства защищали его и продолжали оправдывать свои действия перед переворотом. Например, Зензинов пытался опровергнуть заявления реакционеров о связи членов Директории с эсеровским ЦК. Он описывал, как пытался скрыть резолюцию своего ЦК, считая по меньшей мере бестактным призывать к поддержке правительства, подвергая его действия критике, а призыв к вооружению, от какой бы партии он ни исходил, недопустимым [12, с. 15]. Так он думал, когда реакция, уже не прикрываясь, рвалась к власти, о чем свидетельствовало письмо одного из членов Директории, приведенное в книге Ракитникова (по мнению Святицкого, это письмо написано самим Зензиновым [11, с. 57]). В письме подчеркивалось, что действительность превзошла все ожидания: фактически вся власть в Омске и, следовательно, в Сибири находилась в руках реакционно настроенной военной партии, и административный совет Сибирского правительства был игрушкой в ее руках [6, с. 15]. И тем не менее вместо наступления на эти силы Зензинов пытался скрыть обращение ЦК, дабы не вызвать осложнения, хотя в том же письме автор указывал, что силы реакции переоцениваются, «и их главным политическим багажом являются наглость и привычка не встречать сопротивления своим требованиям» [6, с. 16]. Об этом писали и другие авторы. Так, Святицкий отмечал, что во время кризиса Директории, когда встал вопрос о кандидатуре И. Михайлова (прозвище – Ванька Каин, один из инициаторов переворота) в качестве министра Всероссийского правительства и эсеры пытались сопротивляться этому, «чехи дали понять, что они к услугам Директории, и в два часа очистят Омск от всей реакционной нечисти. Омских реакционеров чехи ненавиде-

ли» [11, с. 44]. И это были не просто слова. У чехов были и силы для этого, и настроение. Ведь несколькими неделями ранее именно чехи поставили на место зарвавшихся реакционеров, убивших министра Сибирского правительства А. Новосёлова [9, с. 318]. Но эсеры в Директории не хотели обострять отношения с силами реакции. На вопрос, почему они не прибегают к силам чехов, они отвечали: «Мы не хотим создания своих латышей» [13, с. 15]. Этим ответом члены Директории удивили многих своих однопартийцев. Возмущенные такой позицией членов Всероссийского правительства, многие деятели эсеровской партии обвиняли их в том, что они собственными руками расчищали путь реакционерам для нападения на Директорию. Их действия во многом помогли монархистам совершить переворот. Это отмечал обозреватель эсеровского журнала «Сибирские записки», выходящего в Красноярске, В. К.: «Авксентьев убедил Областную думу на самоубийство во имя пользы и спасения России, а через несколько дней с тем же заявлением выступили заговорщики, совершив переворот в пользу монархистов» [14, с. 93]. Далее В. К. заявлял, что у демократов не было способных людей, которые могли бы управлять страной. Об этом же с некоторой болью писал и Утгоф: «Сил справиться с реакцией хватит вполне. Ну а дальше что? Кто будет министрами? Тот же Вольский, Чернов и К°, которые уже два раза не сумели удержать власть? А больше никого ведь нет. Ради этого не стоит начинать восстание» [13, с. 37].

Таким, к сожалению, был итог так называемой демократической контрреволюции в России. Приход к власти А. В. Колчака стал резким поворотом к краху антисоветской борьбы на восточной территории страны.

Список источников и литературы

1. Будберг А. Дневник белогвардейца // Начало Гражданской войны. М. : Л., 1926.
2. Лейтенант NN. Записки белогвардейца // Начало Гражданской войны. М. : Л., 1925.
3. Флуг. Отчет о командировке из добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив Русской революции (Берлин). 1923. Т. IX.
4. Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенция. Новониколаевск, 1925.

5. Кроль Л. М. За три года. Владивосток, 1922.
6. Ракитников Н. И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920.
7. Майский И. М. Демократическая контрреволюция. М., 1923.
8. Авксентьев Н. Государственный переворот Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области. М. : Л., 1927.
9. Аргунов А. Рецензия на книгу Г. Гинса «Сибирь, союзники, Колчак» // Современные записки (Париж). 1920. Т. VI.
10. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. М., 1923.
11. Святицкий Н. В. Крах учредилки // Колчаковщина. Екатеринбург, 1924.
12. Зензинов В. Правда о неправде // Гражданская война в Сибири и Северной области. М. : Л., 1927.
13. Утгоф Л. Уфимское государственное совещание // Былое. 1921. № 16.
14. В. К. Областное обозрение // Сибирские записки (Красноярск). 1918. № 4.

Содержание

Белокрыс М. А. К истории легитимации белых правительств Сибири средствами музыкального искусства (1918–1919)	3
Блинова О. В. «Красные белоармейцы»: заметки о новом справочном издании омских архивистов	10
Бородина Г. Ю. Восстание 22 декабря 1918 года в топонимике улиц города Омска	20
Величко С. А. Противоречия политики военного коммунизма	24
Воронин Д. В. Трагедия Белого движения, или Почему белые потерпели поражение	29
Дианов А. Г. Влияние продразверстки 1920 года на сельское хозяйство Томской губернии (в освещении Сибирской рабоче-крестьянской инспекции)	37
Елизарова Н. В. Некрологи в периодических изданиях времен Гражданской войны (на материалах Исторического архива Омской области)	42
Капустин Л. Г. Печати и штампы партизанской бригады атамана И. Н. Красильникова	52
Кондакова Е. В. Большие события сквозь призму маленького человека: образы Гражданской войны в личных дневниках	58
Кутепов В. А. Строительство Красной Армии после окончания Гражданской войны в России (1919–1925 гг.)	65
Лосунов А. М. Из истории кладов белого Омска	71
Махнанова И. А. Б. Г. Пантелеймонов в годы революции и Гражданской войны	77
Минжуренко А. В. К вопросу о взаимоотношениях Колчака и союзников	81
Морозов Н. М. Освобождение Тайги 23 декабря 1919 года	89
Паршуков В. А., Тимофеев А. Н. Енисейские казаки в Читинском атамана Семёнова военном училище: материалы для биографического словаря	96
Разумов В. И. Отказ Омска от статуса третьей столицы в ряду особенностей российского менталитета	104
Саблин А. Ю. О последних днях 2-й Омской школы подготовки прапорщиков пехоты	108

Салохин Н. П. Революция в России: специфика единицы общества	116
Селюк В. И. Купец Н. Н. Машинский и «Омский дневник» (1917–1920) его дочери	122
Сизов С. Г. Деятельность образовательных учреждений в Омске в 1918–1919 гг.	126
Стельмак М. М. К вопросу о репрессивном характере внутренней политики Российского правительства А. В. Колчака	133
Федотова И. В. Омская археология и Гражданская война	147
Черепанов К. В. «Есть у Революции начало, нет у Революции конца». Когда закончилась Гражданская война в России? ...	154
Шахтарин Г. А. Белогвардейская литература о государственном перевороте в Омске 18 ноября 1918 года	164

Contents

Belokrys M. A. On the History of Legitimation of the White Governments of Siberia by Means of Musical Art (1918–1919) . . .	3
Blinova O. V. “Red White Arms’ Soldiers”: Notes About New Reference Edition of Omsk Archivists	10
Borodina G. Yu. Revolt 22 December 1918 in Toponymic of the Streets of the City of Omsk	20
Velichko S. A. Contradictions Policy of War Communism.	24
Voronin D. V. The Tragedy of the White Movement, or Why the White Failed	29
Dianov A. G. The Influence of Food Collection on Agriculture in the Province of Tomsk in 1920 (In the Light of the Siberian Working-Peasant Inspection)	37
Elizarova N. V. Necrologies in Periodic Editions of the Times of the Civil War (On the Materials of the Historical Archive of the Omsk Region).	42
Kapustin L. G. Seals and Stamps of the Ataman I. N. Krasilnikov Partisan Brigade	52
Kondakova E. V. Big Events Through the Prism of a Little Man: Images of the Civil War in Personal Diaries.	58
Kutepov V. A. Construction of the Red Army After the End of the Civil War in Russia (1919–1925).	65
Losunov A. M. From the History of the Treasures of the White Omsk	71
Makhnanova I. A. B. G. Panteleymonov in the Years of the Revolution and Civil War	77
Minzhurenko A. V. To the Question of Relations of Kolchak and Allies	81
Morozov N. M. Release of the Taiga on December 23, 1919.	89
Parshukov V. A., Timofeev A. N. The Yenisey Cossacks in the Ataman Semeyonov Military School of Chita: Materials for a Biographical Factbook.	96
Razumov V. I. Omsk Refusal of the Third Capital Status to a Number of the Peculiarities of the Russian Mentality	104
Sablin A. Yu. About the Last Days of the 2 nd Omsk School of Preparation of Warrant Entitches	108
Salokhin N. P. Revolution in Russia: Specificity of Social Unit	116

Selyuk V. I. Merchant N. N. Mashinsky and the “Omsk Diary” (1917–1920) of His Daughter	122
Sizov S. G. The Work of Educational Institutions in Omsk in 1918–1919	126
Stelmak M. M. To the Question of the Repressive Character of Inner Policy of the Russian Government of A. V. Kolchak . . .	133
Fedotova I. V. Omsk Archeology and Civil War	147
Cherepanov K. V. “The Revolution Has a Beginning, There Is No End to the Revolution”. When Did the Civil War in Russia End? . . .	154
Shakhtarin G. A. The White Guard Literature on the Coup of November, 18 1918 in Omsk	164

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ**

Материалы всероссийской научной конференции,
посвященной 100-летию начала Гражданской войны
и 100-летию государственной архивной службы России

Редактирование и компьютерная верстка Л. А. Зарубиной

Подписано в печать 22.05.2019. Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 8,71. Усл. печ. л. 10,94. Тираж 100 экз. Заказ № 1477.

ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»
644010, г. Омск, ул. Жукова, 78

